7973
3 КСМ.1(57.14)
О-578

ОМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ КНИГА ПОЧЕТА ИМЕНИ 10 СЪЕЗДА ВЛКСМ

Б 916918

72713

ЗКСМ.1(57.14)
О-578

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи

КИМ

Омская областная
Книга почета
имени X
с'езда ВЛКСМ

Б/916918

Библиотека научный отдел кетт инв 96302

Омская областная научная библиотека им А. С Пушкина

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„МОЛОДОЙ БОЛЬШЕВИК"
ОМСК 1936 ГОД

Книга подвига
Оборона Севастополя

ОМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ

КНИГА ПОЧЕТА

имени

X

С'ЕЗДА
ВЛКСМ

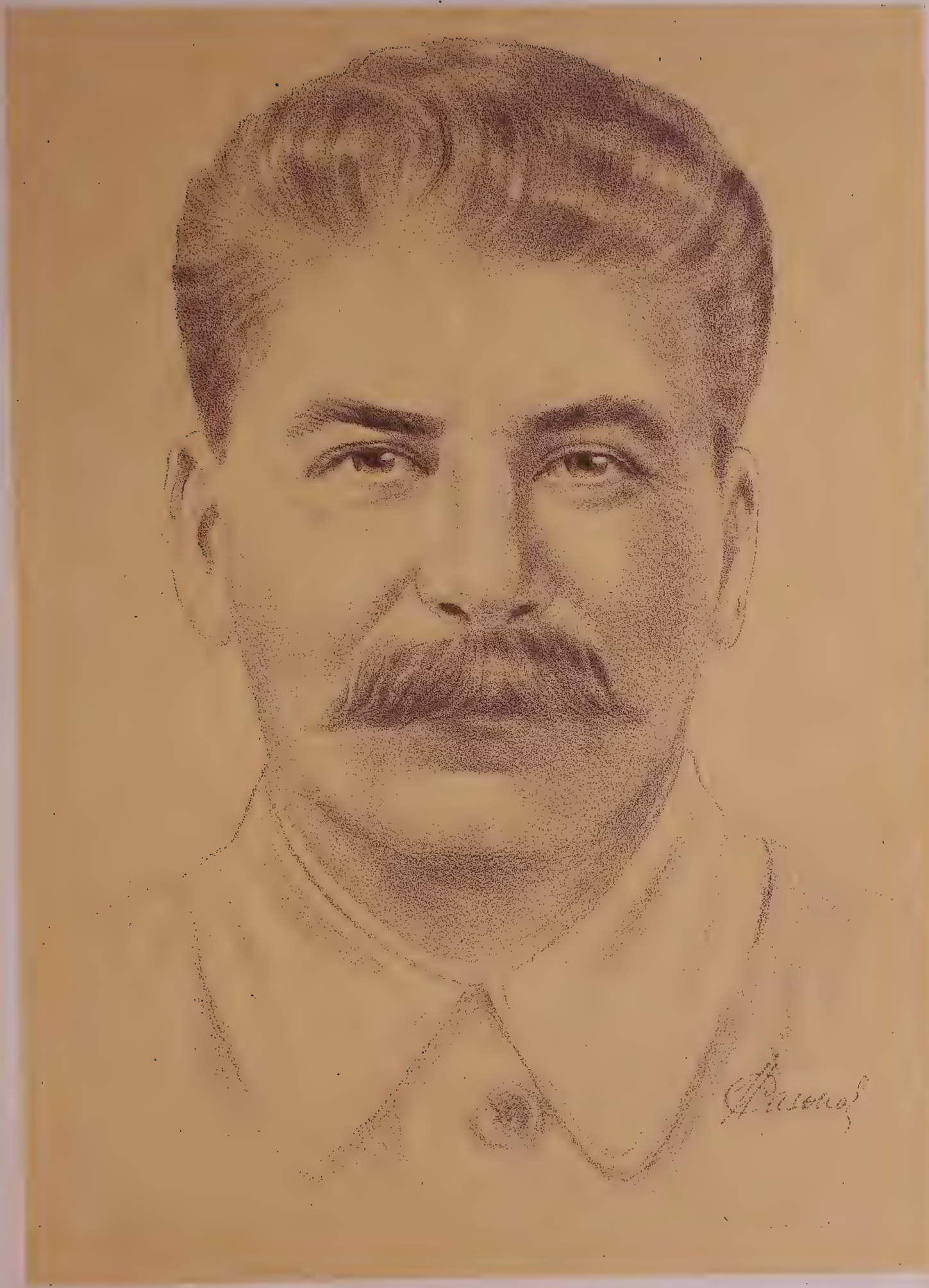
Редколлегия:
т. т. П. ВОЛКОВ, Т. ГОНЧАРОВА (отв. секретарь), Л. КУЗИК, М. ЛУЦКИЙ (отв. редактор), Н. СЕНЬКО, В. ФАДЕЕВ, П. ШАБАНОВ.

„БЫТЬ ЧЛЕНАМИ СОЮЗА МОЛОДЕЖИ ЗНАЧИТ ВЕСТИ ДЕЛО ТАК, ЧТОБЫ ОТДАВАТЬ СВОЮ РАБОТУ, СВОИ СИЛЫ НА ОБЩЕЕ ДЕЛО. ВОТ В ЭТОМ СОСТОИТ КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ. ТОЛЬКО В ТАКОЙ РАБОТЕ ПРЕВРАЩАЕТСЯ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК ИЛИ ДЕВУШКА В НАСТОЯЩЕГО КОММУНИСТА. ТОЛЬКО В ТОМ СЛУЧАЕ, ЕСЛИ ОНИ ЭТОЙ РАБОТОЙ СУМЕЮТ ДОСТИГНУТЬ ПРАКТИЧЕСКИХ УСПЕХОВ, ОНИ СТАНОВЯТСЯ КОММУНИСТАМИ".

(В. ЛЕНИН).

„... ТРУДОВОЙ ЧЕЛОВЕК ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ У НАС СВОБОДНЫМ ГРАЖДАНИНОМ СВОЕЙ СТРАНЫ, СВОЕГО РОДА ОБЩЕСТВЕННЫМ ДЕЯТЕЛЕМ. И ЕСЛИ ОН РАБОТАЕТ ХОРОШО И ДАЕТ ОБЩЕСТВУ ТО, ЧТО МОЖЕТ ДАТЬ, — ОН ГЕРОЙ ТРУДА, ОН ОВЕЯН СЛАВОЙ".

(И. СТАЛИН).



„СПАСИБО ПЕРЕДОВЫМ МОЛОДЫМ ЛЮДЯМ НАШЕЙ СТРАНЫ ЗА ТО, ЧТО ОНИ ОПРАВДЫВАЮТ ВЫСОКОЕ ДОВЕРИЕ НАШЕЙ ВЕЛИКОЙ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ И ОПРАВДЫВАЮТ СВОИМ ЧЕСТНЫМ, УДАРНЫМ ТРУДОМ ВЫСОКОЕ ДОВЕРИЕ, ОКАЗЫВАЕМОЕ НАШЕЙ МОЛОДЕЖИ ТОВАРИЩЕМ СТАЛИНЫМ.

ВАШИМ ГЕРОИЧЕСКИМ ТРУДОМ ГОРДИТСЯ ВСЯ СТРАНА, ГОРДИТСЯ ЛЕНИНСКИЙ КОМСОМОЛ, ГОРДИТСЯ НАША ВЕЛИКАЯ БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПАРТИЯ, ГОРДИТСЯ НАШ ДРУГ И УЧИТЕЛЬ ВЕЛИКИЙ СТАЛИН!

ЭТИМ СВОИМ УДАРНЫМ, ЧЕСТНЫМ ТРУДОМ, САМООТВЕРЖЕННОЙ РАБОТОЙ ПЕРЕДОВАЯ СОВЕТСКАЯ МОЛОДЕЖЬ, ЧЛЕНЫ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА БЛАГОДАРЯТ НАШУ ПАРТИЮ, НАШЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО, ТОВАРИЩА СТАЛИНА ЗА ХОРОШУЮ, СЧАСТЛИВУЮ, ЗАЖИТОЧНУЮ И КУЛЬТУРНУЮ ЖИЗНЬ, КОТОРУЮ ОНИ СОЗДАЛИ ДЛЯ НАШЕЙ МОЛОДЕЖИ".

(А. КОСАРЕВ)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В декабре 1934 года по инициативе тов. Сталина, по решению партии и правительства, была создана Омская область. С тех пор прошло немного больше года. Меняется лицо области, в прошлом отстающей, ныне успешно завершившей 1935 год по всем показателям народно-хозяйственного плана.

В борьбе за победу на всех фронтах социалистического строительства выросли и люди, об этом свидетельствует то, что лучшие из них удостоились великой чести—приема руководителями партии и правительства, великим вождем народов Иосифом Виссарионовичем Сталиным. Грудь многих передовиков борьбы за высокую урожайность, комбайнеров и комбайнерок, трактористов, агрономов и бригадиров украшена высшей наградой—орденами Союза.

Среди этих героев и героинь труда много комсомольцев и молодежи, чье геройство—пример той борьбы нашей советской молодежи за социализм, которую ведет она под руководством великой коммунистической партии большевиков.

—Жить стало лучше... жить стало веселее.

—Спасибо большевистской партии и великому Сталину за счастливую зажиточную жизнь.

В этих словах отражен великий порыв миллионов тружеников Советской страны, идущих от победы к победе.

По всей стране проходит небывалый под'ем. Миллионы советских людей в 1935 году с особой реальностью ощутили результаты победы социализма. Быстро растет зажиточность рабочих и колхозников. Мощное стахановское движение, возникшее на новой технике, созданной социализмом, говорит о перевороте, совершающемся не только в экономике, но и в сознании людей. .....„Героем нашего времени становится сейчас человек, в любой области ломающий на практике пределы использования техники нашего хозяйства, в любой области находящий пути резкого повышения производительности труда. Вот почему имя забойщика Алексея Стаханова стало символом трудового героизма“ („Правда“).

Имена лучших комсомольцев нашей области, орденоносцев **Селькова, Устинова, Ситкарева, Ивахно, Цепенко, Кислякова, Юдаева** открывают страницы областной Книги Почета имени X с'езда ВЛКСМ. В книгу занесены люди разных профессий, все они воспитаны партией большевиков в рядах ленинского комсомола. Комсомол Омской области гордится ими.

Исполнился год с тех пор, как тов. Сталин поставил перед комсомолом центральной задачей коммунистическое воспитание молодежи и детей. Этот год не прошел бесследно для комсомола. Комсомол может гордиться, что в его рядах воспитались сотни, тысячи достойных представителей **сталинского** поколения. Комсомол Омской области с гордостью отмечает, что десятки и сотни из них воспитаны в его рядах.

Весть о созыве I-й областной конференции и X-го Всесоюзного с'езда комсомола была встречена новым мощным творческим под'емом масс комсомольцев и молодежи Омской области. На фабриках и заводах, в совхозах и колхозах развернулось мощное движение под лозунгом „работать по-стахановски". В первых рядах этого движения комсомольцы, молодежь.

В Книгу Почета занесены далеко не все знатные люди омского комсомола, занесены только лучшие из лучших.

Их пример зажигает комсомольцев и молодежь на новые славные дела.

Комсомол Омской области приходит к своему X-му с'езду ВЛКСМ политически боеспособной организацией, под руководством партии, успешно разрешающей задачу, поставленную тов. Сталиным.

Наш самый ценный подарок X с'езду ВЛКСМ, это замечательные люди, воспитанные ленинским комсомолом.

Мы рапортуем товарищу Сталину, всему комсомолу Союза, что это только первые успехи нашей работы. Не успокаиваясь на них, комсомол Омской области под руководством партии воспитает в своей среде тысячи сталинских учеников. Порукой этому— небывалый под'ем комсомолок, комсомольцев и молодежи, желание быть в числе лучших людей страны.

Не зазнаваясь, как нас учит партия Ленина-Сталина, вооружаясь великим учением Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, примерами героев труда, овладевая техникой, умножим свои первые успехи.

Будем всегда помнить свою роль красноармейца международного коммунизма.

„Старшее поколение большевиков, старые большевистские бойцы решили вопрос „кто кого" в пользу социализма внутри нашей страны. Нам, молодым людям Страны советов, под руководством

нашей партии, под руководством великого Сталина, под командованием маршала Советского Союза товарища Ворошилова предстоит чрезвычайно тяжелая, важнейшая, историческая задача— решить „кто кого“, решить судьбу коммунизма во всем мире. И если наша славная молодежь по-прежнему будет следовать указаниям большевистской партии, будет следовать указаниям товарища Сталина, если наша славная молодежь по-ударному, как она работает сейчас, и еще лучше будет трудиться на наших фабриках и заводах, в наших колхозах и совхозах, то нет, товарищи, никакого сомнения в том, что мы, молодое поколение большевиков, во главе с партией, во главе с товарищем Сталиным вопрос о судьбах трудящегося человечества решим в пользу коммунизма в международном масштабе!“ (**А. Косарев**).

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СТАЛИН!

Выступление агронома совхоза „Боевой", Омской области, В. А. Селькова на Всесоюзном совещании передовиков урожайности по зерну.

На снимке: тов. СЕЛЬКОВ на трибуне.

От колхозников, колхозниц, от рабочих и работниц совхозов, от инженерно-технических работников и агрономов, от стахановцев социалистического труда Омской области, нашему правительству и любимому вождю трудящихся всего мира товарищу Сталину пламенный привет! (**Бурные аплодисменты, все встают**).

При помощи Центрального Комитета партии и товарища Сталина Омская область за год своего существования добилась решающих побед в сельском хозяйстве.

Посев в Омской области в нынешнем году проведен на 20 дней раньше, чем в 1934 году. Вместо 450 комбайнов в 1934 году область имеет 865 комбайнов в 1935 г.

Несколько слов о себе. Я до 1927 года был неграмотным пастухом. В 1927 году вступил в комсомол, и комсомол послал меня учиться. В 1932 году я окончил сельскохозяйственный техникум и получил звание агронома-семеновода. В 1932 году меня приняли в ряды ВКП(б).

О своей работе. С 1933 года я работаю в качестве агронома отделения совхоза „Боевой", Исилькульского района, Омской области. В 1935 году одновременно занимал должность заведующего этим отделением.

Сталин. Сколько вам лет?

Сельков. Мне 24 года (**Аплодисменты**).

Вот показатели моей работы. За 1935 год я добился урожая с площади в 176 гектаров 35 центнеров овса с гектара, или 210 пудов (**Аплодисменты**). С 80 га — 30 центнеров овса, или 180 пудов.

Как я добился такой высокой урожайности? Прежде всего, в моем отделении введен семипольный севооборот с посевом американского пырея, а пырей, как мы знаем, создает структуру почвы и корневая система дает богатый перегной для питания пшеницы.

Посев был проведен в сжатые сроки, в 13 рабочих дней вместо 21 дня в 1934 году. Посев был проведен в основном по зяби, тогда как в 1934 году посев производился главным образом по весновспашке. Качество семенного материала перед посевом было 3 раза проверено.

Уход за посевом был организован хорошо. Когда угрожала кобылка, которая любит размножаться на американском пырее, мы ее отравляли с самолетов, 2 самолета работали у меня в отделении. Прополка сорняков на засоренных местах проведена два раза.

А главное—я занимался, и много занимался профилактической работой. Как врач, в целях предупреждения серьезных болезней, выписывает и рекомендует разные рецепты, так и в нашей работе надо дифференцированно подходить к каждой отдельной клетке земли, с учетом ее особенностей: где нужно вспахать 22 сантиметра, где 15—18, где надо два раза пробороновать, а где 3 и 4, где семена нужно заделать на 4—5 сантиметров, а где на 6—7. Эти правила на первый взгляд кажутся малозначительными, но в практике нашей работы они дают большой эффект.

Сталин. Правильно, правильно!

Сельков. Уборка урожая. Здесь я положил в основу своей работы решения июньского пленума ЦК ВКП(б) и работал под основным лозунгом—убрать в минимальные сроки и без потерь. Косовица хлебов была закончена в 18 дней вместо 20 дней по плану.

Сталин. Косили чем?

Сельков. Комбайнами. У меня на отделении было 6 комбайнов. Молотьбу закончили в 35 дней, вместо 45 дней по плану. В этом году была разбита „теория" о невозможности применения комбайнов в семеноводческих хозяйствах. Комбайн в нынешнем году убрал нам 50 процентов урожая, и качество семенного материала ничуть не понижено.

Борьба с потерями. К каждой уборочной машине был приделан зерноуловитель, и мы наловили зерна 1.020 пудов.

Борьба с хищениями. В отделении построено 4 наблюдательных вышки для того, чтобы с них можно было видеть, так называемых „парикмахеров", которые, когда поспевает хлеб, ходят с мешками и ножницами, подрезают колосья.

На каждом производственном участке был верховой об'ездчик. Помимо этого, мы в нынешнем году обеспечили тока сторожами гораздо лучше, чем в предыдущие годы.

Государству вместо 14 тыс. центнеров по плану сдано 22,5 тыс. центнеров или 161 процент и на 2 месяца раньше против прошлого года (**аплодисменты**), а в целом по совхозу было сдано вместо 39 тысяч центнеров—60 тыс. центнеров, т. е. 180 проц. задания. 88 проц. сданного зерна сдано Госсемсортфонду. Это чистый материал первый категории.

Главный успех моей работы заключается в том, что я работаю не один. У меня есть так называемые непартийные большевики, на которых я опираюсь. У меня есть полевод Дендемарченко Михаил, работает 6 лет полеводом, свою работу прекрасно знает. У меня есть комбайнер Пасько, который работает хорошо, есть у меня старший агроном Крутиков, под непосредственным руководством которого я работаю. Правда, я перечислил не всех, их гораздо больше, но этим я хочу сказать, что успех в конечном итоге зависит не от меня одного. Мне люди помогали в этом. Может быть успех моей работы заключается в том, что я сумел в этом году лучше с людьми работать, чем работал в предыдущие годы. Один успехов не добьешься. С людьми надо работать (**Аплодисменты**).

По семеноводству. Товарищ Сталин на XVII с'езде партии сказал „дело семеноводства у нас запутано, надо его распутать". И наша задача состоит в том, чтобы обеспечить колхозы высококачественным семенным материалом. Мы в этом году сдали Госсемсортфонду 88 проц. и только 12 проц. сдали Заготзерну. По сортовой чистоте мы имеем 95-99 и выше процентов. Вот какой высокой сортности, вот какой чистоты зерна удалось нам добиться. Эти задачи выполнять было нелегко. Но для выполнения их появляется какая то сила, энергия, охота их преодолеть. Очевидно это потому, что задачи эти ставит перед нами наша любимая коммунистическая партия и наш, всеми любимый, товарищ Сталин (**шумные аплодисменты**).

На расстоянии 20 километров от нас есть совхоз „Лесной"—тоже семенного треста. Там на северном отделении есть агроном тов. Устинов, Василий Александрович, он здесь также присутствует. Он добился таких урожаев: с 115 га по 35 центнеров или 210 пудов, с 511 га—по 26 центнеров. Совхоз „Лесной" сдал государству вместо 43 тыс. центнеров зерна по плану 77 тыс. центнеров или 177 проц., и на 2 месяца раньше против прошлого года. Мы с ним соревнуемся и как раз в один день кончили.

Мы с тов. Устиновым уже здесь, в Москве, после беседы с тов. Яковлевым, заключили договор и взяли на себя обязательство в 1936 году взять средний урожай зерновых по 25 центнеров с гектара и выделить из общего массива—он 500 гектаров и я 500 гектаров, где дать урожай по 200 пудов с гектара. (**Аплодисменты**). Кроме того, мы организуем по одному агрокружку с количеством слушателей не менее 15 человек в каждом, для обучения правилам агротехники. Еще решили взять под свое обслуживание 2 колхоза: Я—

колхоз „Красный доброволец", а Устинов—колхоз имени Буденного и добиться в этих колхозах урожая не менее 20 центнеров с гектара (**Аплодисменты**).

Товарищи, а действительно жить стало лучше, жить стало веселее. Это—факт. Как я счастлив, а счастлив, по-моему, не только я, все теперь счастливы, что живут в такое хорошее время, когда воочию открываются для каждого перспективы бурной и радостной жизни. Когда смотришь на подонки царской империи, так и хочется ругаться, товарищи (**Аплодисменты**). И действительно, товарищи, что осталось от нее в памяти? Царь-пушка, которая не стреляет, царь-колокол, который не звонит, и Николашка, который не царствует. (**Смех, аплодисменты**). То ли дело, товарищи, жить сейчас—свобода, плюс материальные блага народу, культура и труд, ставший делом чести. Герой труда имеет право быть знатным человеком и говорить вот с этой трибуны вместе с представителями партии и правительства! (**Аплодисменты**). То ли дело теперь—жить в такой стране, где у власти стоят лучшие представители рабочего класса, в такой стране, где руководит любимый всеми трудящимися наш великий вождь товарищ Сталин! (**Бурные аплодисменты**).

Да здравствует ленинский комсомол, который дал возможность мне, бывшему неграмотному пастуху, выйти на дорогу! (**Бурные аплодисменты**).

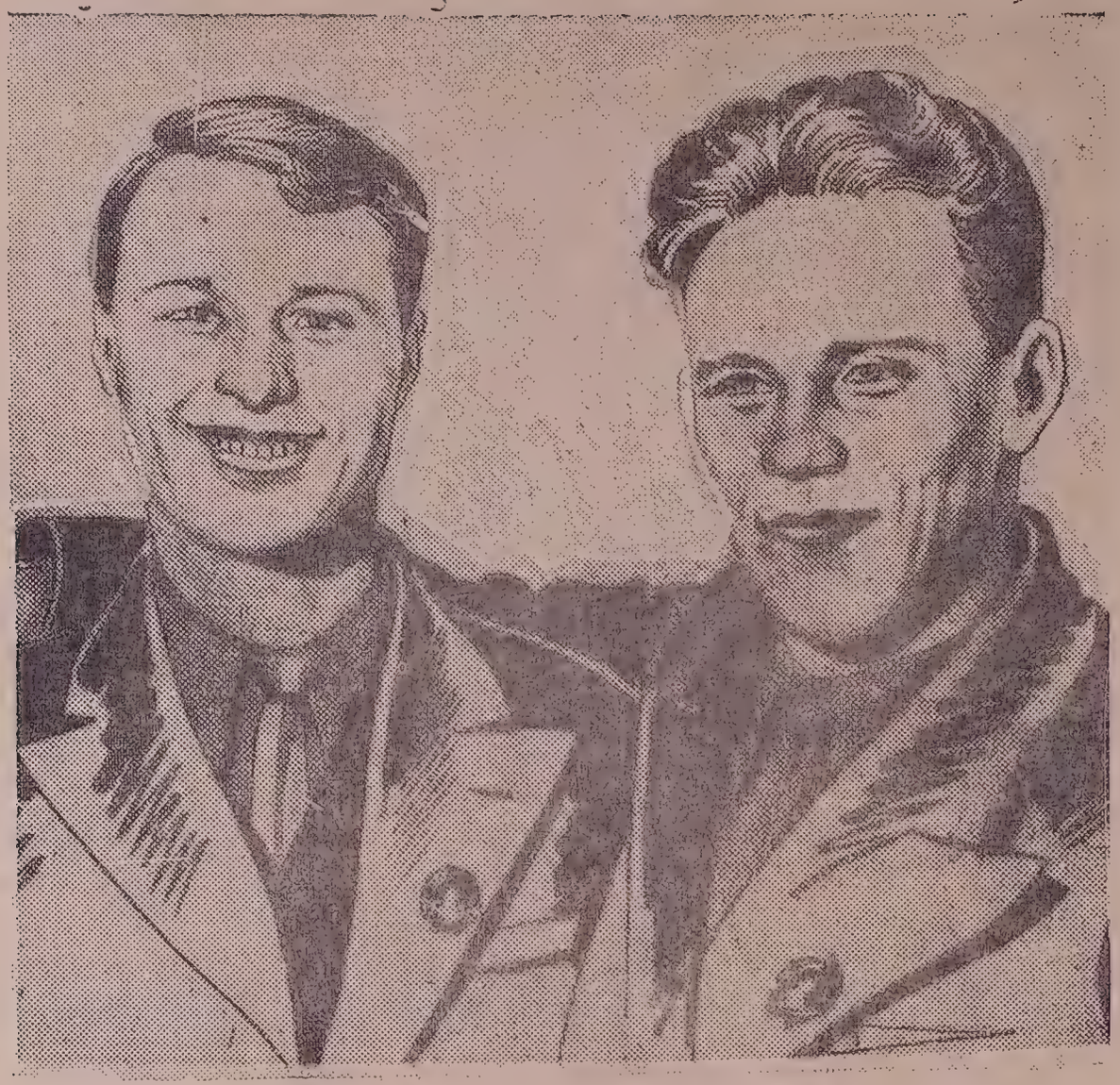
Да здравствует наша коммунистическая партия, которая вырастила и воспитала меня! (**Бурные аплодисменты**).

Да здравствует наше любимое правительство! Да здравствует наш гениальный вождь и учитель товарищ Сталин! (**Шумные, продолжительные аплодисменты, все встают**).

Мне хочется, товарищи, пожать руку товарищу Сталину. (**Бурные аплодисменты. Тов. Сельков здоровается с товарищем Сталиным**).

(„Правда").

ДВА ТОВАРИЩА



ВАСИЛИЙ УСТИНОВ и МИХАИЛ СЕЛЬКОВ, комсомольцы агрономы, участники Всесоюзного совещания передовиков урожайности по зерну. Награждены правительством орденами Ленина.

Устинов—член ВЛКСМ с 1928 года, работает агрономом в северном отделении семеноводческого совхоза „Лесной", на своем участке в 1935 году добился урожая с 115 га—по 35 центнеров с га, с 511 га по 26 центнеров с га.

Сельков—член ВЛКСМ с 1927 года, член ВКП(б), агроном семеноводческого совхоза „Боевой"—в 1935 году на отделении, которым он заведывал, добился урожая с 175 гектаров по 35 центнеров, с 80 га—по 30 центнеров.

Сельков и Устинов в 1936 году обязались взять средний урожай зерновых по своим отделениям по 25 центнеров с га, и на особо выделенных участках в 500 га взять урожай не менее 200 пудов с га.

Пароход взревел и отвалил от берега, разрушая зеркальную гладь Камы. Толпа провожающих редела. Миша Селков возвращался один, жалея товарища, которого только что проводил. Вместе с Васей они приехали в Сарапул, вместе познавали секреты чтения и письма. До курсов они не учились ни дня.

Батрацкие курсы длились четыре месяца. Из сорока человек учащихся выдержали выпускные испытания пятнадцать. С большими натяжками и скидками был принят в Сельхозтехникум Михаил.

Сейчас он шел по городу с нарастающим чувством одиночества и скуки. Холщевая куртка, широкие самотканные брюки, белые портянки, повитые веревочками новых лаптей, все это заставляло прохожих изумленно и любопытно оглядывать его.

„Какие же будут новые ребята? Найду ли я себе среди них хорошего друга?“—думал Михаил, входя в общежитие. В комнате у кровати уехавшего товарища Михаил увидел сухощавого юношу. Темные волосы его были аккуратно зачесаны на левую сторону. Незнакомец улыбался.

— Вы что, товарищ, устраиваетесь на васину койку?—спросил незнакомца Михаил.

— Устраиваюсь. Да я и сам Василий.

Эта встреча была началом большой дружбы между Михаилом Сельковым и Васей Устиновым.

■ ■ ■

Осень. 1929 год. Учеба.

Первые дни Михаил чувствовал себя чужим в техникуме. Причиной были лапти и холщевая одежда, отличная от одежды других студентов. Но уже через неделю он освоился с обстановкой и людьми. Селькова полюбили и узнали в техникуме, как неутомимого весельчака. На досуге молодежь собиралась в комнату Михаила, чтобы послушать сказки и анекдоты, неисчерпаемое количество которых он знал.

Как то раз любителям поразвлечься Миша загадал:

— Что будет с вороной, когда ей исполнится три года?

На Михаила смотрели десятки смеющихся любопытных глаз.

— Линять будет?—спросил нерешительно кто-то.

— Цыплят высиживать,—предположил другой.

— А по-моему ей четвертый год пойдет,—комически серьезно поправил Михаил. Комната взорвалась хохотом. А когда смех утих, кто-то из ребят спросил загадчика:

— Где же ты так научился, Михаил?

— Рассказать?

— Расскажи,—прозвучало несколько голосов.

— Мне сейчас восемнадцать,—начал Миша,—я пятнадцати лет хожу по людям и за эти годы работал пимокатом, столяром, каменщиком, гонщиком, па-

ЯКУТГОСНАЦ
ОТДЕЛ
КЕЧТ
УНГ 36302

стухом. Вот тут я и научился. Раз меня чуть громом не убило. Работал я тогда пастухом. Коровы домой пришли, а меня нет. Нет, ну и ладно, никто и не спрашивает обо мне. А утром коров стали выгонять, где пастух? Туда, сюда — нет. Нарядили трех мужиков, послали разыскивать... А меня, видимо, здорово хлестануло. Утром опомнился, гляжу—поле, а я у межи в борозде лежу, ну и отлежался. Только потом в нашей деревне Талице говорили: „Косомольца то бог наказал". После этого коров пасти не доверяли.

■ ■ ■

На уроке географии Мишу вызвали к карте. Преподаватель предложил найти реку Енисей. Сельков водил, водил пальцем по карте и остановился у Ленинграда. В классе рассмеялись. Преподаватель вызвал студента Сергеева. Сергеев поправил галстук, уверенно подошел к карте, с усмешкой взглянул на Михаила и указал на Енисей.

— Заблудился в трех соснах, челдон, — громко сказал Сергеев. За столами перешептнулись. Михаил покраснел от злости и вышел из аудитории.

Василий учился не в одной группе с Сельковым. Он только вечером узнал о случае у карты, когда Михаил показал ему заявление об уходе из техникума. Василий уговаривал друга.

— Ты знаешь, Миша, с каким трудом я окончил семилетку. Отец мой жил незавидно. Я две группы кончил и не стал больше ходить в школу, обуться не во что было. Тогда к нам пришел кулак Баскаков—гроза всей деревни и говорит отцу: „Вот я старенькие пимишки принес, пусть Васька бегает в них, а весной отработает". За них я и работал целое лето у Баскакова. Во все дыры меня совали. За другое лето моей работы Баскаков осенью измолотил своей машиной хлеб отца—вот и в расчете. А молочения-то и на день не хватило. Тогда мне здорово обидно было. Целое лето и день—вот кулацкая математика! Видишь сам, в каких условиях я учился. Я знаю, Миша, трудно тебе и всегда помогу. Учись!

Друзья с минуту молчали, потом Михаил уничтожил заявление.

■ ■ ■

Учеба шла полным ходом. Первый и самый трудный для Михаила курс был пройден. Он с группой товарищей возвращался с первой практики. Вез с собой хорошую характеристику и первую премию из Подовинского зерносовхоза. Радостью хотелось скорее поделиться с Устиновым. Привез новость и Василий—на практике он узнал, что отец Сергеева—белый офицер.

— А ведь говорил, что батрак,—с возмущением сказал Михаил.

Василий и Михаил дружили крепко. Получая по 25 рублей стипендии они обобществляли деньги и без совместного решения не тратили ни одной копейки. Другие студенты получали от родителей материальную помощь, друзья были лишены этого. Василий и Михаил заключили договор, — не отступая ни от каких трудностей, окончить техникум. На последнем курсе Михаил был секретарем кустовой комсомольской ячейки, а Василий— членом бюро. Летом 1932 года Сельков вступил в партию, а осенью перед выпуском состоялась комсомольская свадьба. Друзья поженились. Подруги Селькова и Устинова были комсомолки, студентки этого же техникума.

После окончания учебы, Сельков ушел в Красную армию, а его жена, Варя была командирована на работу в совхоз „Боевой", Исилькульского района. Устинов с Аней были посланы агрономами по соседству, в совхоз „Лесной".

■ ■ ■

Добьемся урожая мы,—
втройне,
земля,
рожай.
Пожалте,
уважаемый
Товарищ урожай!

В. Маяковский.

Широко разметнулось равнинное поле. На белотканном снежном покрове узорчатыми пятнами разбросались небольшие березовые колки. Из-за деревни „Память Свободки“ прямо на колок бежит лошадь, впряженная в кошовку — едет агроном северного отделения совхоза „Лесной“, Василий Александрович Устинов. Заботливым хозяйским взглядом осматривает он снежный наст на полях.

„Маловато, маловато нанесло“,—думает он про себя.

Впереди и позади простор, простор вправо и влево. „Богат же я, чорт побери“,—размышляет агроном,—„три тысячи гектаров посева—это не шутка... Имею до одиннадцати тысяч десятин земли вместе с выгонами, покосами, лесом. Сам помещик Корзин, бывший здешний хозяин, засевал одну тысячу. Остальную землю и покосы он сдавал крестьянам на кабальных условиях—одну треть урожая себе, две трети мужику. Конечно, об'ездчик выбирал для пана лучшие снопы, лучшее сено“.

Корзин владел землей до 1919 года. Колхозники колхозов имени Буденного и „Крестьянский путь“ не забыли его соленых услуг для „мужичков“. О помещике Устинов слышал рассказ от машиниста молотилки Храмова. Храмов и его отец обсевали панские нарезы.

Тут же Василий вспоминает, как его, девятнадцатилетнего агронома, встретили в совхозе.

На совещании стоял вопрос о весне 1933 года. Василий, внимательно прослушав все выступления, попросил слова. В своей короткой речи он высмеял „изобретателей“, которые применили вспашку снега. Снег пахали, взрыхляли, а его уносило ветрами—пашня оставалась без влаги. Василий назвал это головотяпством. К весне не было приготовлено ни одного га пара. Имелись лишь десятки гектаров зяби.

— Так не работают,—говорил на совещании Устинов.

— Говорить то легко, а ты вот на деле покажи,—бросил кто-то.

— И покажу,—ответил на реплику комсомолец—только я требую до пахоты организовать территорию совхоза, разбить каждое отделение на участки, участки на клетки, закрепить твердые границы за отделениями, участками и клетками, организовать на них культурный семипольный севооборот. Создать постоянные бригады.

На эту речь Василий услышал „поучающую нотацию“: „Мы здесь хозяйничаем не первый год, мы не выскочки, знаем, как надо вести хозяйство. И нелишне напомнить, что яйца курицу не учат...“

Устинову было ясно, что его деловую речь не слушали всерьез, а самого приняли за выскочку, за ребенка. Посмеялись над ним. Первая попытка наступления не удалась. Полеводы тихонько смеялись над агрономами, не выполняли агротехнических мероприятий, делали по-своему.

После того, как Устинов выступил на чистке партии и рассказал о полеводе коммунисте Киреченко, о том, как он игнорирует агротехнику, проявляет кичливость и заносчивость, комиссия заинтересовалась этим вопросом и вскрыла много дел, подобных делу Киреченко. После этого поворот был заметен. Смелое выступление Устинова на чистке партии, поддержка, оказанная ему комиссией по чистке, все это заставило уважать молодого агронома-комсомольца.

Вспомнил Василий и про письмо Михаила. Письмо было написано весной 1934 года, в нем излил Вася зло и досаду на неудачи, а вслед за этим письмом уже осенью пошло и другое.

„Верно ты говорил, Миша, что соревноваться нам следует на длительное время. Что ж, хорошо! Поспорим! У меня достижения есть. Главное, что люди меня поняли и мы всем коллективом включились в борьбу за высокий урожай. Самые лучшие клетки дали 22 центнера с гектара в этом году, а в 1935 добьемся 30-35 центнеров с га. Опыт сейчас у меня есть. Вы понимаете, Миша и Варя, в каких условиях приходилось мне готовить пары для посева 1935 года? Вместо 30 тракторов у нас было в строю 13. День и ночь работали на них мои лучшие трактористы Катюшенко Дмитрий, Корнилов Виктор и много других. Эх, уж и пар то приготовили—первосортный! Правда, его будет вспоминать кое-кто. Вот, например, бригадир Булат, он во время горячей работы на вспашке паров вздумал свадьбу справлять, лошадь загонял, подлец, ну и что же? Остался без кандидатской карточки, а в бригадиры я подобрал хорошего па-

ренька. Ну, пару слов о себе. Работаем с Нюрой дружно, ростим дочь Лиду. Хорошая девчурка. Задание по заочной учебе выполняем оба на «хорошо», пополняем библиотеку. Последнюю книгу я прочел «Капитальный ремонт» Соболева. Мы с Нюрой обижаемся на тебя, Миша, ведь ты командир запаса и не приедешь, не расскажешь нам о своей службе. В будущую осень я призываюсь—вот почему ты должен навестить нас, посоветоваться. Должен тебе сказать, что жинка у меня—боевой агроном, лучший мне помощник! А как вы живете?"

■ ■ ■

Стояла ранняя весна 1935 года. С полей убывал снег. Агроном Сельков целые дни проводил в поле, подкарауливая и выжидая спелость земли, как заботливая свинарка ожидает опороса—ночи не спит, следит за свинарником и знает, что не сегодня-завтра должна опроситься матка.

В поле не было никого. Михаил обходил участок, который необходимо вспахать, как можно раньше. Напитанная влагой земля дышала испариной, под ласковым солнцем.

— Не отлагать дня, пахать надо,—думал Сельков. Он помял руками жниву, поджог ее—горит. Значит пора действовать. Уничтожить жниву и пахать.

С сотен десятин сжечь жнивье и сжечь за час-два—дело хитрое. Сельков заранее придумал новый способ сжигания и решил его сегодня применить. Через несколько минут в поле происходило любопытное зрелище. Гонщик гнал лошадь, а за ней в двадцати метрах за бегом коня и струями ветра, которые поднимал этот бег, бежали по жнивью, два языка пламени. Огонь двигался за лошадью по всему жнивью, оставляя позади пылающую солому. Слегка потрескивая, горела солома, а с ней горели и сорняки. В полтора часа земля почернела, как облизанная.

■ ■ ■

Стальной перезвон тракторов разливался в поле, будоража и будя окрестность. Михаил бегал от трактора к трактору. Колеса буксовали.

— Не дали земле подсохнуть, людей подняли, бензин попусту жгете,— слышались разговоры. Тогда колесные тракторы Михаил отправил на стоянку, а гусеничными начал пахоту. Могучие „сталинцы" двигались вперед местами режа, как ломти, еще непротаявшую землю, перевертывая нерасплавленные солнцем белые пятна снега, заваливая их землей. Такой ранний взмет Михаил проводил впервые. Он был убежден, что влажная земля любовно примет брошенные семена.

— Влага, влага облагораживает урожай,—говаривал Сельков.

— Рисковый он у нас, бесстрашный,—говорят о Селькове на участке. Действительно, Михаил человек особенный, он не может ограничиваться тем, что написано в учебниках и в инструкциях, любит экспериментировать.

На полях семсовхоза растет американский пырей, трехлетнее растение. В этом пырее завелось множество сорняков и никакие патентованные мероприятия не помогли вывести их из пырея. Михаил выдумал свое и держал мысль в глубоком секрете, чтобы применить ее втихомолку на примере 2-3 гектаров.

— Если и не удастся, не беда. Никто не узнает. А удастся, польза будет большая,—рассуждал он.

После того, как была организована вспашка, Михаил удалился в поле на участок, где колыхались густые осенние отростки пырея. Обдумывая свой план, он закурил папироску и присел на траву. Задумчиво следил Михаил, как высоко забирался в небо жаворонок, чтобы распевать свою песню, как он затем замолкал, камнем падал вниз, отдыхал и снова поднимался и пел.

Папироса докурена, надо было приступать к делу.

—Ладно, он решил. Подожжет для опыта два-три гектара пырея. Ему требуется узнать, будет ли расти пырей после сжигания осенних отростков, а по его расчетам огонь уничтожит сорняки, пырей же должен отрасти вновь. Вправе ли он делать этот опыт, ведь пырей—это ценное растение, создающее структуру почвы. Михаил думает, что он вправе.

Дул легкий юго-восточный ветерок. В поле никого. Только вдали слышен рокот тракторов. Михаил оглянулся кругом и подпалил траву. Густая высох-

шая отава мгновенно затрещала и взялась огнем. Через пять минут большой полосой гонимое ветром пламя шло в глубину пырейного поля. Весь в поту, с обгоревшей полой плаща, перепуганный Сельков бегал по полю, бесполезно пытаясь остановить огонь. «Выгорит все»—с ужасом думал он.

На пожар мчались кони пожарной охраны, сбежалось множество людей. Общими усилиями огонь остановили у озера Кривое. На площади в 50 гектаров посева пырея чернела обнаженная земля. Люди ходили с опущенными головами. «Дело не шуточное—судом пахнет». Но беда была в том, что никто не знал поджигателя. А этот поджигатель не унимался, через два дня после пожара он опять рисковал.

Участок земли в 18 га у озера Кривое—самый типичный солонец. Его надо засеять тогда, когда в земле много влаги, а когда почва засохнет, расколется, тут уж хоть не сей—пользы мало. Ранний рядовой сев здесь проводить нельзя, вязнет сеялка. Солонец обсеян со всех сторон. 18 га стоят нетронутые. Сельков обращается к внутрисовхозному контролю—агроному Цветковой Ольге, за советом. Ольга промолчала. Тогда он, переговорив с близким товарищем Варей, дает распоряжение: немедленно сеять ручным способом. «Может вырастет хоть продовольственный хлеб, и то хорошо. Земля пустовать не будет»,—размышлял комсомолец.

Через десять дней поля покрылись зеленым ковром молодых всходов пшеницы. На сердце у людей радость. Но Михаил грустит. Его ручной сев не взошел. Кругом густой щетиной красуются всходы, а участок в 18 га чернеет, как пустой глаз. Тревожная весть о напрасно затраченном труде на этом участке облетела совхоз. Селькова вызвали с докладом на партком.

— Кто тебе дал право пренебрегать сеялкой? Ты нас тянешь к сохе, к лукошку,—упрекал Михаила секретарь партийного комитета Костюченко. В этот день Селькову впервые дали партийное взыскание—записали на вид «за непродуманные действия».

■ ■ ■

Устинов осматривал принятую пахоту от трактористов. Выгоревший от солнца черный плащ был накинут на плечи. Из под большого козырька вельветовой кепки сверкали горячие темные глаза. Шагая пахотой по направлению к бригаде, он делал отметки в блок-ноте. У дороги Устинов встретил обросшего полевода Денейко.

— Два дня здесь пахали?—спросил он его.

— Два.

— Я работу бракую. Дам распоряжение, чтоб за эти два дня не провели тебе зарплату,—спокойно говорил Василий.

— Как? Почему? Не имеешь права!—вскипятился полевод.

— Пахать надо без брака, а если брак—не принимаю. Понял?

Вечерело. В бригаде начались разговоры.

— Раньше не браковали, а тут нашлись хозяева... Никакого там браку нет... просто придирается,—сыпались возгласы по адресу агронома. Устинов спокойно выслушал и когда трактористы умолкли, взял слово.

— Если разрегулировался плуг и сам не можешь направить, останови трактор, не паши с браком,—бригада молчала, слушая молодого агронома,—в будущем году мы должны получить урожай выше нынешнего, а вы сорняки разводите...

■ ■ ■

Радость водила пером Селькова. Он писал:

«Вася, друг! Говорят, что риск—благородное дело. Правильно. Пырей растет лучше прежнего и без сорняков. Ожидаю урожай вдвое больше. Поджигатель в преступлении сознался. Сегодня взыскание сняли. Пшеница у озера вымахала на диво, до 70 зерен в колоске. Это еще раз говорит о том, что надо подходить к почве с учетом особенностей каждой клетки.

Сейчас дело за уборкой. Посмотрим, сколько намолотим. Проверять приедем втроем, с Варей и Юрием Михайловичем Сельковым... Главное—духом не падать и мы победим!»

Решение июльского пленума ЦК ВКП(б) Сельков внимательно прочел и сразу же начал строить клуни, крытые тока, не дожидаясь распоряжений дирекции. Когда распоряжение о клунях поступило к Селькову, у него они уже были выстроены.

В уборку комбайнов нехватало. Решили использовать жатки-лобогрейки. К трактору прицепляли по три жатки и пускали машины в ход. Но это создавало неудобства. Последняя жатка срезанные кучи колосьев сбрасывала близко к несжатой пшенице и вторым рейсом трактор мял их. Потребовалось больше десяти человек, которые должны бегать за жатками и отбрасывать кучки пшеницы.

— Нет, тут надо подумать— говорил Михаил своему полеводу Дендемарченко. И выход был найден. К последней жатке пристроили второе сиденье, где сидел человек и помогал отбрасывать дальше хлеб—в результате потери были избегнуты.

Уже перед концом уборки поздно вечером вернулся Михаил домой. На столе лежал конверт со знакомым почерком. „Дело идет полным ходом,—писал Василий.—Комбайны у меня работают первый год и работают хорошо. Замечательные комбайнеры Оленников и Долинков... Через 3-4 дня кончаю уборку, приезжай проверять". Михаил прервал чтение письма. На клочке бумажки подсчитал нескошенный хлеб и продолжал читать.

„Люди у нас золотые, Михаил, с ними можно своротить гору, надо только к ним подойти ближе. Вот у нас раньше начисляли в конторе зарплату, рабочие приходили туда и не узнавали результатов работы, а теперь все это делается в бригаде. Рано утром известно каждому, кто сколько вчера заработал. Такая забота о людях дала свои плоды".

■ ■ ■

Друзья проверяли договор. Напитанная влагой и обработанная умелыми руками земля уродила от 180 до 210 пудов на участках обоих агрономов. Обязательства выполнены. Хлеб убран раньше срока.

Прекрасное отборное семенное зерно шло в закромы государства, чтобы затем обогатить плодородие социалистических полей. Агрономы радовались и удаче и дальнейшей борьбе. Их, как организаторов высокого урожая, щедро поощряли в совхозе, районе и области. Неописуемым пределом радости был момент, когда они узнали о вызове в Москву, к товарищу Сталину.

■ ■ ■

Таких побед в полях
Еще страна не знала.
Победами в полях
Страна моя горда.
Но это первый шаг,
Лишь приступ,
Лишь начало.

А. Безыменский.

С трибуны звучала зажигательная речь молодого, талантливого агронома, бывшего пастуха, Михаила Алексеевича Селькова. Он говорил о том, что к земле нужен такой же дифференцированный подход, как подходит врач к больному и выписывает, рекомендует различные рецепты. Товарищ Сталин, кивая головой, произносит: «Правильно, правильно».

Речь Селькова 15 раз прерывается бурными аплодисментами. «Когда смотришь на подонки царской империи, так и хочется ругаться, товарищи. (Аплодисменты). И действительно, товарищи, что осталось от нее в памяти? Царь-пушка, которая не стреляет, Царь-колокол, который не звонит, Николашка, который не царствует» (смех, аплодисменты). Заканчивая свою речь, Михаил сказал:

«Да здравствует ленинский комсомол, который дал возможность мне, бывшему неграмотному пастуху, выйти на дорогу». А затем, под бурные аплодисменты всего зала, Сельков здоровается с великим вождем товарищем Сталиным.

Речь агронома размножена в сотнях газет, в миллионах экземпляров. Селькор еще не покинул столицу родины, Москву, а к нему в совхоз уже шли десятки писем и поздравлений от знакомых и незнакомых, со всех концов большущей страны.

„Привет из Азово-Черноморья знатному товарищу,—пишет агроном Суханевич, друг Миши по техникуму,—хорошей ты чести добился, Миша, молодец! Поздравляю! Миша, я думаю ты напишешь о своей работе, чтобы мы могли использовать твой опыт у себя в колхозах. Опиши все это.

Майкоп"

В голубом конверте пришло с Урала такое письмо:

«Тов. Сельков.

Я сегодня читал газеты и увидел вашу фамилию и мне припомнился один юноша, не тот ли, о котором я думаю, если этот Сельков из Воткинского района, да еще из деревни В.-Талица—значит знакомый, значит тот самый пастух.

Если я не ошибаюсь в предположениях, то посмотрите в зеркало и обратите внимание на уголочек правой брови, вспомните меня скорее. Тогда дайте телеграмму по адресу: Свердловская область, Кунгур. Редактору газеты «Искра» Арсению Варламову. Я крепко убежден, что вы и есть тот самый Сельков, у которого были братья Иван и Костя (остальных забыл, давно ведь с родины-то—с 1924 года). Если так, то горячо поздравляю с высшей наградой—орденом Ленина.

Цель этого письма—найти всех земляков и договориться с ними, собрать сходку земляков Талицы и показать таличанам, как советская власти вырастила героев—агрономов, учителей, журналистов, словом—пролетарскую интеллигенцию из бывших батраков, пастухов и бедняков. Жду ответ.

А. Варламов."

В другом конверте без марки, с пометкой «воинское», пришло письмо бойца Красной армии.

«Тов. Сельков!

Я никогда тебя не видел, но думаю, что ты такой комсомолец, у которого всегда горят глаза, у которого сильные волевые качества, ты тот человек, у которого много мужества и отваги. Когда я читал твою речь, то переживал ту радость, которую переживал ты, выговаривая прекрасные слова с трибуны, в момент, когда ты жал горячо руку товарища Сталина. Такое чувство не у одного меня—им живут теперь миллионы людей нашей родины. Я, как агроном, поддерживаю твою мысль, что нам надо быть докторами зеленого мира. У нас есть земля, есть зерно, есть и самое главное—люди-доктора, которые творят чудеса на нашей почве.

С красноармейским приветом **Цибулько.**"

■ ■ ■

Легковая машина стригла снежную дорогу, приближаясь к центральной усадьбе совхоза «Лесной». Председатель Исилькульского районного исполкома тов. Бугаев спешил поздравить родителей и жену Устинова. У крыльца его встретил небольшой, рыжебородый старик. Бугаеву шепнули: «Это отец Устинова».

—Ну, папаша, проходи в хату,—обратился к нему председатель.

Мать Васи, Христина Григорьевна, встретила гостей с мыслью, что это какая то санитарная комиссия, а когда Бугаев сказал им «спасибо» за сына, которого они воспитали, мать, как стояла так и села, не зная, что говорить. У отца показались на морщинистом лице слезы. Председатель волновался.

—Папаша, о чем же ты плачешь?

Отец с минуту молчал, набирая сил и вытирая слезы.

—Как о чем? Ведь теперь вся земля узнает, что Устинов—мой сын, был вместе со Сталиным и ему дали орден. Вы понимаете,—с гордостью говорил старик,—в деревне, дома в нашей Березовке узнают. Вася—герой!—и захохотал старик раскатистым смехом.

■ ■ ■

Ночью постучались в дверь. Варя соскочила с постели. Маленький Юрий, встревоженно открыл глаза. В комнату вошел Михаил. Он снял шубу. На отвороте темносинего костюма Варя, впервые за всю жизнь, увидела эмблему высшей награды—орден Ленина, на груди у ее лучшего товарища. Она обвила руками шею Михаила, прижалась о его пылающему лицу и долго целовала. Услышав голос и шаги отца, сын поднялся в кроватке.

Михаил взял на руки сына. Варя развертывала подарки и обновы, а отец с сыном на руках заводил патефон.

Семья в сборе. Михаил рассказывал о Москве, о чувствах, которые переживал, о радости. Патефон играл. Юрик отцовскими светлыми глазами смотрел на патефон и в такт музыке хлопал в ладоши.

Вертелась пластинка, чей то голос напевал:

„Сердце, как хорошо на свете жить..."

„Хорошо на свете жить!"

Утром Сельков читал письмо Варламова. В зеркале он увидел в темной густой брови белел маленький знак—память о подрядчике Ломаеве. Еще в 1927 году на выгрузке леса подрядчик просек ему проволочным концом кнута бровь. А ударил за то, что у лошади лопнула постромка, в то самое время, когда бревно завозили на верх штабеля. Он вспомнил Варламова, который вырвал Михаила из рук зверя. В том же году Варламов организовал в Талице комсомольскую ячейку, в которую вступил и Сельков.

Михаил написал текст телеграммы Варламову и начал просматривать другие письма. На большом конверте зелеными чернилами написано: „Омская область, Исилькульский район, совхоз „Боевой", агроному тов. Селькову Михаилу. Из Саратовского края, Духовницкого района, село Липовка, агроном Ю. В. Поваров". На столе лежали письма из Донбасса, Свердловска, Сталинграда, Одессы, Ворошиловграда и других городов страны.

„Я очень рад за вас, что вы сумели достичь высоких урожаев и поднять свое имя на высокий почетный щит. Я агроном, пишу это письмо в два часа ночи, после того, как прочел замечательную вашу речь. Откровенно признаюсь—ваши слова зажгли во мне огонь борьбы за высокий урожай. Даю вам слово, что буду работать также, как работаете вы. Желаю вам, товарищ Сельков, упорной и плодотворной работы, желаю выполнить обязательства, которые вы дали тов. Сталину. Завидую вашей дружбе с Устиновым. Передайте ему привет от меня и пишите ответ. Давайте заочно познакомимся. Я работаю агрономом в колхозе. Хотя наше знакомство заочное, но будет крепкое.

С агрономическим приветом **Ю. Поваров.**"

—Варя, надо нам с тобой секретаря иметь, честное слово! Смотри, сколько писем и всем надо отвечать. Ведь этот народ живет одной мыслью с нами.

Начало следующего письма вызвало смех Вари и Михаила.

„Великий Сельков!

С глубоким чувством мы прочитали нашу родную газету „Челябинский рабочий", где встретили горячий привет тебе от товарища Сталина. Мне надиво, каковой ты добился урожайности овса. В строках газеты я нашел милое название моему сердцу—имя овса „Золотой дождь". Из двух фунтов я разводил его с 1912 года. У меня уже хватало для посева себе. Но в 1919 году белые сволочи стравили мой овсик. Если можно, сделайте для меня такую услугу, я убедительно прошу вас: вышлите нам в колхоз наложным платежом 8-9 килограммов вашего высокосортного овса. Мы его разведем у себя на колхозном поле. Адрес такой: Челябинская область, Звериноголовск, Камишкий сельсовет, колхоз „Новая деревня".

Подпись автора письма разобрать трудно.

—Надо выслать ему овса,—отозвалась Варя.

Распечатали письмо от омского агронома, комсомольца Герасименко.

„Я, как и вы, тов. Сельков,—писал Герасименко,—до 1927 года был совершенно неграмотным. Разница только в том, что я не был пастухом, а жил в бедняцкой семье, мы вместе с отцом сохой колупали землю. Сейчас я получил звание агронома—семеновода. Хочу завязать с тобой тесную деловую связь.

Вы дали обещание тов. Сталину организовать школы высокой урожайности. Вам потребуется литература, пишите мне, какие надо книги—помогу"...

Больше Михаил не стал читать писем. Оделся и вышел из комнаты. На улице бушевала вьюга, крутя бесконечные кольца снежных кудрей. Он шел к заведующему отделением Дендемарченко побеседовать о создании сталинской школы высокого урожая, организовать людей, с которыми он добился успехов и с которыми предстоит многое сделать. Он хотел видеть лучших своих комбайнеров—комсомольцев Пасько, Бориса, Зойко Михаила, бригадира тракторной бригады Воронова и других своих товарищей.

■ ■ ■

В это время в квартире Устинова у карты совхоза стояли отец с сыном.

—А все это полоски да кусочки—показывал отец на разноцветные пятна карты—напоминают нашу загороду...—Василий рассмеялся.

—В вашей загороди было больше трехсот полосок, а вся загорода—в двести десятин. А я на своем отделении сею в пятнадцать раз больше всей вашей Березовки...—По комнате бегала маленькая Лида, как козленок, натопывала каблучком, лепетала: Батинка, патиско... Она собиралась гулять.

—Вы собирали урожая с десятины 60—70 пудов, а я 200—210...—Отец покачал головой.

—Помучили мы землю...

—А мы годов через пяток будем получать с десятины 400 пудов хлеба.

—Молодец сынок!—отозвался отец—Только тебе тогда и в академию пожалуй незачем ехать.

—Нет, учиться надо, отец!

■ ■ ■

К Исилькульскому колхозному театру примчался седой от мороза „Фордик". Из него вышли два делегата комсомольской конференции, два агронома—Василий и Нюра. Они еще не успели войти в зал, как у под'езда остановилась вторая машина. Приехали Михаил и Варя —тоже делегаты районной конференции

Старые товарищи встретились вновь. Они крепко жали друг другу руки, смеялись.

— Ну, Миша! Ехал сюда, смотрел. Наши поля и зимой красивые, просторные,—говорил Василий, приветствуя друга.

— Да, разбежаться есть где, — ответил Михаил. — И весна нынче будет замечательная!

СЧАСТЛИВАЯ ДОЛЯ

СИТКАРЕВ АЛЕКСЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ, член ВЛКСМ с 1935 года, комбайнер Калачинской МТС. Работал на комбайне „Коммунар“ в сезон 1935 года, убрал 552 га.

Участник первого Всесоюзного совещания передовых комбайнеров и комбайнерок. Правительством награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Сима Нефедова, комсорг Калачинской МТС, сообщила:

— Товарищи, есть у нас еще один вопрос, нужно сказать большой вопрос, это о приеме в комсомол комбайнера Алеши Ситкарева.

В зале поднялся шум, оживление, аплодисменты.

— Тише, товарищи, сейчас я зачитаю вам анкету.

— Знаем Алешу!

— Пусть сам расскажет о себе...

— На сцену Алешу!

Неожидавший такого оборота дела, Алеша Ситкарев почти растерялся. И что совсем уж было непохоже на него, боевого, находчивого парня, запнулся, когда шагнул на сцену.

— Выходи, не робей, Алеша, — крикнули из передних рядов.

Преодолевая волнение, он начал свой рассказ:

— Первый раз выступаю на таком большом собрании. Как могу, постараюсь рассказать о себе. Был я, правда, в Москве, но там не выступал. Тут Алеша взглянул в зал, как в пропасть какую. Ну, почему же он, Алеша, раньше не посмотрел? Вот они комсомольцы, да ведь свои, вон Мишка, слесарь, с которым они вчера делились мнениями на счет кино, а вон Наташа, что в столовой работает, а вон еще и еще знакомые лица. Работал он вместе с ними в мастерских и на полях, в кино ходил, в клуб, песни пел. Свои ребята! Давно уже сроднился он с этими ребятами, вместе с ними боролся, терпел неудачи, учился, побеждал.

— Говорить я много не буду, ведь вы все меня знаете.

— Рассказывай!

— Знаем-то знаем, а все-таки в комсомол вступаешь!

— Ну так вот, родился я в 1912 году. 20 лет отец мой Тимофей Тимофеевич, сами знаете, батрачил. Сам я с раннего детства по найму ходил, тоже вы это знаете. Отец, как ни старался, не мог в люди выбиться, пока колхозы не организовались. Мать моя также батрачила и брат мой батраком был.

Так ходили мы четверо по людям, а все толку не было. Меня и братишку так и звали в деревне «пастушатами». Пасли мы с ним кулацких коров, лошадей в ночное гоняли. О такой жизни, какая сейчас у нас, мечтать не приходилось.

Так бы оно все и шло, если бы о нас не думали, не заботились, это я говорю о партии большевиков. Словом, в 1929 году организовался в деревне Лагушиной, где мы жили, колхоз.

Долго мы не раздумывали, наша семья первой записалась. Помню, однажды приходит к нам кулак Тесленко и говорит отцу:

— Зря, Тимофей, записался в колхоз, горя потом не оберешься. Выходи, пока не поздно!—Долго кулак агитировал, а я сижу, от злобы трясусь и боюсь, думаю, как смутит отца Тесленко, пойти нам снова на таких-же, как он, спину гнуть. Думаю, пусть отец, как знает, а я не уйду из колхоза.

Однако отец клюнул на кулацкие речи, из колхоза не ушел, хотя не очень важно приходилось нам вначале.

В двадцать девятом же году отправил меня колхоз учиться на тракториста, дело это было новое, тогда, сознаюсь, я боялся, сумею ли трактор водить. А когда выучился, выехал на тракторе на весновспашку, то сам не могу вам рассказать, что я тогда пережил. Смотрю на поля и думаю, сколько на вас нашего с батькой пота пролито задаром! Были вы, поля, кулацкие, а теперь колхозные. Мои поля. Наши поля. Я ваш хозяин и мой колхоз (**аплодисменты**). Еду бороздой—сердце трепещет... прямо к горлу подымается, сознаюсь—заплакал даже тогда, сам не знаю отчего... Раньше не замечал, как хорошо вокруг весной, красота какая, воздух, а теперь смотрю и не налюбуюсь. Петь хочется...

Работал я трактористом три года, потом два года машинистом на сложной молотилке. В 1935 году научился комбайн водить. Как я работал, все знаете. За сезон убрал 562 гектара урожая. Говорят, что хорошо работал, ну, а я думаю, еще лучше нужно работать. Ведь есть у нас в области комбайнеры, которые по 800 га убирали. Лучше мне надо работать, лучше буду работать.

Был я, товарищи, в Москве, выпала мне такая честь на совещании знатных комбайнеров присутствовать, выпало на мою счастливую долю услышать речь великого Сталина, поздороваться с ним по руке. Большое счастье мне выпало на долю получить от правительства орден Трудового Красного Знамени. Товарищи, я помню каждое слово товарища Сталина. Теперь я хорошо понял, какую великую заботу имеют о нас наша партия, наше правительство. Был у меня тогда, в этот день, у бывшего батрака, батрацкого сына, самый большой праздник в жизни. Тогда в этот праздник я дал сам себе слово убрать в будущем году не меньше как 700 га урожая.

Слово это не на ветер. У меня большая забота. Должен я учиться, узнать каждый винтик в моем комбайне, узнать, как его использовать на всю мощность. Очень хочу стать грамотным человеком, получить такое образование, чтобы разбираться во всем, и в агрономии, и в технике, и в природе, и в политике.

Хочется еще прочитать и узнать, как создалась партия большевиков, как она боролась, что сумела победить капитализм, убрать с нашей дороги кулаков и сделать меня и всех нас счастливыми и свободными.

Расскажу вам, хоть вы и знаете, о том, что моя жизнь стала неузнаваемой. Получил я нынче за свою работу 2662 рубля, в премию получил карманные часы, дом пятистенный на три комнаты, радиоприемник, патефон. Есть у нас хлеб, овощи. Привез из Москвы обнов, всю семью с ног до головы одел. Себе купил велосипед, сапоги, пальто, костюм, для жены пальто, костюм, две пары ботинок и еще много гостинцев.

Вспомнить смешно, что у меня было, когда я в батраках ходил, холщевая рубаха, обутки с отцовской ноги и залатанные штаны. Вот он как мир перевернулся. Стал я, батрак, зажиточным человеком. Вот поэтому я хочу быть членом ленинского комсомола, чтобы дружней работать нам вместе, укреплять нашу зажиточную колхозную жизнь, помогать нашей партии проводить в жизнь все ее указания. А для этого вместе с вами я буду учиться. Вот все.

Вопросы есть?—спросила Сима.

— Принять в комсомол!—закричали ребята.

— Есть предложение принять. Других нет предложений?

— Принять!

— А всем комсомольцам можно голосовать?—спросили из рядов.

— Не всем, только эмтэсовским.

— И мы хотим принимать Ситкарева, не эмтэсовские, калачинские . . .

В протоколе общего собрания от 23 декабря 1935 года записали:

Постановили: „Ситкарева Алексея Тимофеевича, комбайнера Калачинской МТС, стахановца, награжденного правительством орденом Трудового Красного Знамени, принять в члены ленинского комсомола."

ИВАХНО ПРАСКОВЬЯ ГОРДЕЕВНА, член ВЛКСМ с 1935 года, комбайнерка Павлоградской МТС .На комбайне „Сталинец“ в 1935 году убрала с 410 га урожай, сэкономила горючего 850 килограммов.

Участница Всесоюзного совещания передовых комбайнеров и комбайнерок.

Награждена правительством орденом „Знак Почета“.

Автомобиль замедлил ход на повороте и снова помчался по ровной устланной снегом дороге. С обеих сторон распростерлись бесконечные колхозные поля.

Паша Ивахно возвращается из Москвы в свой родной колхоз. Она высунулась из кабинки и счастливыми глазами оглядывает поля, по которым так недавно прошел ее комбайн.

■ ■ ■

Паше 21 год.

Коренастая, розовощекая, большеглазая, с веселыми ямочками на щеках — вся воплощение здоровой, жизнерадостной, горячей юности. Взглянешь на Пашу и скажешь — экую замечательную молодежь растит наша родина! И у трактора, и у комбайна, и на колхозном собрании — всюду ее звонкий, свежий голос, гордая поступь, уверенный взгляд, желание преодолевать трудности будят энергию, задор, соревнование, веселье.

Паша и частушку сочинит, и пропоет ее так, что за живое заденет.

Запою, когда скошу
Заданную полосу.
Ты прислушайся, миленок,
К Пашиному голосу.
Я свово милого Колю
Не подначивать прошу.
Завтра выеду на поле
Вдвое больше накошу.

— И накосит! За такой только поспевай! Прозевал? Так завтра она тебе споет:

Ты не стой, не томись,
Не смотри в тоске:
Ты на черную попал,
А я на красной доске.

■ ■ ■

Замечательные дни пришли к Паше Ивахно! Под мерную речь вагонных колес, под мягкий шелест автомобильных шин хочется думать и думать об этих днях. Самые счастливые дни в ее жизни — Москва, встреча с вождями, с товарищем Сталиным. Эти дни пришли, как завершение многих лет упорного труда, борьбы, работы над собой. Как выросла она, Паша, и колхоз ее, и родина ее!

Широко раскрылись горизонты, шире, чем эти поля. Одно за другим приходят неведомые раньше желания — надо обязательно выучиться, получить среднее образование, надо обязательно узнать, почему солнце поднимается с востока и уходит на запад, как сделать, чтобы в колхозе лучше хлеба были? Газеты читать интересно. Книги хочется читать толстые, узнать, как боролись большевики за революцию, как за границей живут.

Много, много нужно узнать, многое сделать.

Вот тут, за поворотом, увидит она избы родного колхоза. А давно-ли была она в Москве?

Москва, Москва, город то какой!

В Москве услышала Паша незабываемые слова дорогого Сталина о прекрасной жизни, которую она, Паша Ивахно, строит с лучшими людьми страны. В Москве она ходила в лучшие московские театры, (нам бы такой,— мечтает Паша) в музеи, картинные галлереи, ездила на метро (—чудеса!). Все это оставило в ней неизгладимое впечатление могущества и красоты родины.

Вот и поворот, вот и колхоз! Скорее, шофер! Разрумяненное морозом лицо, глаза, в которые так и хочется смотреть, столько в них блеска, радости, нетерпения, все это обращено туда, где стелется дымок из теплых печей колхозных изб.

■ ■ ■

Мать ставит самовар, бестолково бегает по избе и нет-нет, да остановится, сложит руки и смотрит на Пашу, думает:

— Дочь-то у меня какая!

— Красавица-то какая!

— Времена-то какие!

— Власть-то какая необыкновенная, прямо в Москву возили мою Пашу, прямо к Сталину.

И снова мечется старуха по избе, собирая на стол, гремит кочергой, вытаскивая из печи бесчисленные чугуны и горшечки.

Не такая молодость была у матери Паши Ивахно. Вечная нужда, раннее замужество (куда девке деваться?) заботы о детях. Пословица такая была „бьется, как рыба об лед",—так и бывало. Отец Паши, Гордей, уходил в город на заработки, вся тяжесть заботы о семье ложилась на плечи матери. Разве это жизнь?

Посмотришь на дочку—сама себе хозяйка, зарабатывает больше всех в семье, даже больше брата—колхозного бригадира. Нынче осенью принесла в дом 2600 рублей денег, 25 пудов хлеба, не считая всякой крупы, овощей. Корова у них есть, свиньи, курочки.

— Обновы получайте,—кричит из горницы Паша. На зов бегут младшие братья и сестры. Особенно заботится о них Паша—пусть учатся хорошенько. Она помнит, с каким трудом ей самой год—два тому назад удалось ликвидировать свою малограмотность.

■ ■ ■

Весело в доме у Паши. Гостей набралось! Расспрашивают о поездке в Москву, о встрече с руководителями партии и правительства.

Много вопросов. Обстоятельно и подробно рассказывает Паша.

В день приезда домой получила Паша письмо от бывшего начальника политотдела Павлоградской МТС (ныне директора Знаменской МТС) тов. Чуева. Паша читает:

„Тов. Ивахно!

Из газеты „Социалистическое земледелие", в которой помещена ваша фотография, я узнал, что вы не плохо работали в нынешнем году на комбайне, стали знатным человеком нашей страны."

Вечером Паша сидит у стола и задумчиво кусает карандаш. Ей хочется как можно подробнее рассказать тов. Чуеву обо всех счастливых событиях своей жизни. Ведь он, тов. Чуев, много помогал Паше и она пишет:

„Я увидела в Москве наших дорогих вождей. Мы, делегаты, сфотографировались с членами правительства. А с т.т. Яковлевым и Черновым я беседовала.

Тов. Яковлев спросил меня—почему я не комсомолка? И я ответила: как только приеду домой, подам заявление о вступлении в комсомол".

Письмо было длинное...

Через три дня после возвращения из Москвы Паша Ивахно подала заявление в комсомол. На собрании первичной комсомольской организации МТС

ее приняли в ряды комсомола. Комсомольцы приветствовали приход в их семью девушки, показавшей на деле свою преданность общему великому делу.

■ ■ ■

В Константиноградку приехали гости из районного центра. Автомашина, привезшая гостей, остановилась у дома Паши Ивахно.

Обильные яства появились на столе. Завязалась оживленная беседа. Расспрашивали гости Пашу, как она стала знатным комбайнером, слушали ее рассказы.

— Летом 1933 года я работала на скирдовке сена. Работала на быках. И вот в нашу бригаду приехал председатель колхоза. Он шел ко мне и кричал еще издали: „Параска, бросай быков, учиться поедешь"!

Что же, я передала быков своему братишке и на другой день уехала в МТС. Вот тут-то и произошло мое первое знакомство с комбайном. Во многом мне помог тогда начальник Политотдела тов. Чуев. Он почти каждый день приходил на наши занятия, и всегда помогал тому, кому нужна была помощь.

В 1934 году меня отправили на курсы комбайнеров в Ачинск. Экзамен я сдала на „хорошо". Как только приехала с курсов, послали меня на ремонт комбайнов в МТС, там и работала до уборки. Потом дали мне комбайн „Сталинец" и я работала на нем со своим помощником Василием Удод.

— Вы спрашиваете, как я добилась своих успехов и стала знатной комбайнеркой?

Чудесная машина этот „Сталинец"! Полюбила я машину, старалась все секреты ее узнать. Машина требует упорного, пристального внимания. Ее нужно любить. Тогда только можно добиться таких высоких результатов, каких добилась я и другие комбайнеры, участники совещания.

Я убрала 410 га за 25 рабочих дней и сэкономила 112 килограммов горючего.

— В своем заявлении в ленинский комсомол я сказала, что хочу активно помогать партии и товарищу Сталину строить новую жизнь, воспитываться и учиться самой и помогать учиться колхозникам и колхозницам нашей МТС. Сейчас я комсомолка.

Я хочу организовать в своем колхозе женский агрегат. Выберу себе хороших помощников—девушек. Заранее узнаю тот участок, на котором буду работать со своим комбайном. В 1935 году у меня был трактор „Кейс", он буксовал. В этом году мне дадут „ЧТЗ", дело пойдет еще лучше. Ведь мне нужно выполнить большое и ответственное обязательство. Я обещала правительству и в частности тов. Яковлеву в уборочную 1936 года убрать своим комбайном 600 гектаров за 30 рабочих дней. И я во что бы то ни стало, это слово сдержу.

И здесь-то в беседе Паша узнала, с какой радостной вестью приехали к ней гости. Они привезли телеграммы омского Обкома партии и редакции газеты „Молодой большевик"—поздравление Прасковье Гордеевне Ивахно с высокой наградой партии и правительства—орденом „Знак Почета".

На этом необычном совещании в семье Ивахно обсуждались самые животрепещущие вопросы колхозной жизни. Главным образом говорили о хлебе, который предстоит в будущем 1936 году посеять и убрать на колхозных полях Павлоградского района. Говорили, что весь район в посевную и уборочную кампании должен работать по-стахановски.

Вечером гости и хозяева отправились на колхозное собрание. Там орденоносец, почетный человек своей родины—Паша Ивахно рассказала колхозникам о радости, которая не вмещается в рамках ее личного счастья...

В БОРЬБЕ ЗА ПЕРВЕНСТВО

КИСЛЯКОВ ГЕОРГИЙ ФЕДОРОВИЧ, комсомолец с 1931 года, комбайнер Борисовского зерносовхоза. В уборочную 1935 года убрал 413,5 га, сэкономил горючего 292 килограмма.

Участник Всесоюзного совещания передовых комбайнеров и комбайнерок. Награжден правительством орденом „Знак Почета".

Гоша Кисляков родился в Называевском районе (Омская область) в деревне Ермиловке. Отец его работал мастером на маслозаводе. Когда Гоше исполнилось два года, взяли отца на военную службу, а тут подоспела империалистическая война, ушел он на фронт и вскоре попал в плен.

Без отца плохо жилось детям. Георгий и сестра его были отданы в приют. Прожили они там, пока отец не вернулся. Вернувшись из плена, отец снова поступил мастером на маслозавод, а вместе с ним пошел на завод учеником Георгий. До 1929 года работал Гоша на заводе, а в 1929 году задумал учиться на тракториста. Поступил на курсы, три месяца учился, получил звание тракториста и стал работать в Борисовском зерносовхозе Омской области.

Дружный, боевой комсомольский коллектив встретил Гоша в совхозе. Работал с комсомольцами, стенгазету выпускал, в клуб ходил, присмотрелись ребята к Кислякову, видят—парень неплохой, работает хорошо, общественник и когда подал Гоша заявление в комсомол—приняли его.

Освоив трактор, хорошо поработал Георгий в посевную кампанию 1934 года, а потом ушел на сборку комбайнов. Дело это полюбилось ему, решил закрепиться на работе в центральной мастерской на ремонте комбайнов. Здесь он и научился водить комбайн.

■ ■ ■

1935 год. Жаркие летние дни. В совхозе идет горячая подготовка к уборке урожая. Комбайнеры: Ольховой, Отрешенко, Аксенов, еще и еще раз осматривают комбайны, по несколько раз выходят в поле, проверяют спелость хлебов.

Вместе с Ольховым, Отрешенко и Аксеновым к уборке готовился Гоша. Директор совхоза тов. Горбатов дал ему боевое задание: отремонтировать комбайн „Оливер“ и выехать на уборку.

„Оливер“ был старый, разбитый комбайн, отказавшийся работать еще в 1934 году. Посмотрел Георгий на эту старую развалину и стало ему тоскливо. Мыслит про себя:—ну и телега! Что с тобой делать? Но когда взялся за ремонт, будто упрямство в нем какое-то загорелось. Эх, думает, „Оливер“, сделаю из тебя человека!

Вскоре задание по ремонту было выполнено, „Оливер“ готов к действию. Комиссия признала, что ремонт выполнен отлично.

Старого, разбитого „Оливера“ Кисляков вернул к жизни.

Не верили в это комбайнеры.

—Этот комбайн, как разбитое корыто, ни в одной канаве не будет плавать,—говорили они.

Обида взяла Георгия на такие слова. Ну, думает, я вам докажу,—и отвечает им, а говорит Гоша хорошо, образно так:

—Вы говорите, что он в канаве не сможет плавать? А я выведу его в океан—на совхозные поля и здесь никакая волна не захлестнет моего „Оливера“,

Эта мысль крепко засела ему в голову. С ней Георгий выехал на своем „Оливере“ на поля. Помощницей ему дали девушку Лену. Трактористом Зубкова—это боевые ребята, Георгий знал, что работать с ними будет хорошо.

—Мое первое испытание я выдержал,—рассказывает Кисляков.—В первый же день мы дали такую производительность труда, какой еще не было в нашем совхозе. Вместо 8 гектаров, положенных по плану, скосили 23. Не верилось самим, стали считать. Так считаем 23 и так 23. Вот тут мы и поднялись духом. Поем, радуемся.

В совхозе тотчас же была вывешена красная доска, на которой первыми были помещены фамилии Кислякова, его помощника и тракториста.

Многие стали сомневаться в успехах Георгия. Комбайнеры настояли на том, чтобы сделать перемер площади. Многие говорили:

—Это „липа“!

—Не может быть, чтобы Кисляков столько скосил на своей „телеге“!

В тот же день был сделан перемер и сомнения были рассеяны.

Вечером рулевому и помощнице говорит Гоша:

—Завтра нужно с солнышком встать и загонку в 50 гектаров скосить.

На утро, еще до восхода солнца, трактор был заправлен, хорошо смазан комбайн.

Работа спорилась. Комбайн работал прекрасно. Но тормозила большая задержка транспорта. Машины не успевали увозить от Кислякова зерно.

Тогда отдает Гоша приказ:

—Рулевому-заправщице работать на выгрузке зерна у бункера.

Это ускорило работу, предотвратило остановку комбайна и бригада Кислякова, успешно выполнив задание, взяла на буксир отстающего комбайнера Замуллу. С этого же дня началось соревнование комбайнера Кислякова с комбайнером Замуллой.

Рожь была убрана на Гошином участке раньше, чем на других. На пятый день работы полевод Панин помещает в районной газете „Ударник“ статью: „Комбайн т. Кислякова из разбитой телеги превратился в прекрасную машину, на которой Кисляков за 10 часов убирает по 23 гектара, в то время, как в прошлом году за все лето этот комбайн убрал не больше 40 гектаров“.

Действительно, комбайн работал безотказно. За пять дней агрегат убрал 50 процентов правительственной нормы и Георгий заработал 280 рублей.

Приклеил Гоша газету на бункер к своему комбайну. Когда остановились на обед, столпились комбайнеры у газеты и стали читать статью.

Завязался спор: рулевой Кислякова говорит рулевому Замуллы:

—Вам нас не обогнать, куда вам за нами тягаться,—на что ему рулевой Замуллы ответил:

—Не от меня зависит, а от комбайна!

—Неправ Замулла, дело не в комбайне, а в людях, которые работают на нем,—я ему докажу это своей работой—отозвался Гоша.

После работы Георгий всегда со своей помощницей проверял комбайн, если находил в нем неисправности, то сейчас же устранял их. Переходящий мандат Облисполкома находился еще у комбайнера Бондарь. Это волновало Георгия. Часто по вечерам говорил он своему трактористу и помощнице:

—Нужно, ребята, нажать. Мандат все-таки у Бондаря. А ну-ка, позадумаемся, как нам еще лучше работать.

И когда выполнил комбайнер Кисляков правительственную норму, радости не было конца. Вечером приехали ребята к Бондарю затем, чтобы взять у него переходящий мандат. Начальник политотдела т. Казаков сделал коротенькое сообщение. На стане было шумно. Все с удивлением отмечали победу Кислякова, которой добился он на „разбитом корыте“. Здесь же получил Кисляков переходящий мандат.

■ ■ ■

Хлебоуборка в разгаре. На полях стоит напряженная работа. Перегоняя друг друга, комбайнеры бьются за первенство в уборке.

У Гошиного агрегата работы было больше, чем у кого либо. Каждую пятидневку выпускали стенную газету. Хватало Гоше работы, как комсомольцу и комсоргу. Но не давали. Весело работали ребята, хорошо помогала им Гошина жена. В течение всех дней уборки она шла в борозде у комбайна, подбирая колосья, помогала в быту и в работе. Ее руки не мало сберегли зерна.

Однажды вечером, когда комбайнеры были все на стане, когда подводились итоги работы за день, высказал Георгий волнующую его мысль:

— Первенства никому не отдадим. Я докажу, что „разбитое корыто" будет работать безотказно до конца уборки.

— Сил не хватит,—отозвался комбайнер Отрешенко.

— Вот в пшеничку заедем, и застопорится твой „Оливер",—вторил ему Комнас.

— Пшеницу жать—это тебе не во ржи плавать,—смеялся Ольховец.

Но спокойно встретили комсомольцы эти насмешки. Знали, что их „Оливер" не подведет. Недаром они внимательно и заботливо за ним ухаживали.

Долго не могли уснуть ребята в эту ночь. Беспокойные мысли о предстоящей работе не давали покоя. Тракторист Зубков, Лена и Георгий думали о том, как приступить к уборке пшеницы. Заснули далеко за полночь.

Вопреки всяким предсказаниям, „Оливер" и на пшеничных полях работал безотказно. Внимательный уход, правильная регулировка, заботливое и умелое обращение с машиной давали возможность ежедневно набирать нужную скорость. Помещаемые в совхозной газете сводки о ходе уборки ежедневно говорили о победах „Оливера". Первую пятидневку Кисляков шел впереди. Но за это время подтянулись и другие. Комбайнер Ольховой шел за ним по пятам. Это были дни напряженной борьбы.

Во второй пятидневке „Оливер" вышел снова победителем.

Дело двигалось к концу уборки и вот подошел последний день третьей пятидневки. Сегодня, как и всегда, на поле принесли свежий номер газеты „Ударник". На второй полосе крупными буквами было написано:

— Комбайнер Ольховой одержал победу.

— Комбайнер Ольховой скосил за день 23,5 гектара.

— Агрегат Кислякова отстал на полгектара.

Это поражение еще больше заставило комсомольцев напречь силы, заставило сильнее уплотнить рабочий день, чтобы вновь отвоевать первенство.

■ ■ ■

Уборка приближалась к концу. Просторные поля, покрытые золотистой пшеницей—отступали перед комбайнами, оставались нескошенными несколько гектаров овса. На этих участках должна решиться судьба—быть или не быть „Оливеру" впереди. Или Ольховой, или Кисляков.

В предпоследний день, вечером, когда стали подводить итоги, выяснилось, что Ольховой отстал от Кислякова на 1 гектар. „Оливер" снова был впереди.

Наступал последний день уборки. Оставалось нескошенными 110 гектаров. Вечером директор совхоза тов. Горбачев и начальник Политотдела тов. Казаков приехали на стан. Они распределили силы комбайнеров, каждому дали участок. Комбайнеры Замулла, Бондарь, Аксенов и Ольховой должны были скосить по 20 гектаров, а на долю Кислякова выпало убрать 30 гектаров. Работу решили закончить к 4 часам дня.

После того, как были распределены участки, подошел к Гоше комбайнер Замулла и насмешливо заявил:

— Ну, все-таки напоследках ты засыпешься! Придется тебя на буксире тащить, не убрать тебе 30 гектаров к 4 часам!

С вечера хорошо подготовили ребята „Оливер" и заправили трактор. Все жили одной мыслью: убрать свой участок раньше других комбайнеров. Спали

на поле и лишь только на востоке появилась румяная зорька и свежий утренний ветер сбил с колосьев мелкие капли росы, „Оливер" был пущен в ход. И только тогда, когда добрая четверть последнего загона была скошена, из за леса, как лебеди, стали выплывать комбайны, которыми управляли Бондарь, Замулла, Аксенов и Ольховой.

Неописуема была радость комсомольцев, когда на своем „Оливере" Георгий об'езжал последний круг последнего загона. Досрочно выполнив свое задание, он переключился на помощь отстающим комбайнерам, Бондарю и Замулле.

■ ■ ■

Кисляков получил областную премию—поездку в Ленинград на Октябрьские торжества. 6 дней в Ленинграде дали ему много. Георгий увидел мощную демонстрацию трудящихся Ленинграда. Больше всего его увлек момент, когда проходили части Красной армии. Какие танки! „Ладно,—думал он,—сумею я и вас водить так же хорошо, как свой „Оливер". „Понравились мне наши танки",—говорит Кисляков.

Был Гоша в музеях и в бывших царских дворцах.—Здорово жили цари и награбили порядочно у народа... Только теперь все это наше,—думает Гоша.

Приехал из Ленинграда, сообщают ему:

— Поедешь в Москву на совещание передовых комбайнеров и комбайнерок.—Обрадовался Георгий, товарищи его радовались вместе с ним.

Хорошо встретила столица.

Вот что рассказал нам Гоша о своей поездке в Москву.

— Первое время я глазам своим не верил. Думал, что все это во сне, Репортеры из центральных газет, фотографы, стенографистки не давали покоя.

Были мы на приеме у товарища Калмановича. Он интересовался нашей работой. А меня спрашивал о том, как я работаю, хорошо ли живу и что бы я еще хотел...

— Все, говорю, хорошо. Косил я своим комбайном по 24 гектара в день. Живу в хорошей комнате. Все у меня есть. Одного вот хотел бы—повидать нашего дорогого товарища Сталина.

Усмехнулся товарищ Калманович и отвечает:

— А может и увидишь?!

Так оно и вышло. После беседы с товарищем Калмановичем мы пошли в ЦК нашей партии, к товарищу Яковлеву. Долго мы беседовали с ним. Потом он нам и говорит:

— Ну, а сейчас, товарищи, придут члены правительства будут беседовать с вами.

Это извещение взволновало нас.

Вот открывается дверь. На пороге показался товарищ Молотов, а за ним дорогой наш товарищ Сталин. Радость охватила нас при виде вождей. Все мы встали и долго, долго аплодировали нашим вождям: Сталину, Молотову, Ворошилову, Кагановичу и Орджоникидзе.

Помню, как только появился товарищ Сталин, я первый встал,—откуда-то смелость взялась, и крикнул:

— Да здравствует наш родной и любимый товарищ Сталин! Ура!!

— Ура!—подхватили все присутствующие.

И долго гремели аплодисменты.

— Товарищи Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович и Орджоникидзе внимательно выслушивали каждого выступающего. Задавали вопросы и аплодировали знатным комбайнерам. Радости не было конца, когда тов. Чернов сказал:

— Слово имеет товарищ Сталин...

Мне трудно передать те чувства, которые я испытывал при встрече с вождями. Мне не верилось, что когда либо смогу видеть и слышать дорогого товарища Сталина, а сейчас...

Вот он стоит передо мной. Скромный, в сером френче, в сапогах. Ласковый и в то же время строгий. Вот я слышу его голос. Мягкий и сердечный. Я чувствую отцовскую ласку вождя, чувствую заботу о стране, о колхозах, совхозах, заводах, фабриках и главное о людях. Ведь он, товарищ Сталин, сказал, что люди—это самый ценный капитал.

Я слышал его речь и глубоко запечатлел в памяти каждое сказанное товарищем Сталиным слово.

Его ласка, его теплые и близкие слова зажгли меня на дальнейшую борьбу за построение социализма, на борьбу за светлую и счастливую жизнь.

КОМБАЙНЕР ЦАПЕНКО

Тов. ЦАПЕНКО Павел Романович. Родился в 1911 году, член ВЛКСМ с 1932 года, работает в Сосновском зерносовхозе.

Тов. ЦАПЕНКО--один из лучших ударников совхоза, систематически перевыполняет нормы, за что был премирован в совхозе 10 раз.

В уборочную 1935 года тов. ЦАПЕНКО на комбайне «Сталинец» за 24 рабочих дня, при хорошем качестве работы, убрал 461 гектар и сэкономил 751 килограмм горючего.

Тов. ЦАПЕНКО—участник Всесоюзного совещания передовых комбайнеров и комбайнерок с руководителями партии и правительства.

Постановлением ЦИК СССР тов. ЦАПЕНКО награжден орденом „Знак Почета".

Комбайн остановился внезапно. В ушах еще звучал мерный гул его механизма, а он, безмолвный и мертвый, стоял среди поля.

—Так...—сказал Павел трактористу, обтирая рукавом рубахи грязь и пот с лица.—Выходит, сели...

—Перекурим, еще раз посмотрим,—отозвался штурвальный.

Молча покурили. Павел снова пошел вокруг комбайна. Он осмотрел мотор, хедер, барабан, измазался пылью и мазутом, вспотел, обозлился, устал, наконец ему показалось, что комбайн должен пойти.

—А ну, запустим,—крикнул он штурвальному.

Мотор на мгновение загудел и снова заснул. Запускали дважды,—та же история.

Теперь оставалось одно—итти на стан и просить помощи, то есть делать то, чего никак не хотелось Павлу.

Павел выругался и пошел на стан. Тракторист Андрюша Спиридонов и штурвальный Коля Барсуков, не желая растравлять обиду командира, заговорили о беде тогда, когда над хлебом видна была только кепка удалявшегося комбайнера.

■ ■ ■

Лето 1932 года готовило Сосновскому зерносовхозу тучный урожай. Появилось в совхозе новое словечко—комбайн. Разные люди на разные лады говорили это словечко. Его желали, пугались, верили в него и сомневались. Кулаки вкладывали в это словечко всю силу своей ненависти к колхозному, советскому строю.

—Комбайн—хо-хо. Это, брат, тебе не жатка!

—Комбайны—хи-хи, сами то они не ходят, говорят комбайнеров нужно, а рады бы лапотники в инженеры, да мама в институтах не учила.

—Комбайны-комбайнами—говорили они открыто, со лживой заботливостью,—однако комбайнеров нет, да и лето ноне дождливое, говорят, комбайн дождя боится, оно с жаткой-то, пожалуй, вернее.

Много чего говорили, а с запада эшелон за эшелоном ударники заводов слали на тучные поля Сибири новенькие красавцы комбайны. На бесчисленных курсах упорно познавали технику комбайна ударники из колхозов и совхозов, готовились стать водителями чудесных машин.

Такие курсы окончил и молодой рабочий Сосновского зерносовхоза комсомолец Павел Цапенко. Упрямо склонив над книгой вихрастую голову, он выслушал последние наставления молодого преподавателя Наумова.

—Теоретически знать комбайн—дело важное. Теперь вам, как жизнь, нужна практика. Поедете косить, увидите. Не теряйтесь, упорствуйте. Учитесь на работе.

И в первый же день работы комбайнер Цапенко вспомнил эти слова.

■ ■ ■

После обеда к агрегату Цапенко приехал Наумов.

—Что у тебя?—спросил он у Павла, не слезая с автомашины.

Павел молчал. Он не мог ответить Наумову, он не знал.

Причина аварии выяснилась немедленно. У комбайна шнеки забились сочной травой и не давали вращаться барабану.

—Практический пустяк, не смеющий загружать никакую порядочную теорию—засмеялся Наумов.—Ты, Цапенко, не страдай. Эту мелочь я выпустил из виду. Жизнь меня поправила. Учту. А о всяких подобных штуках прошу сообщать немедленно и... не бояться помощи.

Приминая хлеб, к агрегату Цапенко бежал человек. Тяжело дыша, он злобно бросил в ноги Наумову грязный картуз и закричал:

—Не буду работать на чертовой машине!

Это был комбайнер Саша Винков, окончивший курсы вместе с Павлом. Наумов усадил Винкова в автомобиль и поехал к его агрегату.

Повеселевший Павел снова принял командование комбайном и проработал до вечера без остановок.

На другой день с утра из строя выбыло пять комбайнов. Этим воспользовались враги.

—„Инженера“! Так оно и вышло. Бросать надо комбайны, пока не поздно. Кроме мучения ничего от них. Густые хлеба не берут. Урожай портят. Может там где нибудь, а в Сибири комбайн не жилец.

В тот же вечер в политотделе было шумное заседание. Коммунисты, комсомольцы совхоза говорили всю ночь.

Ремонтировали комбайны ночью и днем. На полях организовали учебу комбайнеров, и квалифицированную помощь в практической работе.

Комбайны снова загудели на полях. Первые мучительные дни освоения комбайна на практике остались позади, хотя немало еще трудностей пережили комбайнеры в это лето.

В уборочную 1932 года комсомолец Цапенко убрал 200 га.

■ ■ ■

—Ты, Павел, тогда тоже не таким героем смотрел. Тоже в панику ударился.

—Не было такого!

—Брось. Помню я, как ты к нам прибежал. Глаза горят, ругаешься, на чем свет стоит.

—Ну, брат, если я начну вспоминать...—под общий хохот заявил Павел,—Было, было да быльем поросло. Вот уже тридцать пятый год к концу идет.

—И тридцать второй вспомнить не вредно—вмешался в беседу начальник политотдела.

Веселая эта была беседа комбайнеров в кабинете начальника политотдела, после успешной уборки богатого урожая 1935 года.

В этот год в совхозе сто процентов зерновых было убрано комбайнами. Без аварий и поломок работали комбайнеры и с лихвой перекрыли старые нормы выработки.

Комсомолец Павел Цапенко, имея за спиной трехлетний опыт работы на комбайне, дал небывалую в совхозе выработку.

Он убрал 461 гектар урожая (вместо 180 по норме), сэкономил 750 килограммов горючего, заработал 2675 рублей, получил в премию часы, охотничье ружье, патефон.

Можно было Павлу вместе с товарищами посмеяться над прошлыми своими неудачами.

■ ■ ■

В вагоне темно. Павел лежит на верхней полке. Непривычная обстановка, стук колес, все возбуждает нервы. Голова полна мыслями, думается сразу о многом.

Никогда, никогда не бывал он так далеко. Вот смешно—живешь, живешь, знаешь, что Москва есть далеко где-то, и вдруг тебе говорят: поедешь в Москву на совещание. Так просто приходишь на станцию, садишься в вагон и через два дня—в Москве.

Нет, не просто... В Москву вызывают лучших комбайнеров: Ведерникова, Ожерельева, Ситкарева, много других и в числе их комбайнера Цапенко. Дома время текло обычно, отелилась корова (интересно, как телок?) Ну, завел патефон, вечером приятно послушать, ну, часы, это он все представляет, но Москва... Или—комбайнера Цапенко вызывают в Москву... Тут Павла пронизывает большая торжествующая радость. Он смотрит в темноту и видит, как он, Павел Цапенко, сидит в огромном зале, кругом него комбайнеры, а рядом Ведерников... Больше Павел ничего представить не может. Всю ночь он ворочается на узкой полке и засыпает только перед утром.

■ ■ ■

И Павел Цапенко сидит в огромном зале, а рядом с ним комбайнер Ведерников, кругом комбайнеры со всех концов Союза и вот свершается то, чего он никак не мог представить в мечтах.

В зал входят люди, которых он знает по именам, по портретам в газетах, в зал входит тот, чье имя дорого всей стране. Он видит ласковую улыбку на лице этого человека. Не отрывая глаз от лица Сталина, поднимается Павел, вместе со всеми, кричит „ура". аплодирует, смеется, боится заплакать от волнения и радости.

Комсомолец Павел Цапенко увидел и услышал великого Сталина.

■ ■ ■

На комсомольском собрании Павла засыпали вопросами: о Сталине, о совещании, о Москве. Рассказывал обо всем, кончал рассказ и снова возвращался к деталям... На последний вопрос ответил так:

—Как я думаю работать? Сам буду участвовать в ремонте своего комбайна, чтобы знать каждую новую деталь и часть, в каком она виде. Призываю к этому всех комсомольцев комбайнеров.

—Я сформировал свой постоянный комбайновый агрегат, с которым буду сеять на своем участке. Сами будем сеять и убирать свой хлеб.Сейчас моя бригада вторично изучает комбайн. Все мы посещаем школу высокого урожая. Это значит мы будем знать правила агротехники, сумеем правильно подготовить почву для сева, правильно посеять.

—Комсомол готовит подарки X с'езду ВЛКСМ—я дал слово в честь с'езда обеспечить в 1936 г. 1000 га хорошо посеянного и хорошо убранного урожая.

■ ■ ■

Время за полночь, жена и сын спят. Павел сидит у стола, он читает маленькую книжку в серой обложке.

—„Особое внимание следует обратить на комбайны и комбайнеров. Вы знаете, что самое ответственное дело в зерновом хозяйстве—уборка. Уборка—дело сезонное и она не любит ждать. Убрал во время—выиграл, опоздал в уборке—проиграл. Значение комбайна в том, что он помогает убрать урожай во время. Это очень большое и серьезное дело, товарищи".

Перед Павлом вырастает тот, кто говорил эти слова, кого он слышал и видел улыбающегося и серьезного, родного и великого, рукоплещущего знатным комбайнерам, собравшимся из близких и далеких краев на эту замечательную беседу.

УСПЕХ

ЮДАЕВ ВАСИЛИЙ ЯКОВЛЕВИЧ, член ВЛКСМ с 1934 года. Тракторист Северной МТС. В 1935 году дал за смену 510 га.

Участник совещания передовиков урожайности по зерну, трактористов и машинистов молотилок с руководителями партии и правительства.

Награжден правительством орденом „Знак Почета"

На дворе весна, дружная, звенящая. Утреннюю прохладу сменяет теплый солнечный день. Порывистый ветер слизывает последние клочья снежного покрова. Густой испариной дымится земля, с жадностью впитывает весеннюю влагу, набирает соки, жиреет и разбухает. В приятной истоме нежатся колхозные поля.

В Северной МТС идет проверка готовности к севу. Директор МТС тов. Ялкин и механик Баско вместе с трактористами и бригадирами делают последний осмотр тракторной колонны.

У трактора № 13856 стоит тракторист комсомолец Юдаев.

— Трактор готов к выезду, мотор работает отлично!—рапортует он директору и механику.

— На какой участок едешь? — спрашивает Ялкин.

— В колхоз „Хлебороб".

— Задание знаешь?

— Знаю. Пахать 5 гектаров в смену.

По порядку рассказывает Юдаев обо всех капризах и достоинствах машины.

— Отлично! — коротко определил Баско состояние машины и уровень знаний тракториста Юдаева.

Закончен смотр. Директор сообщает:

— Завтра в поле!...

С нетерпением ждал этого дня тракторист Юдаев. О волнующем его событии он торопится сообщить своему „вороному":

— Завтра в поле, браток. Завтра ты у меня загудишь...

В хлопотах возле трактора, Юдаев не заметил, как остался один.

— Ну, ты, хвостист, всегда всех позади, — шутил сторож парка, Кузнецов.

— Это еще как сказать, — отозвался Юдаев.—К концу сева посмотрим!

■ ■ ■

Вечером Вася, вместе с друзьями, идет в колхозный клуб. Здесь сегодня спектакль. Драмкружок ставит пьесу — «Знатный внук». У клуба веселые песни девчат. Вася узнает знакомый звонкий голос Дуси:

Эй гуди, гуди, земля,
Пусть кулак хоронится:
Выезжает на поля
Стальная конница.

Звонок. Друзья занимают места. Рядом с Дусей садится Юдаев. Сегодня он особенно счастлив. Он ловит на себе ласковый взгляд Дуси, он вспоминает директорское «отлично».

Удачный день выдался.

■ ■ ■

Только, что вспыхнула утренняя заря, а в колхозных избах давно все на ногах. Сегодня в поле! Трактористы возятся около машин. В 6 часов утра приказ директора:

— Колонне выехать на площадь!

«Оседлав вороных», трактористы один за другим выезжают из парка. Пятьдесят «стальных коней» марки ХТЗ стройно выходят на площадь. Впереди колонны трактор 13856. За рулем тракторист Юдаев.

Зам. директора по политической части Александров открывает митинг... Здесь же заключаются договоры на социалистическое соревнование. Юдаев первым подписал договор. Он вызвал на соревнование своего товарища Петра Прокулина.

— Тракторным бригадам выехать на участки и приступить к севу!

Земля загудела. Бороздя лопастями оттаявшую землю — дивизия стальных коней двинулась в бой. Площадь опустела. Тихо стало в селе Северное. Кипучая, шумливая колхозная жизнь перекочевала на поля.

Горячие шли дни. Соревнуясь между собой, трактористы соревновались с стремительным наступлением ярких солнечных дней. Провести сев в сжатые сроки, удержать влагу на полях — такой мыслью жили трактористы.

В бригаде Михаила Григорьевича Волкова шло собрание. Обсуждали результаты работы первых трех дней. Михаил Григорьевич зачитывал рапортички. Выяснилось, что суточное задание не выполняется.

Тракторист Синяев выполнил задание на 56 процентов, Федулов на 87 процентов, Прокулин на 93 процента, Юдаев на 102 процента.

— Разве так работают? — упрекал Синяева и Федулова бригадир.

Юдаев тоже не в духе: — Позорите бригаду!

Упрек товарища подействовал. На следующий же день Юдаев оказался на третьем месте.

Впереди шли Синяев и Прокулин. Василий рад за бригаду, да за себя стыдно. Он даже не слушал анекдотов весельчака Федулова. Спать лег раньше всех. Утром проснулся первым. Только-только начинался рассвет. Разбудив заправщика Канашина, Юдаев осмотрел трактор и выехал в поле. Сегодня работа на вспашке. Утро было бодрое, всю обиду, как водой смыло. «Сегодня я их догоню»,—уверял себя Василий.

Когда бригада выехала на поля, у тракториста Юдаева было уже вспахано полгектара.

— Жмешь? — улыбнулся Юдаеву проезжавший мимо тракторист Федулов.

— Жму! — весело откликнулся Юдаев.

— Время шло к полудню. На площади в 2 гектара земля была взрыхлена. Трактор работал отлично. Юдаев шел впереди, мурлыкая про себя песню. И вдруг...

Трах . . . трах . . . трах . . .

Машина стала. Юдаев соскочил с сидения, осмотрел мотор и выругался:

— Черт бы его побрал! Взяло не во время.

Не ладилось с выхлопным клапаном. Около часа провозились за отрегулировкой клапана. Только успел пустить машину, как со стана подали сигнал — на обед. Так и не пришлось Юдаеву в этот день догнать товарищей.

Вечером снова подводили итоги. Второй день тракторист Юдаев на третьем месте. Товарищи уже не подшучивают над Василием, советуют, осматривают трактор.

— Позови механика, — пусть осмотрит машину, — посоветывал Проскурин, но Вася решил, что справится без посторонней помощи. Весь вечер провозился около машины. Внимательно подогнал все части, хорошо смазал, прочистил и приготовил к выезду. Во время работы рассказывал заправщику о всех деталях трактора. Учил его внимательному и вежливому обращению с машиной. Здесь же они договорились, что заправку будут делать в борозде, чтобы не гонять трактор на стан.

На следующий день работа спорилась. Внимательный осмотр машины, заправка в борозде — дали положительные результаты. Юдаев выполнил задание на 125 процентов и вышел на первое место.

А утро другого дня принесло Юдаеву радость. В бригаду Волкова приехал секретарь райкома тов. Адаменко и директор МТС Ялкин. Они привезли районное переходящее красное знамя и бригадный переходящий красный флажок. На коротеньком митинге знамя было вручено бригадиру Волкову. В своем выступлении бригадир говорил:

— Районное знамя бригада будет держать до конца сева. А бригадное знамя, от имени всей бригады, я вручаю лучшему трактористу тов. Юдаеву.

У Юдаева словно крылья выросли за спиной. Вскочил на свою машину и во весь голос заявил:

— Красный флажок удержу до конца сева!

Юдаев слово сдержал. Трактор перестал «барахлить», работал без перебоев На одном из совещаний Юдаев внес предложение — организовать ночную пахоту. Предложение было принято. Ночью, освещая путь фарами, тракторист Юдаев первый выехал на пахоту. Переходящий флажок, прикрепленный к коробке карбюратора, пламенем трепетал на ветру.

Закончив сев в колхозах «Хлебороб» и «Коммунар», тракторист Юдаев взял на буксир отстающую бригаду Черемисина, которая работала на полях колхоза имени Кагановича. Хорошо встретили колхозники тракториста Юдаева:

— Земля сохнуть начинает. Время упускаем. Сев затягиваем. Покажи, Вася, нашим, как нужно работать. Научи их обращаться с машиной.

— Ладно, — ответил молодой тракторист. — Вытянем.—И вытянули.

Начал он с того, что распределил между трактористами полевые участки. Заправку машин заставил проводить в борозде. Установив строгий порядок дня, заставил два раза в день протирать машины. Эти мероприятия позволили с первого же дня приезда Юдаева добиться высоких показателей. Выполняли трактористы Лазеев, Кусков и Фадеев норму на 60—70 процентов, стали выполнять на 115—120 процентов. Неисправимо отставал тракторист Черемисин. Юдаев решил его заменить, и доверил трактор заправщику Канашину. Заправщик давно уж хотел испробовать свои силы и Вася был уверен, что ему можно доверить трактор. Уверенность оправдалась. В первый же день Канашин дал 100 процентов выполнения задания.

Подтягивая отстающих, правильно организуя труд, Юдаев вывел колхоз имени Кагановича из прорыва. Сев был закончен в срок. Первенство оставалось за Юдаевым.

Закончив посевную, бригада возвращалась в Северное. Впереди с красным флажком на тракторе ехал Юдаев. Навстречу ему бежала Дуняша. Радуясь победе любимого, радуясь встрече, она поцеловала его при всех.

— Ну, невесты нынче пошли! — добродушно смеялись колхозники.

■ ■ ■

Лето. С голубого безоблачного неба солнце шлет ласковую теплоту. Аромат зрелых хлебов наполняет воздух. Ну и урожай нынче! — радовались колхозники. Сторож тракторного парка дед Кузнецов тоже вышел в поле взглянуть на безбрежное золотистое море.

Глядит дед — кругом стеной стоят хлеба наливные, чистые и ровные, а из моря колосьев богатырски выделяются участки Васи Юдаева.

■ ■ ■

В веселом говоре парней и девушек, в сборах и приготовлениях чувствовалась близость долгожданного праздника—сбора урожая. Только дед Кузнецов ходит недовольный, с завистью посматривает на шумливую толпу молодежи, подходит к машинам, осматривает, ощупывает.

— Что колдуешь, дед?

— Кто здесь? — вздрогнул старик от неожиданного оклика.

— Что ты нос повесил?

— Эх, Вася, не понять тебе, молодой ты!

— А ты скажи, может и пойму.

— Обидно мне на себя, на старость свою обидно, жизнь теперь началась— живи да радуйся. Хлеба не те, что в прежние времена. Густые да чистые. В поле весело. А я тут один со старухами останусь.

— А ты, дед, давай с нами.

— И рад бы, да директор не отпускает. «Куда, говорит, тебе, сиди уж дома».

Юдаев понял обиду старика.

— Ладно, дед, не горюй, со мной поедешь. Кашу будешь варить. Договоримся.

С директором Юдаев договорился. На завтра дед радостно хлопотал, вместе с Юдаевым собираясь выехать на жатву.

В поле загудели комбайны. Шаг за шагом отступала стройная пшеничная стена, с каждым кругом все дальше и дальше отходила от полевого стана.

Работа спорилась. У трактора и комбайна не было повреждений.

После работы вечером комбайнер с штурвальным шли на отдых. В поле оставался Юдаев. Отцепившись от комбайна, он прицеплял к трактору трехкорпусный плуг и до поздней ночи работал на вспашке под зябь. Трудно было одному, нужно управлять машиной, то и дело прочищать корпус плуга от пырея. Решил Юдаев к себе в помощники взять Кузнецова. Уложив колхозников спать, дед охотно пошагал за Юдаевым к трактору. У обоих работа спорилась. Юдаев весело подгонял трактор, а дед шел за машиной, то и дело ковыряя между лемехами металлическим крючком, вытаскивая оттуда длинные корни пырея. Старик колхозник и молодой тракторист изо дня в день после работы комбайна по полгектара поднимали жнивы, запахивали ее под зябь.

■ ■ ■

Солнце садилось. Расплавленным золотом колыхались пшеничные поля. Наступал вечер. В полночь, закончив пахоту, Юдаев и дед возвращались на стан. В ожидании чая, дед и внук примостились у костра. Разговорились о колхозной жизни.

— Что теперь, живи да радуйся. Ни тебе господ, ни помещиков. Работай на себя, все свое, — начал дед. — А раньше руки да горб были только свои, сынок. Да и то на этом горбу ездили кулаки да помещики. Было, сынок, всякое. Работаешь, работаешь, ни днем, ни ночью покоя не знаешь, думаешь заработать что нибудь для себя. Посмотришь, а в хозяйстве все нет ничего. Были и раньше урожайные годы. Бывало и родился хлеб. Да только не для нас. Уворовывали этот хлебушко. Приходили с урядником и забирали. То за подати разные, за недоимки, за долги. И жаловаться некому. Начальство все ихнее было. Так уж было все устроено. Помню я один случай...—и тут начинал дед рассказывать про бесчинства помещиков, про рабскую жизнь, про кулаков — живодеров. Многое помнит, многое испытал, многое знает дед. Юдаев любит послушать его рассказы.

■ ■ ■

На уборке хлебов и на вспашке тракторист Юдаев держал первенство. Красный флажок все лето развевался на его тракторе. Успехам Юдаева удивлялись многие колхозники и пожилые трактористы.

— Как ты ухитрился вспахать больше нас?—спрашивали его товарищи.

— Очень просто,—отвечал Юдаев.—Машину я всегда держал в исправности, ухаживал за ней. Время зря не тратил. У вас на курево в день уходило по часу, а я за это время по четверти гектара вспахивал. Вы за горючим на стан ездили, а у меня оно всегда было в борозде. По утрам вы много времени тратили на сборы, а я всегда трактор приготовлял с вечера и утром первый выезжал на пахоту. Вот весь и секрет. Машину любить надо и время экономить, дело и выйдет.

И у молодого тракториста-комсомольца Юдаева дело действительно вышло. Вместо 300 гектаров, которые он брал при заключении соцдоговора, за сезон 1935 года Юдаев вспахал 510 гектаров.

В соревновании Юдаев удержал первенство. Незаметный паренек из колхоза «Хлебороб», комсомолец тракторист Северной МТС Василий Юдаев стал знатным человеком страны.

Был он в Москве на совещании передовиков урожайности по зерну. Видел Вася и слышал дорогого товарища Сталина. Правительством награжден орденом «Знак Почета». И теперь уж не Вася теребит деда Кузнецова „расскажи да расскажи», а дед в который раз присаживается к Васе: — „а ну ка, сынок, расскажи еще раз про нашего Сталина"...

КРУШЕНИЕ ПРЕДЕЛЬНЫХ НОРМ

ИОВЛЕВ Леонид—машинист депо ст. Омск. Комсомолец с 1924 года. Кандидат ВКП(б), инициатор кривоносовского движения на Омской дороге, водитель тяжеловесных составов—до 2500 тонн вместо 1800 тонн. Последняя его скорость была 50 километров, вместо 26,5. Награжден значком ударника сталинского призыва.

Было морозное декабрьское утро. Метеорологи зарегистрировали 40 градусов холода. В это утро Леонид Иовлев получил приказ, который гласил, что ввиду наступления сильных морозов снижается весовая норма нагрузки на 15 процентов.

— Да как же это так?—спрашивал себя Иовлев.—Снизить погрузку на 15 процентов?! Нет, тут что то неладное... Да разве это можно сделать? Ведь наша дорога и без того в глубочайшем прорыве, а тут приказ: «в виду наступления зимних заморозков снизить нагрузку на 15 процентов». Не согласен!...

С этой негодующей мыслью комсомолец Иовлев пришел к парторгу депо тов. Пятницкому.

— Слушай,—горячился он у парторга,—ведь это безобразие, а не приказ!

Парторг Пятницкий поддержал Иовлева.

—Возили 1800 тонн, а сейчас предлагают уменьшить до 1560 тонн. Нельзя так!...

На столе парторга лежал свежий номер центральной газеты с речью товарища Сталина о стахановском движении. Его мудрые слова дали Иовлеву и Пятницкому ключ к разрешению вопроса. Ведь товарищ Сталин сказал, что «люди за это время выросли на несколько лет, а технические нормы остались неизменными».

И вот по предложению машиниста Иовлева решили организовать опытный состав в подарок первому областному совещанию стахановцев промышленности и транспорта—провести состав при 40-градусном морозе с грузом 2100 тонн, вместо установленных приказом 1560 тонн.

■ ■ ■

6 декабря был морозный день. Машинист Иовлев принял поезд № 729 37 с грузом 2150 тонн и вместе с парторгом Пятницким отправился в путь по маршруту Омск—Татарка, перегон в 137 километров.

Мороз крепчал. Первые километры, пока разогревалось в подшипниках масло, паровоз было трудно вести, к тому же на перегоне Омск—Московка потерпели маленькое несчастье: на одном вагоне произошло самоторможение, в результате чего поезд опоздал на 11 минут.

Самоторможение и другие недостатки были устранены и вот уже на втором перегоне Московка—Густафьево машинист Иовлев нагнал две минуты.

Разгрузили топку от излишних глыб угля, дали полное сгорание топливу, устранили и другие мелкие неполадки. Комсомольский поезд двинулся дальше. Перегон от Кормиловки до Колонии в 70 километров дал 30 минут экономии. Поезд шел со скоростью свыше 50 километров в час.

В Татарку комсомольский поезд под управлением машиниста Иовлева, под руководством парторга тов. Пятницкого прибыл на 26 минут раньше срока с грузом 2150 тонн.

Со дня, когда машинист комсомолец Леонид Иовлев первым по Омской дороге прорвал плотину старых норм, закоснелых привычек, обомшелых технических „пределов", прошло около двух месяцев. Уже добрая сотня машинистов на Омской дороге водит свои поезда по-стахановски, по-кривоносовски. Уже многие товарищи Иовлева—машинисты перекрыли его рекорд. Уже комсомолец Горбатюк поставил всесоюзный рекорд вождения тяжеловесных поездов, проведя на перегоне Омск—Татарка с нагоном времени состав с грузом в 5235 тонн.

Но пусть побит рекорд Иовлева...

— „И все-таки, спасибо вам, товарищ Иовлев, за то, что вы первый на Омской дороге прорвали цепь и повели за собой кривоносовцев дороги",—так сказал, обращаясь к комсомольцу Иовлеву, нарком транспорта **Лазарь Моисеевич Каганович.**

ДЕВУШКА, ПОБЕЖДАЮЩАЯ СМЕРТЬ

Никуда не уйти от взбесившегося ветра, пронизывает, леденит.

В тундре пурга...

Все медленнее бегут олени, устали их тонкие ноги.

— Хой... хой...—покрикивает вожак, трогая оленьи ляжки длинным хореем.

Галина глубже уходит в меховой капор. Холодно...

— Далеко еще?

Вожак молчит. Устали олешки и сам он устал, а чума все нет. Страшно в такую пургу в тундре и олешкам, и вожаку, и седоку, что с'ежился на нартах.

Галина энергично шевелит пальцами рук и ног, без конца возится, меняет положение, иначе совсем замерзнешь в этой суровой, безлюдной, снежной пустыне. Поговорить что ли?

— Сильно болен?—кричит Галина сквозь ветер вожаку... Старик молчит.

— Заморозишь меня, старик!

Молчаливый спутник у Галины, да и ветер, не разговоришься. Галина теряет ощущение времени... Час или два прошло, как они мчатся сквозь пургу?... Двое на всем далеком, безлюдном, студеном пространстве...

Галина бормочет полузабытый стишок:

Стынь стужа бирюза.
Утро милого—глаза,
Жемчуг милого слеза,
Буря снежная грозна,
Стынь стужа бирюза.
Смерть, руки не тяни,
Солнце вижу по тени.
Стынь стужа бирюза
Стынь стужа...

Дремлет Галина...

— Не спи, спать плохо,—трясет Галину старик.

— Еще далеко?

— Э..!—показывает по ветру старик.

Через несколько минут Галина снимает оленью доху, оттирает руки и привычным жестом завязывает тесемки врачебного халата. Долго, тщательно моет руки и идет на стон, в черный угол чума. Раскосые, влажные, полные муки глаза больной смотрят на Галину. В этом взгляде недоверие.

— Что болит? где?—ласково спрашивает Галина. Худенькая русская девушка спрашивает больную на ее родном хантэйском языке. И женщина жалуется на боли в животе, на то, что она не встает уже месяц. Пусть девушка поможет, шаман не помог, хотя шкурка песца, подаренная богу, была лучшей из всего запаса.

И девушка помогает. Она заставляет родных привести чум в порядок, устроить для больной чистую постель, приготовить для нее необходимую пищу. Девушка снимает с женщины грязную одежду, надевает чистую, укладывает больную, приготовляет ей лекарство, дает советы больной и ее родным.

Через две недели Галина узнает, что женщина здорова и благодарит ее.

■ ■ ■

«Девушка, которая побеждает смерть»,—так называют хантэ, жители остяко-вогульской тундры, врача комсомолку Галину Оносову.

Три года назад комсомолка Оносова окончила медицинский институт. Она сама вызвалась ехать на север.

— Там много для врача работы,—говорила она.

Вместе с товарищами в красном чуме, под руководством окружной партийной и комсомольской организации, борется она с шаманством, терпеливо, осторожно, под'час рискуя собственной жизнью, учит культурному обиходу жителей тундры, проводит профилактическую и лечебную работу. Галина изучила язык хантэ, чтобы облегчить себе работу. Изучила их быт, предрассудки, суеверия, чтобы лучше бороться против некультурности и невежества.

Замечательный врач, агитатор, комсомолка Галина Оносова заслужила добрую славу в хантейских чумах.

Встретила тундра Галину сурово. Шаманы крепко держались за свое увядающее могущество, за власть над умами, а значит и над имуществом хантэ. Шаманы, обычно «лечившие» хантэ от всех болезней и невзгод, внушали им недоверие и страх к врачам, распространяли нелепые слухи и клевету, натравляли хантэ на врача. Они говорили:

— Не ходи к лекарю, лекарь—несчастье твоему чуму! Бога злишь!

Эти служители темного и жадного бога тундры шли на всякую подлость, чтобы скомпрометировать молодого врача.

В практике Галины был такой случай: хитрый шаман, видимо рассчитывая, что Галина не хирург, а терапевт, решил окончательно рассчитаться с ней и отослал к Галине безнадежно больного хантэ, близкого к смерти.

На шее больного была огромных размеров опухоль, сильно сдавившая дыхательное горло и кровеносные сосуды шеи. Лицо хантэ посинело, он задыхался и умирал. Оперативное вмешательство было уже почти невозможно и грозило тем же исходом—смертью больного.

Что делать? Отказаться принять меры? Это значило разрушить доверие, которое с таким трудом завоевано Оносовой, дать козырь в руки шамана.

Долго раздумывать было некогда. Галина решилась на операцию. Внимательно осмотрев больного, она делает разрез опухоли, выпускает гной, тщательно промывает, бинтует. Операция оказалась удачной, хантэ был спасен. Радость хантэ и его родных трудно представить, больной размахивал руками, что-то шептал, даже пытался петь. Теперь это—лучший агитатор за медицину

Этот случай окончательно укрепил авторитет врача-комсомолки. Весть о спасении умирающего стала известна в самых далеких углах тундры, хантэ чаще стали обращаться к врачу за советом, лучше выполнять ее указания.

Для того, чтобы убедить хантэ в полезности того или другого мероприятия, Галине приходится самой проделывать как-бы опыты на себе. Как то в одном далеком чуме Галина учила мыть лицо, руки, чистить зубы, соблюдать чистоту, все шло безболезненно, до тех пор, пока у Галины не заболело лицо. Это была экзема, которой Галина заразилась в этом же чуме.

Мыть лицо, зараженное экземой, значило усилить болезнь. Шаман быстро заметил, что Галина лицо не моет и незамедлил прислать к ней делегацию, соответственно ее подготовив.

Хантэ накинулись с упреками и угрозами:

— Зачем заставляешь мыть лицо? Сама не моешь. Нам худо хочешь? Побьем тебя!—Больших трудов стоило Оносовой раз'яснить людям, в чем дело.

Галина учит женщин готовить обед, ухаживать за детьми, следить за чистотой чума, приучает хантэ к личной гигиене. Комсомолка Оносова ведет и

партийную пропаганду. Она собирает молодежь, рассказывает ей о партии, о комсомоле, о советской власти, о Ленине, Сталине, о национальной политике.

Молодежь хантэ очень живая, восприимчивая и способная. Ее свежий, подвижной ум быстро схватывает все новое, хорошее. Не мало молодых хантэ парней и девушек Галина сделала агитаторами за культурную жизнь, против шамана и старых привычек.

Авторитет девушки врача растет, хантэ обращаются к Галине не только со своими болезнями, но и просят совета по различным вопросам своей жизни:

Спрашивают иногда и такое:

— Каков нынче приплод будет у моих оленей?

— Мальчика или девочку родит жена?

— Какая будет зима?

— Сколько пропадет у меня оленей?

И когда Галина раз'ясняет, что не может ответить на такие вопросы, то хантэ сердятся:

— Ты комсомол, лекарь, должен все знать, комсомол все знает...

■ ■ ■

Так на севере нашей области, вместе с другими комсомольцами, вместе с большевиками, партийными и непартийными, работает комсомолка Галина Оносова, живая, интересная девушка, любящая волейбол, Пушкина, стихи, хорошую книжку. Вместе со своими товарищами она живет интересной, содержательной жизнью, всюду организуя, раз'ясняя, агитируя. Девушка, побеждающая смерть, несущая культуру в далекие чумы возрождающегося народа. Девушка, полная смелости, отваги, воли, энергии, любви к своему делу—настоящая комсомолка.

С гордостью заносим ее имя на страницы Книги Почета имени X с'езда комсомола.

ПРИМЕЧАНИЯ:

Хой—возглас, которым хантэ погоняют оленей.

Хорей—длинный тонкий шест, служащий кнутом для оленей.

Чум—жилище хантэ.

ПОДАРОК ИВАНА ГОРБАТЮКА

ВАНЯ ГОРБАТЮК—комсомолец с 1922 года, машинист комсомольского паровоза „ЕФ"-256 Омской дороги. Водит тяжеловесные составы по-кривоносовски. В подарок X с'езду ВЛКСМ провел из Омска в Татарку состав весом 5235 тонн с нагоном времени.

На комсомольском собрании секретарь комитета Ваня Горбатюк рассказывал о решении ЦК партии, о переходе паровозников на спаренную езду. После доклада поднялись оживленные разговоры и споры. Отдельные комсомольцы высказывали сомнение и опаску на счет предложения Вани Горбатюка, а Ваня предлагал взять комсомольцам «больной» паровоз,отремонтировать и водить его комсомольским бригадам.

— Как-бы не провалиться,—говорили комсомольцы,—ведь старые машинисты не нам, молодым, чета, а душу проклинают, когда им ехать приходится на «больном» паровозе.

Судили, рядили долго и все-таки большинство комсомольцев поддержали предложение Горбатюка.

Пришли комсомольцы к начальнику депо. Тот хотя и пообещал, выделить специальный паровоз, но по лицу его было видно, что не совсем доверял начальник новой затее комсомольцев. Однако вскоре паровоз был дан. Но какой? Самый разбитый, самый больной из всего парка, паровоз, который старые машинисты называли в шутку „гроб".

Сформировали комсомольские бригады и работу начали с приемки и тщательного осмотра паровоза. Через пять бессонных ночей и дней дружной комсомольской работы паровоз ЕФ—252 вышел из ремонта.

Первая поездка была неимоверно трудна и неудачна. При всем старании бригады, которая вела паровоз, техническая скорость пробега оказалась невыполненной и был сделан большой пережог угля. Но комсомольцы не упали духом, опять приступили к ремонту. Теперь Ваня Горбатюк вооружился „Памяткой машиниста", разгадывая секреты неполадок своего локомотива. Через пару дней поездка была удачной. Поезд перевыполнил производственное задание. Весть о победе комсомольцев вскоре облетела все цеха. „Старички" машинисты пожимали плечами и говорили:

„Ну что ж! Молодцы комсомольцы! Утерли нос старикам".

У комсомольцев еще больше разгорелось желание и рвение к работе. Теперь нет паровоза ЕФ—252 с кличкой „гроб". Он получил новое, вполне заслуженное название от паровозников Омского узла—„Ударный комсомольский".

Описанное выше происходило в 1932 году. Машинистом первого комсомольского паровоза был секретарь комсомольской организации депо—**Ваня Горбатюк.**

■ ■ ■

Каждая новая поездка Горбатюка знаменовалась новыми показателями и рекордами. 2 января 1936 года, жгучий 42-х градусный мороз. В депо—кривоносовские сутки. В этот день Горбатюк провел состав поезда весом в 4524 тон-

ны (вместо 1800 тонн по норме), сэкономил 2,5 тонны горючего. Этой поездкой им был установлен небывалый рекорд вождения тяжеловесных составов, для серии паровозов „Э".

Нечего греха таить, нелегко дается Горбатюку каждая новая победа. Ведя паровоз от станции к станции, держа на учете каждую минуту, Горбатюку приходится вести жестокую борьбу со старыми традициями, еще имеющими место на транспорте. Горбатюк не терпит безразличной усмешки неторопливых диспетчеров, развалистой походки стрелочника, нудных разговоров слесарей, которые зачастую говорят:

— Задержка законна...

— Нет, товарищи,—заявляет им Горбатюк,—законность ваша липовая, чорт побери! Законность ваша давно отжила свой век!

■ ■ ■

Ветер бросает клочья снега машинисту в лицо...

В морозном воздухе трелью рассыпается свисток паровоза. Мелькают и остаются позади телеграфные столбы, березняки, утонувшие в снежной белизне степи, раз'езды...

...Было Ивану Горбатюку 13 лет, когда разгромленные колчаковские полчища удирали по Сибири на восток. С запада победным маршем шла Красная армия. Белогвардейцы, чуя гибель, учиняли расправы над большевиками и передовыми рабочими. Видел Ваня собственными глазами изуродованные до неузнаваемости лица запытанных и убитых на площади рабочих, видел и их голодных детей—сирот ребятишек. Он слышал лихорадочный треск пулеметов. Все это глубоко врезалось в память. Когда пошел по стране голодной и холодной, залитой кровью рабочих, тиф, он приковал к постели его отца—стрелочника Омской железной дороги, его мать и сестру. Сестра умерла в тифозном бараке, и вместе с другими на санях, прикрытую пологом, увезли ее к братской могиле. После смерти сестры, Ваня Горбатюк ушел учеником на работу в депо.

В 1922 году, когда впервые в Омске на транспорте стали организовываться комсомольские ячейки, он вступил в ряды РКСМ.

Здесь, именно здесь, началась его настоящая жизнь. Комсомол послал Ваню учиться в ФЗУ. Успешно окончив ФЗУ, он поступил работать кочегаром, а затем помощником машиниста.

В 1930 году Горбатюк уже член партии, выдвинут на работу дежурным диспетчером комсомольской смены по депо. Когда на востоке, на Забайкальской железной дороге образуется прорыв, он, как лучший железнодорожник, в числе других командируется на ликвидацию прорыва. После выполнения задания приезжает обратно и работает секретарем комитета комсомола депо. Отсюда по решению партийной и комсомольской организаций Иван Горбатюк идет работать машинистом первого комсомольского паровоза ЕФ—252.

■ ■ ■

На комсомольском собрании паровозников Иван Горбатюк дал комсомольское слово:

— Я обязуюсь X му с'езду комсомола преподнести подарок: приведу состав не менее 5000 тонн. Прошу парторга Пятницкого представить мне этот случай.

И вот случай представился. 6-го января Горбатюку сделали состав 5235 тонн, который он повел из Омска в Татарку.

...Поезд Горбатюка прибыл в Татарку с нагоном времени, с грузом в 5235 тонн. Большевистское слово выполнено.

7-го января рано утром я встретил Ваню Горбатюка в комитете комсомола. Он показал мне только что полученную телеграмму:

„Омск. Паровозное депо, машинисту Горбатюку. Поздравляем вас с достигнутой победой в ведении тяжеловесных составов. Желаем новых успехов вам и всем молодым рабочим депо в победах стахановско-кривоносовскими методами работы на транспорте.

Пом. нач. политуправления НКПС по комсомолу **Черных**."

— Надо, Гриша, как-то ответить на телеграмму Черных,—обратился Горбатюк к секретарю комитета комсомола.

— Ответим, Ваня, ответим,—отозвался тот,—новыми подарками, вроде твоих...

Иван Горбатюк посмотрел на секретаря и сказал:

— Правильно говоришь, Гриша... Я ошибся, считая, что 5000 тонн—большой подарок X с'езду. Теперь вижу—этого маловато. Придется прибавить еще тысячу.

ВОЖАТАЯ

ЖАРНИКОВА ТОНЯ — зав. отделом пионеров райкома комсомола Одесского района. На пионер-работе десять лет, в комсомоле с 1924 года. Любит свою работу. Хорошо ведет ее, неустанно повышая свои педагогические и общеполитические знания.

Ребята, но вы поймите...

Ребята ничего понимать не хотели. Дружной сплоченной группой они стояли у стола и требовали:

— Дайте нам Тоню!

— Нельзя вам давать Тоню! Она в школе имени Льва Толстого.

— Ну, тогда мы пойдем к Тоне.

— И так нельзя, вы состоите в других организациях. Вы в других школах учитесь.

— Все равно...

Спор происходил в городе Бийске в 1926 году в райкоме комсомола.

Когда огорченные отказом пионеры ушли из комнаты, секретарь райкома облегченно вздохнул и с возмущением произнес:

— Ну и беспонятные ребятишки!

Секретарь был не совсем прав. Ребятишки понимали толк в хорошем вожатом пионеротряда.

■ ■ ■

— Здравствуй, Тоня!

Жарникова только-что вошла в вагон. Перед ней парень года на два—на три ее моложе. Незнакомый парень.

— Не узнаешь?

— Н-н-ет.

— А помнишь Бийск? Ну, ладно, Колю Малкова знала?

— Знала...

— Так вот, тот самый Коля Малков перед вами собственной персоной. Бывший пионер вашего отряда, ныне преподаватель обществоведения некоторых школ города Сталинска.

Наступает ночь. В вагоне спят. Только Коля и Тоня не могут переговорить всего того, что напомнила встреча.

— А помнишь, как мы проводили военную игру?.. Наше звено было первое по физкультуре... Наш отряд всегда приветствовал с'езды и конференции...

Через встречи, разговоры, письма, через газеты знает Тоня многих, кого она воспитала в многочисленных пионерских отрядах. Леня Соболев стал

комсомольским работником в Западной Сибири. Петя Петушков—обществовед образцовой школы города Бийска. Вена Ларьков работает в МТС. Маруся Федотова—педагог. Старцев—работник отдела пионеров Оргбюро ЦК ВЛКСМ Омской области.

— Мое начальство теперь,—с улыбкой говорит Тоня,—растут ребята!

И радостно ей за этот рост! Радостно, что вырастают из ребят хорошие, инициативные работники. И в работе своих питомцев видит она то, что вложила в них в длительном процессе воспитания.

Любовь к партии, преданность родине, ненависть к классовому врагу воспитали в себе люди с пионерского звена. От красного галстука до комсомольского и партийного билета дошли ее пионеры, от парты школьника I ступени дошли до преподавателя обществоведения, комсомольского руководителя, техника, инженера, рабочего-стахановца.

40 пионеров было в отряде бийской типографии, когда руководила им Тоня Жарникова, 45 было в отряде школы имени Льва Толстого, 65—в школе имени Ленина, 250—в базе, 160—в национальном отряде Горной Шории, 40—в Новосибирской школе № 13, 80—в школе имени Луначарского, 1009—в Старо Бардинском районе, где Тоня работала председателем райбюро ДКО, 80—в одной из школ Павлоградского района, 883—в Одесском районе, где работает сейчас Тоня Жарникова—зав. отделом пионеров райкома комсомола.

40 да плюс 45, да 65... Подсчитываем... Получается приличная армия—2 тысячи 625 человек! У каждого из них свои особенности, к каждому нужен особый подход.

■ ■ ■

«Аполитичные ребята», так было записано в докладной записке инспектора КрайОНО, представленной начальству после обследования Павлоградской школы.

И вот в эту школу, к этим самым «аполитичным ребятам» послал Тоню комсомол.

Насчет «аполитичности» Жарникова имела свое мнение. «Глупости это. Просто с ребятишками никто не занимался по-серьезному».

Хулиганство, драки, грязь,—вот с чем встретилась в школе новая вожатая. Изобретатели хулиганских выходок встретили нового человека усмешками, прозвищами и ироническими восклицаниями: «Ишь ты, подумаешь!»

«Подождите, ребята, заговорите скоро по-другому»—подумала Тоня. И действительно, вскоре в разговорах большинства ребят не осталось и намека на их «аполитичность». Некогда стало этой самой штукой заниматься. В школе сколотился отряд пионеров—организаторов интересных кружков. В выходные дни ребята шумною веселою гурьбой отправлялись на лыжные вылазки.

■ ■ ■

Было так: из Бийска Тоня по семейным обстоятельствам переехала в Горную Шорию, в село Кузедеево. В это время и покинула она пионерскую работу.

В селе Кузедеево был клуб. В райкоме комсомола сказали: «Прорывной участок у нас клуб, иди туда, налади дело».

Выполнять комсомольское поручение было не впервые. Работала Тоня по обмену комсомольских билетов, на хлебозаготовках, уезжая в командировку долго инструктировала вожатых звеньев и приезжала в отряд, всегда отлично выполнив комсомольские задания. Было бы выполнено и задание по налаживанию работы клуба, но... клуб был двухэтажный. В верхнем этаже, собственно, и был клуб, а в нижнем—собирались пионеры.

Тоня рассказывает:

— Тоска какая-то напала на меня. Узнаю, что собрались пионеры, ухожу к ним. Провожу с ними беседы. Танцовать их научила.

... Налаживать клубную работу райком поручил другому. Тоня Жарникова возвратилась на свою любимую работу.

■ ■ ■

Автор:—Каковы ваши стремления? Каковы ваши мечты о завтрашнем будущем? К чему стремитесь вы?

Тоня Жарникова:— Скажу «по секрету»: хочу перебраться в отряд. В пионерском отряде хочу еще поработать Какие замечательные ребята у нас в отрядах! Работать с ними одно удовольствие.

■ ■ ■

Как то в группе комсомольских активистов занялись воспоминаниями: «Ты помнишь Шуру Янушевича? Был тоже вожатым, сейчас научный работник» ... «Володька был вожатым университетского отряда». «Д-а-а, все мы занимались этим делом».

Тоня Жарникова занималась и занимается этим делом, делом коммунистического воспитания детей, беспрерывно десять лет.

Сейчас Тоне 25 лет. 10 лет назад пятнадцатилетняя комсомолка, еще не снявшая пионерской косынки, дочь типографского рабочего взялась за дело, порученное ей партией и комсомолом, и 10 лет она выполняет эту почетную работу настойчиво, с любовью.

От пионеров и комсомольцев, от пионерработников, бывших и настоящих, дружеский привет вожатой советской детворы—Тоне Жарниковой! Привет и пожелание бесчисленного количества лет ответственной, радостной работы по коммунистическому воспитанию детей!

СПОР ПРОДОЛЖАЕТСЯ

КОЛЯ МЕЗИН, член ВЛКСМ с 1930 года, токарь Омского стрелочного завода Стахановец, норма выработки от 400 до 750 проц. Комсорг цеха.

Звонкая и сухая стояла осень—обильная осень 1935 года. Полной рекой лилось в колхозные закрома золотое зерно.

В эти дни пронеслась по всей стране весть о герое Донбасса—Стаханове.

Длинны казались последние дни санаторной жизни комсомольцу токарю Мезину Николаю. В санатории он узнал о рекордах Стаханова, о его методах работы, о стахановском движении в стране. Николай рвался к станку.

В октябре Мезин приступил к работе. На стрелочном заводе станции Омск, где работал Николай, знали о Стаханове, читали о Бусыгине, но применять их методы у себя никто не пытался. «Мало ли что есть хорошего? Там Донбасс, Горький,—гиганты, а мы в Омске на крошечном заводе»...—говорили многие. Николай горел желанием разбить равнодушие этих людей.—Маленький завод? Чепуха!

Мезин считался на заводе лучшим ударником, выполняя систематически норму от 120 до 150 процентов. На второй день своей работы, после отпуска Николай дал двести процентов выработки. В цехе удивились.

— Мелкие работы!—Ты вот попробуй встань на нипеля,—говорил старый токарь Зиновьев.—Николай не смутился.

— Сколько по норме надо дать нипелей за восемь часов?

Тридцать два,—ответило два голоса. Вокруг Мезина собирался народ.

— Ну, а ты сколько даешь?—спросил Мезин Зиновьева.

— Тридцать пять—с гордостью ответил старый токарь.

Эта гордость подзадорила Николая.

— А я хочу дать сто!

Заявление Николая ошеломило людей. С минуту стояла тишина. Сверловщик Фурс подошел к Николаю, погладил его по голове, говоря:

— Кладезь ума, ты опомнись!...

— А это копилка глупостей,—перебил его Мезин, в свою очередь трогая голову Фурса. Толпа захохотала, Фурс сердился.

— Ирода не перепродить, и выше нормы тебе не прыгнуть,—наступал на комсомольца усатый Фурс.

— Тут тридцать две кое-как выполняешь, а он—сто,—смеялся токарь Зюськин. Завязался жаркий спор. Сухощавого высокого Николая обступили со всех сторон.

— Не дать сто нипелей никогда,—раздавались возгласы...

Часовая стрелка придвигалась к цифре пять. Вторая смена приступала к работе. Николай оглядел всех людей и на прощанье сказал:

— Мы и Фурса перефорсим, а сто дадим,—и вместе с комсоргом Кононовым вышел из цеха.

Когда миновали проходную будку, Кононов оглянулся и убедившись, что никто их не услышит, высказал свою мысль:

— Хоть и хороший ты у нас, Мезин, но сто нипелей тебе не дать...

Мезин сердито посмотрел на своего комсорга и ничего не сказал в ответ.

***

Дома Николай был неразговорчив. „Похвастал, не обдумал, как теперь?" думал Николай. Он просматривал чертежи токарного станка в учебнике Макаревича, высчитывал бег шестеренки. „Ну предположим, что у меня обеспечено рабочее место материалами, в порядке весь инструмент—думал он,—работаю полностью 8 часов, ставлю 12 раз резцы, но это при нарезке 36 нипелей, а если делать сто, значит резцы надо ставить 33 раза. Много времени займет"...—Мезин задумался.

Слово комсомольца - твердое слово. „Если не дать сто нипелей за смену, значит опозориться на весь завод. Фурс будет первый смеяться"—Николай продумывал все мелочи, высчитывал каждое свое движение. Особенно больших трудов ему стоило продумать, как добиться, чтобы его резец мог отрезать не 3 нипеля, а пять-шесть. Требовалось высчитать правильный угол отрезного резца, который бы дал наибольшую устойчивость и сэкономил дорогое время.

Вечером Мезин теоретически доказал себе, что 100 нипелей при соблюдении определенных условий можно дать.

***

В красном уголке беседовали рабочие. При появлении Николая говор утих. Фурс подмигнул Зиновьеву и, показывая глазом на Мезина, проговорил:—«Сегодня начнется!» Гудок прервал разговоры.

Расчеты Мезина оправдались. В конце смены он сдавал продукцию мастеру Милосердову. В наряде значилось: «Нарезано и отшлифовано нипелей 65 штук, заработано 13 рублей».

На следующий день Мезин дал 76 нипелей и лишь на третий день он выполнил обязательство. За 5 минут до конца работы он насчитал 100 поверкивающих нипелей. Сердце пламенело от радости.

Победа комсомольца уязвила Фурса.

— Лошадь в дождь не покупают, жену в праздник не выбирают, так и по одному дню жизнь не равняют,—с усмешкой говорил Фурс. На его иронию никто не отозвался. Многие рабочие задумались над выработкой Мезина.

Токарь Зюськин, работающий на одном станке с Николаем, во время пересмены расспрашивал у него о «секретах».

На заводе появилась доска, куда записывались ежедневная выработка и заработок стахановцев. Фамилия Николая стояла первой. Против нее с каждым днем нарастала цифра процентов выработки, далеко перевалив за полтысячи.

За Мезиным красовались имена Кононова, Зюськина, Зиновьева и многих других. Нормы выработки Мезина увлекли за собой лучших производственников цеха. Но спор со старым еще продолжался. Фурс не сдавал позиций.

— Вы не понимаете сами, что делаете,—говорил он стахановцам—ломаете нормы, потом снизят расценки и все это сядет за наш хребет...

—Ты не на своей дудке играешь, перепеваешь чужие песни—говорил ему Мезин.

— А ты умствуешь, подлипало,—говорил горячась Фурс.

Сколько его не убеждали, Фурс настаивал на своем, а через два дня он получил себе в руки козырь. Мастера Милосердова, уехавшего в отпуск, заменил молодой техник Новиков. Удивленный успехами стахановцев, Новиков самовольно начал снижать расценки. Ему казалось невероятным выписывать токарю или слесарю за 8 рабочих часов 20-25 рублей, он самовольно ввел оплату не за выработку, а за затраченное время. Фурс взбодрился.

— Видите, я прав оказался,—говорил он комсомольцу Кошкаревскому.

***

Однажды утром в заводе были ошеломлены. Кто-то ночью на фотокарточке в витрине ударников выцарапал глаза организатору стахановского движения Мезину Николаю. Виновника никто не знал. Фотографию сменили. Но

через несколько дней история повторилась. Вскоре в станке Мезина оказалась изломаной часть, всем было ясно, что действует враг.

— Прокурор разберется, — говорили стахановцы.

Прокурор разбирается.

■ ■ ■

Песня звонко звучит, взлетает ввысь. Это комсомольцы стрелочного завода веселятся на вечере в квартире своего лучшего стахановца недавно избранного комсоргом цеха Мезина. Но не только танцует и поет молодежь, а говорит и о делах.

На этом вечере комсомольцы решили сделать станок, на котором работает Мезин, комсомольским-стахановским.

С тех пор на станке работают комсомольцы Сухов, Кононов, Мезин. Все они выполняют норму выше 300 процентов. Как-то раз Кононов сказал Мезину: „Ошибся я тогда, брат, ошибся".

Не один Кононов ошибался, ошибались многие. А сейчас на заводе десятки стахановцев и к Николаю идут не только комсомольцы, но и старики просят совета. Он—лучший стахановец на заводе, выше его выработки не дает никто. Его рекорд—750 процентов и этим Николай не ограничивается, он рвется вперед.

СТАХАНОВКА

САК АННА ИВАНОВНА. В комсомоле с 1935 года. Работает шкурщицей на Омской обувной фабрике. До стахановского движения работала на одном станке, сейчас работает на трех, норму выполняет на 410 проц. Собранием комсомольской группы избрана группоргом механического цеха. Учится в кружке по истории партии на „хорошо".

В жизни каждого человека случаются незабываемые, неповторяемые дни. Нюра Сакк возможно забудет некоторые недели, месяцы своей жизни, но долго будет помнить один солнечный день декабря 1932 года. И через 10 лет также ясно и отчетливо до мелочи, как теперь, через три года, Нюра будет помнить лица ребят, яркий солнечный свет в красном уголке цеха, где ее принимали в комсомол.

Нюра думала—вся жизнь с этого дня пойдет по новому. Какая она будет эта комсомольская жизнь, Нюра не знала, но чувствовала, что будет она радостна и интересна. И не ошиблась.

Крепко спаянный коллектив комсомола обувной фабрики много сделал для того, чтобы втянуть Нюру Сакк в активную общественную и производственную жизнь, привлечь ее к учебе. Много сделал для этого и секретарь ячейки комсомола Канашин. Внимательно приглядывался он к фабричным ребятам и девушкам и сумел разглядеть робкую ясноглазую Нюру.

— Все чаще и больше стал беседовать со мной наш секретарь Канашин,— рассказывает Нюра,—и о производстве, и о кино спросит, и о семье не забудет.

— Незаметно для меня самой жизнь фабрики и комсомольского коллектива крепко овладела всеми моими мыслями и стала частью моей личной жизни.

Шестой год работает Нюра на Омской обувной фабрике. В 1930 году, когда умер отец, Нюра, самая старшая в семье, пошла работать. Училась—получила квалификацию шкурщицы. Встала самостоятельно у станка. В течение всех лет Нюра не знала, что такое не выполнить план. Аккуратная и внимательная, она считалась одной из лучших производственников цеха. Так-же аккуратно выполняла она комсомольские поручения.

Работала так, как и следовало работать комсомолке—хорошо. Училась в политшколе, привыкла читать газету. В газете прочла она и о герое Донбасса Стаханове.

„Как он это сделал?“—читала и перечитывала Нюра. Спрятав эту газету среди своих книг, с неделю ходила, задумавшись...

„Как он это сделал?“

Рассматривала свой станок, будто впервые его видела, проверяла по часам, чем занята она в рабочее время. Удивилась, когда выяснила, что две трети времени уходят на налаживание станка, на беготню за материалами, на поиски инструмента.

Привела Нюра в порядок инструмент, расположила его удобней, стала минуты в работе считать. И полез процент выработки выше. Почистила, привела в порядок свой станок, стала до работы осматривать его, подлаживать,— выработка еще повысилась.

Пришла Нюра взволнованная к начальнику цеха и сказала:—хочу второй станок взять.

— Не справишься, Сакк!

— Справлюсь!

— Дело большое, смотри, чтобы потом на смех не подняли!

— Кто кого!—ответила Нюра.

Дали ей вскоре второй станок. С волнением следили комсомольцы за работой Сакк. Но были люди в цеху, которые называли Нюру выскочкой.

— Расценки понизят из-за девчонки...

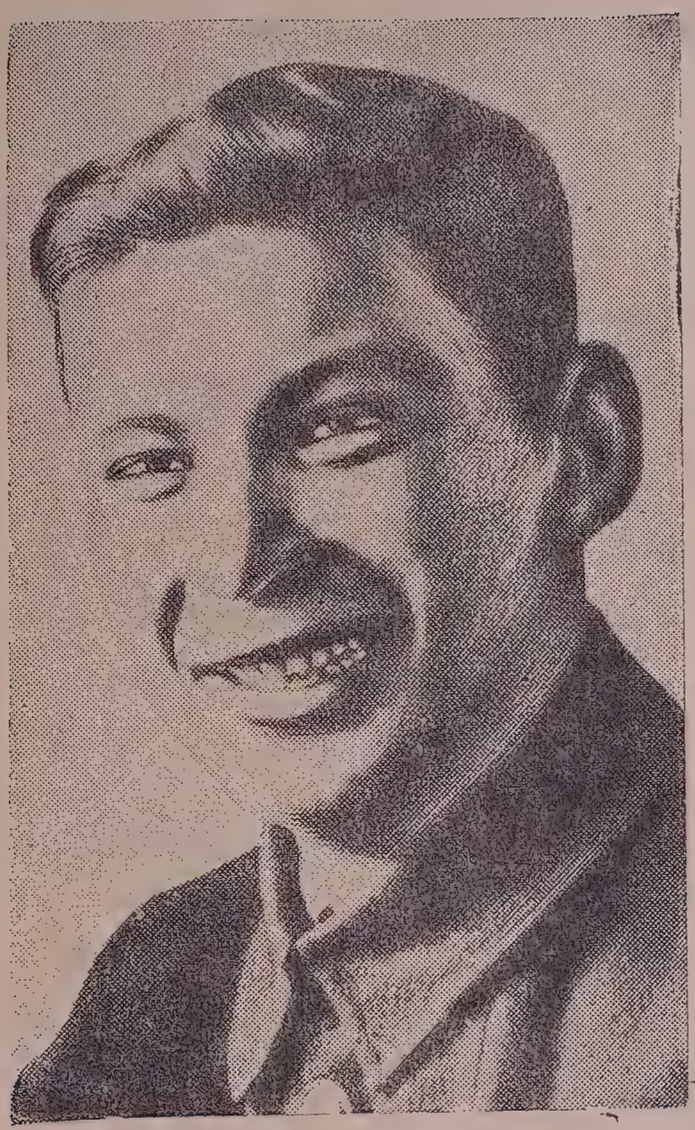
Расценки не понизили, а Нюра как нельзя лучше справлялась с работой, хорошо зарабатывала. Тогда на нее глядя стали другие рабочие на два станка переходить и пошло на фабрике из уст в уста замечательное слово: **„стахановец"**. Стало это далекое донбассовское слово близким, своим, фабричным. Десятки стахановцев появились на фабрике и лучшая стахановка среди них— Нюра Сакк. Сейчас комсомолка-стахановка Сакк работает уже на трех станках и, ежедневно повышая норму выработки, довела ее до 410 проц.

Старательно и терпеливо учил комсомольский коллектив Нюру и сложному искусству—толково вести общественную работу.

Начала Нюра с маленького—проведение в цехе подписки на газету. Сейчас она избрана комсоргом. Большую ответственную работу доверили ей комсомольцы цеха.

— До сих пор я выполняла программу на 410 процентов, —говорит Нюра,— а к X с'езду обязуюсь выполнить программу на 500 процентов и все свои силы приложу, чтобы все комсомольцы фабрики стали стахановцами.

МАШИНИСТ ПАРОВОЗА 731-93



БЕРДНИКОВ ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ — самый молодой машинист дороги. Родился в 1915 году, член комсомола с 1935 года. Машинист комсомольской машины № 731-93, мастер высоких скоростей (56,1 километра вместо 32 километров в час). Инициатор вождения тяжеловесных составов (2200 тонн вместо 1800 тонн).

Это было в мае 1935 года. Лучи солнца плавили последние пятна снега. Стоял погожий весенний день.

Лева Бердников только что сдал паровоз и торопился домой—умыться, приодеться и пойти в клуб на спектакль. Проходя мимо диспетчерской будки, он по привычке забежал в комитет комсомола. Протягивая замасленную руку секретарю комитета, спросил:

— Что нового?

Секретарь посмотрел на него непривычно сурово, а потом процедил сквозь зубы:

— Новое есть... Не очень приятное для нас, да и для тебя, пожалуй. Из правления дороги нам сообщили о том, что тебя снимают с поездной работы, как недостигнувшего полных лет для машиниста...—секретарь помолчал и как-то виновато улыбнулся растерявшемуся комсомольцу,—ты не волнуйся, мы тебя используем на комсомольской работе!

По лицу Левы было видно, что последних слов секретаря он не слышал и улыбки не заметил.

— Как? Расстаться с паровозом? За что? Молод? Какая чепуха, да разве же я работаю хуже стариков? Моя паровозная бригада не хуже других... —взволнованно почти кричал Бердников.

■ ■ ■

Декабрь. 1935 год.

Как и надо было ожидать, партийная и комсомольская организации депо добились того, чтобы Бердникова оставили на работе. Он опять за регулятором комсомольского паровоза 731-93, подшефного физкультурникам Омского узла.

Когда машинист Донецкой дороги комсомолец Кривонос поднял знамя стахановского движения на транспорте, Лева Бердников на собрании комсомольской организации депо дал слово:

— Буду ездить так, как Кривонос, наша задача—побить все старые технические скорости. Комсомольскому локомотиву—полный ход!

В один из декабрьских вечеров Бердникова вызвал дежурный по депо:

— Завтра поведешь стахановский поезд в Татарку.

Утром на другой день паровозная бригада Бердникова обсуждала план поездки. За несколько часов до выезда бригада тщательно проверила машину.

Продуты краны... Пресс-аппарат прокачан. Чтобы легче взять с места,—рельсы посыпаны песком.

...Свисток. Из цилиндров, посвистывая, вырываются струи отработанного пара. Дорогу стахановскому поезду!

На рельсовых переводах застучали тяжелые скаты колес. Промелькнул семафор. Поезд легко взбирался на под'ем мимо телеграфных столбов, перелесков.

Помощник машиниста, Володя Железников, доволен хорошим ходом машины, он кричит:

— Четырнадцать!

Действительно, стрелка манометра показывает предельное давление атмосферы. Лева еще раз проверил пар в котле, прислушался к мерному шуму своей машины, на повороте оглядел, прищурившись, состав своего поезда и отвел регулятор до полного хода.

Большой клапан открыт...

Поезд набрал скорость.

42-х градусный декабрьский мороз и сильный полубоковой ветер не могли задержать движение вперед. От опытного глаза Левы не прошли незамеченными указатели путей и сигналы обходчиков. Да Лева и без них знает станции и раз'езды, повороты, спуски и под'емы. Поэтому не боится он разрыва тяжеловесных поездов, которые водит.

Красное крыло семафора встречает поезд. Опытные руки машиниста ложатся на регулятор и рукоятку свистка. Помощник машиниста открывает винтель инжектора и краны цилиндра. Поезд медленно подходит к Татарке.

Дежурный по станции, принимая состав, вынул из кармана карандаш и записал: „Поезд машиниста Бердникова пришел с нагоном на 2 часа 15 минут. Привез 2120 тонн груза, техническая скорость—56,1 километра в час".

Так Лева Бердников на своем паровозе 731-93 установил рекорд технической скорости для этой серии паровозов. Вместо 32 километров в час он вел поезд со скоростью 56,1 километра в час.

Но разве это предел? Лева Бердников—самый молодой машинист Омского депо, 20-летний машинист со своей бригадой ставит перед собой новую задачу: добиться оборота паровоза в сутки вместо 200 километров—700 километров.

Лева Бердников, безукоризненно водя свой поезд, требует от слесарей комплексных бригад, вагонников, смазчиков четкой работы. Он говорит им:

— Обеспечивайте своей работой полный ход нашим поездам и локомотивам, тогда мы покажем еще и не такие скорости!

ВЕЛЬТА СЭККЕН И ЕЕ БИБЛИОТЕКА

ВЕЛЬТА СЭККЕН — член ВЛКСМ с 1924 года, заведует библиотекой Сосновского зерносовхоза. Вельта образцово поставила библиотечное дело в совхозе. Всесоюзной конкурсной библиотечной комиссией библиотека премирована.

Безукоризненная чистота, много света и воздуха, светлые портьеры на окнах. Цветы. Небольшие уютные столики, покрытые зелеными скатертями. Портреты вождей на стенах.

Это библиотека Сосновского зерносовхоза, который заведует комсомолка Вельта Сэккен.

Вельта когда-то работала сторожихой в окружной редакции газеты. Малограмотная девушка, удивлявшая всех своей любовью к книгам, читала много и без разбора. Из этого бессистемного и никем не руководимого чтения Вельта вынесла одно—огромную жажду знаний.

Настоящая жизнь Вельты началась со времени вступления ее в комсомол. Комсомольская организация учла стремления Вельты, она была послана на учебу в Совпартшколу.

Училась Вельта хорошо. Научилась разбираться в книгах, работать с книгой и выбрала специальность библиотекаря.

■ ■ ■

...В библиотеке громкая читка. Комбайнер Кафтун читает третью главу книги Островского: „Как закалялась сталь". Тихо. Внимательны слушатели. Хорошо написана книга. Хорошо читает Кафтун. Шофер Соколов пришел на читку вместе с женой и сыном. Слушают чтение: домхозяйка Бавыкина, слесарь Лобков, токарь Подаксенов... Слушателей много, в большинстве молодежь. Такие читки бывают в библиотеке часто.

Вельта рассказывает о своей библиотеке.

— 8 тысяч томов, 9 передвижных библиотечек, 1518 читателей, среди них комбайнеры, трактористы, машинисты молотилок, шоферы и другие рабочие совхозов. Есть читатели, которые росли у меня на глазах. Я радовалась, когда в разговоре узнавала новую внушенную книгой мысль, новое слово, радовалась, когда видела, что книга возбудила интерес к той стороне жизни и к тому вопросу, о котором она рассказывает.

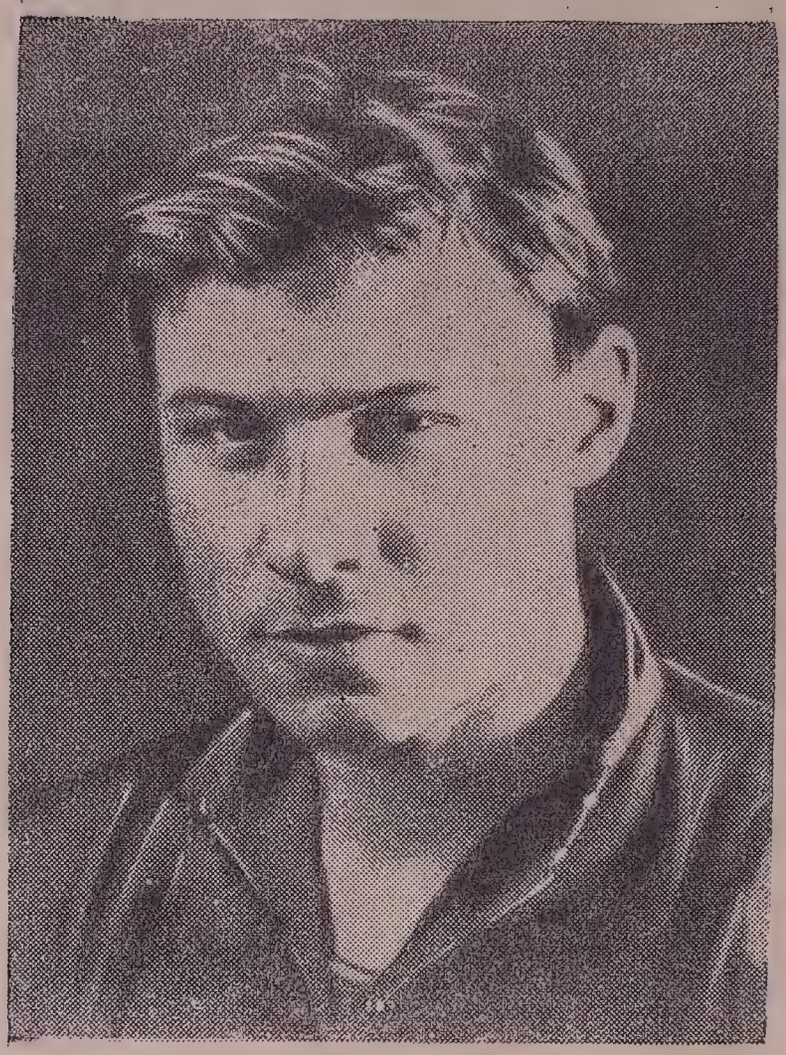
— Ведь книга может дать многое, но чтением нужно руководить. По силам ли это мне? Одной не по силам. Мне помогает комсомольская организация, политотдел и мой золотой фонд—комсомольский библиотечный актив: Валя Кличарева, Рита Говорова, Вася Бреславский, Коля Мосиенко, Валя Зенкевич и другие ребята. Летом они работали книгоношами, снабжали культуголки, бригады книгами, журналами, газетами, новинками художественной литературы, проводили громкие читки в поле, учитывали запросы читателей. Они—это моя живая связь с массами, подвижная, чуткая.

— Зимой мой актив работает вместе со мной у абонемента и в читальне, проводит громкие читки, оформляет книжные выставки, рекомендательные списки, беседует с читателями, узнает их мнение о книге, их интересы, следит за их чтением и требованиями.

— Выписываем мы много и периодической литературы, работаем с ней, чтобы читатель всегда нашел нужное и интересное ему в газете и в журнале

■ ■ ■

Библиотека Сосновского зерносовхоза участвует во всесоюзном конкурсе на лучшую библиотеку. За образцовую постановку библиотечного дела в совхозе она получила премию.



МУХАМЕДША ХУСЕИНОВ, член ВЛКСМ с 1935 года. Токарь Тюменской судостроительной верфи, норму выработки выполняет на 515 проц. Сдал техминимум на „хорошо“. Редактор цеховой стенгазеты.

Он просыпается утром от первого заводского гудка. Вместе с одеялом сбрасывает сон и лень. Когда гудок зовет второй раз, Хусеинов уже в цехе, он подготовляет к работе инструмент. Одновременно с третьим и последним гудком станок Мухамедши, набрав скорость, начинает гудеть ровно и уверенно.

Обточка первой детали закончена. Деталь лежит на ладони, отливая жирным блеском на свежих следах резца. Хусеинов принимается за вторую деталь.

Работающий рядом с Хусеиновым токарь Губин долго прислушивается к работе станка Хусеинова.—У Мухамедши готова первая, вторая, третья деталь... но почему ровный гул его станка не прерывается ни на минуту? Присмотревшись, Губин замечает, что Хусеинов точит гужоны один за другим, не останавливая станка.

—Вот как?!

Мухамедша Хусеинов, молодой токарь—комсомолец Тюменской судостроительной верфи, еще в марте 1935 года дал 113 процентов выполнения плана, в апреле—130 проц., в мае—172, и так до двухсот. Средний годовой план 1935 года Хусеинов выполнил на 135 процентов, и однажды он увидел свое имя в списке стахановцев судоверфи.

Совсем еще недавно на судоверфи смотрели на Хусеинова, как на малоопытного „фабзайца". Но товарищи уже присматривались к Мухамедше, они заметили, что многое изменилось в его работе. К каждой мелочи Мухамедша относится с большой внимательностью, и каждую «мелочь» он рассматривает по своему и подчиняет одному—усовершенствовать рабочий процесс.

В декабрьские и январские стахановские дни результаты работы Хусеинова поразили всех его товарищей. В стахановский день 11 декабря Мухамедша точил заглушки и дневное задание выполнил на 380 процентов. Стахановский день 31 декабря превзошел все ожидания—Хусеинов дал 514 процентов выработки.

17 января зашумел весь цех, когда Хусеинов, вместо 23 болтов, нарезал 200, дав 543 процента выработки.

—Ведь подумать только —200 болтов!—воскликнул на другой день Губин. Губина «заело». Это хорошо видел Хусеинов и с радостью пришел на помощь товарищу.

Посмотрел Хусеинов на деталь, которую точил Губин, и моментально сообразил, почему таких деталей Губин сделал до обеда только девять. Мухамедша вынул из станка товарища резец и сам его заточил. Губин удивился, когда своим же резцом после обеда сделал 41 деталь.

После этого товарищи молодого стахановца еще пристальней стали присматриваться к методам его работы. Каждый хотел раскрыть секрет его успеха. Но заметить это было не так то легко, потому что его достижения в работе складывались из ряда как будто незначительных моментов. Вот эти моменты: Хусеинов имеет определенное рабочее место, инструмент заправляет

с утра, ему во время доставляют рабочий материал и чертежи деталей. Он знает план своей работы на целую пятидневку. Ну, а основное условие его работы—это знание своего станка, умение заточить резец.

Приметили товарищи и то, что Мухамедша не механически работает. Правда работает он быстро, но внимательно приглядевшись к тому или иному участку работы, он ищет и пробует иной, новый метод.

Дело в том, что Хусеннов не боится опыта, его метод работы стахановский, творческий метод.

■ ■ ■

Радужная металлическая стружка вьется у станка Мухамедши. Великолепные детали выходят из его рук. Он прекрасно знает, куда уходят все его втулки, стяжки, клапана, набор арматуры водомерных колонок...

Сын старого шкипера Хусеннова—Мухамедша знает, что без его новеньких, блестящих деталей ни один пароход не спустится на воду.

Отец Хусеннова частенько вспоминает события прошедшего лета, которые связаны с жизнью его сына. Летом со стапелей Тюменской судоверфи сошел первый сделанный в Тюмени пассажирский пароход «Ленин». И команду на этот пароход набрали из тюменских комсомольцев. Этим же летом Мухамедша Хусеннов вступил в ленинский комсомол.

Это были значительные события в жизни Мухамедши.

Отец Мухамедши—старый шкипер, видел жизнь по ту и по эту сторону революции. Он уже отплавал свои годы по великим сибирским рекам. И ему радостно видеть рост своего Мухамедши.

В 1930 году Хусеннов послал сына учиться в ФЗУ. Окончив ФЗУ, сын также стал водником. Веселый «фабзаец» на пароходах «Красный пахарь», «Магнитострой», «Березняки» обошел весь Обь-Иртышский водный бассейн...

— Сын в меня выдался,—хвастает шкипер.

Черноглазый, почтительный сын поражает отца мыслями, и делами, и растущими новыми потребностями, о которых отец в молодое время и не помышлял.

Сын приходит с работы. Не видит отец в нем той усталости, которая сваливала часто его в молодые годы. В прошлые старые годы молодые мастеровые любили выпить—не то сын. Мухамедша садится с палитрой в руках,—рисует, Мухамедша любит музыку.

Недавно Хусеннов-отец заметил у сына книжку незнакомого автора Дрейзера. Сын говорит:—надо бы подробнее прочитать об Америке!

Это уж в сыне новое. Оно появилось недавно, с прошлого лета, когда со стапелей сошел пароход «Ленин», а сын стал комсомольцем. И отец понимает, что ему одному никогда бы не воспитать Мухамедшу таким.

ТЕЛЯТНИЦА ФЕКЛУША МИЛЕЖИК

ФЕКЛУША МИЛЕЖИК, член ВЛКСМ с 1934 года, телятница молочно-товарной фермы Сосновского зерносовхоза. В 1935 году выростила 260 телят без единого случая падежа. Премирована 7 раз.

На лесистом холме живописно раскинулось большое село. Кругом сосняк, пихтач, ельник, в летние жары густой смолистый аромат идет из леса в село.

Неподалеку от площади, где тускло поблескивают поржавевшие купола церкви—большие двухэтажные хоромы богатейшего хозяина на селе, кулака Андрея Филоненко. Искусной рукой, за пуд гречи, разрисовал деревенский художник ставни и наличники окон, резные тесовые ворота. По обе стороны дома глухой досчатый забор.

Высокий, худой, как жердь, с длинными цепкими руками, крутым нравом, таким вспоминает своего хозяина Феклуша Милежик.

Большое хозяйство у Филоненко. С десяток коров, лошадей штук двенадцать, стадо свиней, отара овец, а в трех верстах от деревни на речушке своя водяная мельница. В летнюю пору, в покос и страду, на полях Филоненко работают до сотни поденщиков. Зимой он держит три постоянных работника. Жестокий хозяин Филоненко все видит своим ястребиным оком и низко гнутся батрацкие спины.

Давно это было и вспоминать об этом Феклуше не хочется. Давно нет кулака Филоненко на селе, а на доме его вывеска— „Сельсовет".

К этому кулаку в работницы определила вдова Милежик своих двух дочерей—Феклушу и Таню. Работали девчата за мужиков. Возили с лугов сено, пилили, кололи дрова, грузили пятипудовые мешки с зерном на телегу, возили их на мельницу. Феклуша—девушка статная, румяная, чернобровая, немало парней заглядывалось на нее. Стал и Андрей Филоненко присматриваться к работнице. То дело полегче даст, то посмотрит так, что Феклуше не по себе станет. Однажды вечером, управившись с хозяйством, Феклуша вышла на улицу погулять с подругами и только завели девчата хоровод, хозяин Феклушу окликнул:

— Иди домой, дело есть!

Вошла Феклуша в сенцы, а тут хозяин, вином от него пахнет. Схватил он Феклушу, шепчет ей что-то, целует. Собралась Феклуша с силой, вырвалась, выбежала на улицу. Хлопнула дверь хозяйского дома, кончилась навсегда Феклушина батрацкая жизнь. Вместе с сестрой ушла она в тот же вечер в соседнюю деревушку, где жила мать.

■ ■ ■

Посмотришь кругом—степь да небо. Промчится ветер, пригнет к земле ковыль, да весной и осенью пролетят с веселым гамом журавли, догоняя лето. И снова недвижна степь. В этой, куда ни глянь, бесконечной степи в 1930 году началось строительство Сосновского зерносовхоза. Одной из первых с котомкой за плечами пришла Феклуша на строительство зерносовхоза. Робко постучала в дверь наспех сколоченного сарая и услышав „заходи", открыла

дверь. Не знала тогда Феклуша, в какое чудесное завтра открылась эта дверь, в какую полную замечательных дней жизнь выписал ей путевку усатый вербовщик Григорий.

Первые дни работы в совхозе Феклуша отбирала семенной картофель. Поселили ее вместе с другими женщинами одиночками в саманном бараке. Через десяток дней предложили Феклуше пойти дояркой. Дело было знакомое, согласилась. В коровнике совхоза работало много девчат, сдружилась с ними Феклуша и вскоре вместе с подругами подала заявление в комсомол.

Доярка она была хорошая, старательная, дело свое знала и любила, девушка пытливая, —приняли ее в комсомол.

По поручению комсомольской организации комсомолец счетовод Рыбкин стал учить Феклушу грамоте. Через год Феклуша умела хорошо писать, читать и не только это—в комсомольской политшколе она узнала, что такое партия большевиков и за что она борется.

■ ■ ■

Профилакторий—так называется помещение, где живут телята, которых воспитывает Феклуша.

При входе у дверей—коробка с известью. Каждый входящий в профилакторий обязан дезинфицировать подошвы обуви. Строго следит за этим Феклуша. Внутри белые стены, много света, градусник показывает 18 градусов тепла. От длинной большой печи—плиты—справа и слева клетки, каждая размером в квадратный метр. В клетках на сухой соломе лежат Феклушины питомцы—телята. Это новорожденные, они будут в профилактории десять дней, весь молозивный период—период корма теленка исключительно молоком матери. Здесь властно и строго на посетителей, ласково на „новорожденных" поглядывает Феклуша.

Встает она в 4 часа утра, бежит в профилакторий, топит печь. Телята, как маленькие дети, боятся холода. Надо им поддерживать температуру не ниже 18 градусов тепла.

Вскоре приходят доярки. Они только что подоили коров. Начинается процедура кормления телят. Случись беда—перепутает молоко Феклуша, даст молоко не от матери телку, заболеет телок. Такие уж нежные эти создания, да только не стоит беспокоиться, не было еще такого случая у Феклуши. После кормления Феклуша дезинфицирует посуду, стелет подстилку. И тогда сытые, уставшие от еды, телята лежат себе спокойно до обеда, а потом опять кормление и тогда уже до вечера.

■ ■ ■

— Трактористкой хочешь быть, Феклуша?

— Нет.

— Разве работа на тракторе плохая?

— Нет, я не поэтому, я хочу быть животноводом. Научиться хочу этому делу, ведь я больше догадкой дохожу, как лучше обращаться с теленком. И все-таки вот уже двести шестьдесят одного теленка вырастила в 1935 году, ни один теленок не пропал.

■ ■ ■

— Еще, еще, Феня...—подзадаривает комсомолец Рыбкин.

Петя Санин играет на гармонии. Ну и лихо же наигрывает Петро! И Феклуша пляшет не хуже. Подбоченившись, танцует, припевая звонким голосом задорную частушку. Устал гармонист, не подстать его гармошке соревноваться с Феклушиными каблуками.

Поставил Петро гармонь под стол и достал платок, вытирает со лба пот. Такая же чернобровая, как Феклуша, ее сестра Таня высоко завела песню. Песню подхватил девичий хор.

— Хорошо поете, девушки!

— Хочешь сказать: а где сядем, директор?

Директор животноводческой фермы, комсомолец Вершинин, тоже за словом в карман не полезет.

— За стол, товарищи, несомненно за стол!

Сели гости за стол.

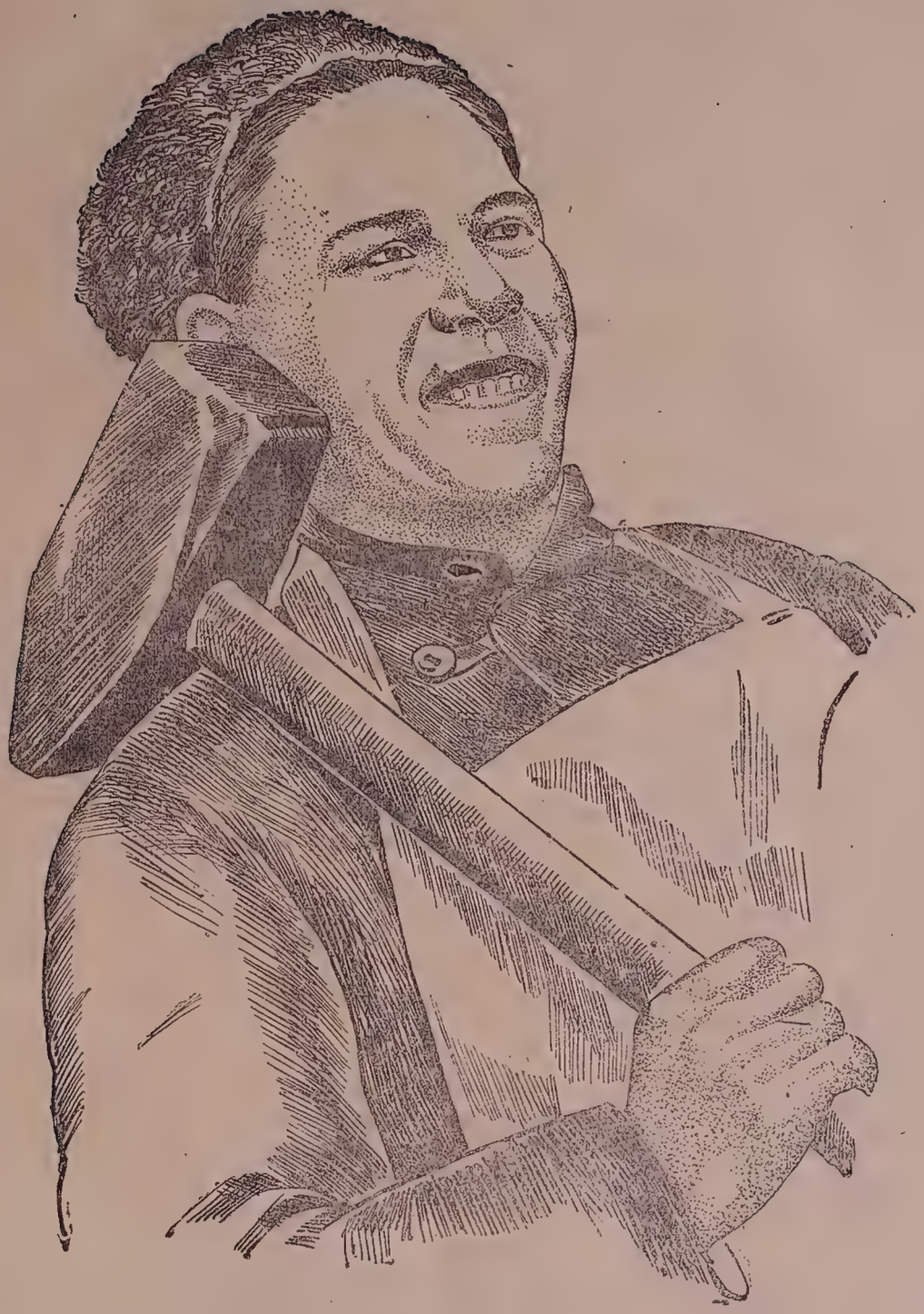
— Вот что надо сказять — начал баском директор Вершинин, —наша Феклуша Милежик — стахановка, знатная телятница нашего совхоза. За хорошую работу мы сегодня премируем ее этой комнатой, Нравится ли гостям комната? Комната, как видите, по всем правилам: кровать, комод, диван, стол, стулья. Все это дарит совхоз лучшей нашей телятнице, Фекле Милежик, в ее полное самостоятельное владение и пользование. Работай, Феклуша, учись, будь доблестной комсомолкой и совхоз в долгу не останется. И вы, товарищи гости, не отставайте. У государства и диванов, и комодов, и всяких других хороших вещей на всех хватит.

Пришла к нам Феклуша безграмотной девушкой, у которой только и мечты было, как бы приданое себе мало-мальское справить. У нас и росла, и в комсомол вступила, и знатным человеком стала. Думает теперь Феклуша стать техником животноводства.

Теперь, Феклуша, все твое, все пути-дороги широкие, учись, поможем тебе всем комсомолом...

До-поздна танцовала молодежь в гостях у стахановки.

ПЕТР САЖИН



ПЕТЯ САЖИН, член ВЛКСМ с 1934 года, молотобоец-стахановец кузницы Омской ТЭЦ. Норма выработки от 400 до 523 процентов. Учится в комсомольской политшколе на „хорошо".

Родился Петр Сажин накануне великих октябрьских боев, зимой в 1916 году, в селе Больше-Кулучье, Омского района. Царской власти, жандармов, приставов он не видел, белогвардейского разгула не помнит. Попы были смешны ему с детства, рос он резвым, сильным ребенком.

Отец Петра, Михаил Сажин, жил бедно. Семья большая, ртов много, работать некому, бились с куска на кусок, к тому же отец любил выпить. Несмотря на бедность, дети росли здоровыми, свободолюбивыми и любознательными. Петруша Сажин был лучшим учеником в школе.

В 1929 году в селе Больше-Кулучье заговорили о колхозе...Отец Петра первый записался в колхоз. Когда Петруша кончил сельскую школу,отец сказал;

— Будешь работать в колхозе.

Однажды на колхозном собрании колхозники удивились всегда молчаливому на собраниях юноше.

— Конторович—кулак,—заявил Петруша.—Ведь все знаете, что моя мать 8 лет у него батрачила! Конторович был лишен голоса. Вскоре после этого Петруша вступил в комсомол.

В 1934 году его прикрепили во вторую бригаду к бригадиру Василию Солину. Петруша его знал, как зажиточного мужика и понял, что таит бригадир злобу на Петра за Конторовича.

— Эй ты, сопливый стукач—говорил Солин.

Петруша мог бы весной пахать, а бригадир говорил:—садись верхом, борони!

Бригада готовилась к севу, Солин дал Петруше самых тощих лошадей, Савраску и Саврасуху, да еще засмеялся:

— Помни, тебе даю лучших...

Петруха полюбил своих саврасых, поил, кормил, чистил, сам залечивал раны. Шла весна. Ядренее становились дни. Звучнее текли потоки воды к «Черному логу». Петрушины кони к тому времени стали гладкие, сытые.

— Эти кони пойдут в сеялку,—решил бригадир Солин.

— В сеялку?—закричал Петр,—а вот не хошь?— и погрозил Солину кулаком.

— По добру, по чести прошу,—хотел перекричать бригадир Петьку, но он уже успел заскочить верхом на лошадь, свистнул и помчался галопом на село. Лошадей он так и не отдал. Работал на них все лето и заслужил звание ударника.

Осенью Петр Сажин получил командировку на учебу. Приехал в Омск и заболел. Учебу пришлось отложить. Петро решил на зиму остаться в Омске и пошел работать молотобойцем в кузнечный цех Омской теплоэлектроцентрали.

— Молотом бить умеешь?

— Нет...

— Что-ж, придется поучиться. Будешь бить кувалдой по чурке.

Петр не понял, о чем шла речь.

— Э-вон, видишь чурку?—кузнец показал рукой в окно.

— Вижу.

— Так вот, бери молот и иди, тешься до-сыта, бей, втягивайся, парень, в работу—В голосе кузнеца Петр уловил иронию и ответил:

— Работы я не боюсь.

Пять дней бил Петр кувалдой по чурке. Учился нелегкому делу—правильно молотом бить. От сильных ударов на второй день вдребезги разлетелась березовая чурка.

Из отпуска вернулся старый кузнец Ян Буникис. Утром Петька познакомился с ним. Кузнец подал ему сухую, жесткую руку, расспрашивал о том, как зовут, сколько лет, знает ли кузнечное дело, есть ли квартира?

— С кузнечным делом я не знаком,—неловко ответил Сажин.

— Ничего, научишься,—успокоил кузнец.

Время шло. Петр стал привыкать к работе. Как то Буникис присел на чурку и завел разговор о том, как его учили «кузнечить» у помещика Крейеспана.

— Нелегко мне, браток, досталось кузнечное дело,—рассказывал Буникис. Однажды я проглядел и выбил из клещей кузнеца подковку. Подковка упала на пол, тогда «учитель» подошел ко мне, взял за волосы левой рукой, а правой стал бить по глазам, приговаривая:

— Не гляди по сторонам, сукин сын, не гляди...—Как каторжные работали по 12—15 часов в день за 20 копеек.

В этот вечер Петька узнал, что его кузнец—член партии с 1903 года, пережил три революции, аресты, несколько побегов. Беседа затянулась, наконец Ян встал с чурки, бросил клещи на землю, и со злобой проговорил:

— Ненавидел я своего учителя. Вспоминать не хочется.

Молотобоец Сажин поднялся и вместе они вышли из кузницы.

Шли молча.

Над городом вспыхнули тысячи ослепительных электро-лампочек.

Петр нарушил молчание;

— Вот, ненавидел, говоришь, своего учителя-кузнеца, а мне прямо не хочется с тобой расставаться до утра!

Учитель и ученик рассмеялись.

Пять месяцев кузнец Буникис с молотобойцем Сажиным работают в кузнице. За это время они показали исключительные образцы высокой стахановской производительности труда.

Вот их победы: в сентябре они выполнили свое задание на 199 процентов, в октябре—на 237 процентов, в январе—на 327 процентов.

Кузнец Буникис оказался замечательным педагогом. А Петька Сажин хорошим учеником.

* * *

На ТЭЦ готовились к стахановскому дню. Готовилась к нему и кузница. За два дня Буникис и Сажин запаслись нужным материалом, заправили инструмент, приготовили хороший уголь.

3 января прогудела сирена. Петр и Ян Буникис за две минуты до начала работы были в цехе. В 8 утра в кузнице начался стахановский день.

...Петр стоит с кувалдой в руках, поджидая, пока кузнец Буникис из огня клещами вынет болванку и положит ее на наковальню. Несколько частых, сильных ударов. Из под молота брызжут золотые искры.

Кузнец улыбается, кричит:

— Бей, Петюха!...—В сторону летят готовые гайки...

Прогудел гудок, возвестивший о конце рабочего дня.

— Есть 356 вместо 70!

В этот день стахановцы Буникис Ян и его помощник Петр Сажин перевыполнили свое задание в 5 с лишним раз...

Усталые, сияющие кузнецы садятся на чурки покурить.

— Вот, Петро, мы и стахановцы! Как же с учебой теперь?—Хитро подмигивает Буникис.

— С учебой особый разговор, думал на агронома учиться, да раздумал.

Огорченный Буникис разводит рукой—раздумал учиться?

— Думаю подготовиться в институт. Инженером хочу быть.

ПРОПАГАНДИСТ

ВЕРА КОЛАЧЕВА, член ВЛКСМ с 1927 года, техник-плановик Тюменскей спичечной фабрики „Пламя". Вера второй год работает пропагандистом в кружке по изучению истории партии. В прошлом году все слушатели ее кружка сдали зачеты на „отлично" и „хорошо". Посещаемость в кружке Веры стопроцентная, все слушатели хорошо готовятся к занятиям, ведут конспекты.

Кружок, которым руководит Вера—лучший в Тюмени.

Лампа, затененная абажуром, бросает мягкий свет на стол и девушку, склонившуюся над книгой.

Света достаточно, чтобы разглядеть внутренность небольшой уютной комнаты. Несколько стульев, рабочий и туалетный столики, кровать, этажерка. На полках этажерки—строгие переплеты томов „Капитала“, красные корешки сочинений Ленина, „Вопросы ленинизма“—Сталина, „История партии“—Ярославского, „Комсомольский учебник политграмоты“—Волина,аккуратно подобранные экземпляры журнала „Большевик“. Ниже пестреют разноцветные переплеты беллетристики, высокой горкой вздымаются подшивки комсомольских газет.

Обитательница комнаты, комсомолка Вера Колачева, готовится к очередному занятию в комсомольском кружке по изучению истории партии. Она—пропагандист комсомольской организации фабрики „Пламя“.

Учеба на экономическом факультете Ленинградской лесотехнической академии дала ей квалификацию плановика, а десять лет пребывания Веры в комсомоле дали ей комсомольскую закалку, опыт организаторской и пропагандистской деятельности.

Вера помнит слова отца—механика одного из ленинградских заводов, который говорил: „Ты пошла в комсомол. Это хорошо. Дорога дальше—это партия. Учись сама—учи других. Чем больше ты вникнешь в общественную работу, тем полнее и ценнее будет твоя жизнь“.

И Вера учится сама, учит других, много работает и всегда „вникает в общественную работу“.

Спокойная, рассудительная, политически-развитая девушка быстро завоевала авторитет, быстро сблизилась с комсомольцами. Ребята и девчата заявили—„лучшего пропагандиста нам не найти“.

Искусство пропагандиста сложно. Надо с'уметь заинтересовать слушателей, заставить их быть внимательными, аккуратно посещать занятия и добиться лучшего усвоения прорабатываемого материала.

Этим большим искусством Вера овладевает успешно. Любовно относясь к делу, она с комсомольской выдержкой настойчиво работает над темами и проводит занятия живо и интересно. Вот метод ее работы:

Вера всегда составляет конспект и особо подчеркивает в нем важнейшие вопросы. Обязательно применяет на занятиях наглядные пособия: карты, диаграммы, зачитывает вырезки из газет, чертит на классной доске схемы, приводит отрывки из подобранной к теме художественной литературы.

Вера внимательно следит, как усваивается слушателями тема, раз'ясняет непонятные вопросы, добивается, чтобы у слушателей не оставалось никаких сомнений. С теми, кто отстает, она работает дополнительно, ходит на квартиру, помогает работать над книгой, над конспектом.

И вот результаты: в прошлом году комсомольцы, посещавшие политшколу, которой руководила Вера, сдали зачеты только на „хорошо“ и „отлично“. В этом году Вера дала обязательство, что все слушатели ее кружка также

прекрасно сдадут зачеты. У слушателей кружка, которым руководит Колачева, не бывает опозданий и прогулов и это об'ясняется просто: занятия в кружке Веры далеко не похожи на скучное чтение лекций в некоторых других комсомольских политшколах и кружках города. Вера читает слушателям речи и статьи Ленина, Сталина, приводит цитаты из сочинений Карла Маркса, Энгельса. В кружке Веры была прочитана книга Островского „Как закалялась сталь". За несколько часов до очередного занятия кружка Колачева обязательно обходит слушательниц, напоминает им о том, что надо аккуратно явиться к началу учебы, просматривает их конспекты.

Вера умело увязывает прорабатываемые темы с бьющей ключом жизнью сегодняшнего дня. Слушательницы ее кружка прекрасно осведомлены о происходящих событиях в Абиссинии, о комическом поступке Уругвайского правительства, порвавшего дипломатические сношения с СССР. В кружке проработана речь товарища Сталина на всесоюзном совещании стахановцев и на совещании передовых комбайнеров и комбайнерок. Вера приохотила девушек к чтению газет и книг. Поэтому не удивительно, что все слушательницы кружка—стахановцы, выполняют норму свыше 200 процентов, не допускают брака и считаются на фабрике лучшими общественницами.

Многим комсомольцам-пропагандистам есть чему поучиться у Веры Колачевой.

Вера, вооружая комсомольцев учением большевизма, готовит из них стойких, идейно-вооруженных борцов за построение бесклассового социалистического общества. Уча других, Вера учится и сама. Она регулярно читает журнал „Большевик" „Комсомольскую правду", „Правду", областные газеты. Готовясь к X с'езду комсомола, Вера прорабатывает и конспектирует однотомник избранных произведений Ленина и Сталина.

Вера с'умела привить любовь у своих слушателей к пропагандистской работе. Из числа выпускников ее политшколы двое ведут сейчас пропагандистскую работу в начальных комсомольских политшколах фабрики.

ВОСПИТАННЫЙ КОМСОМОЛОМ

КОРЯКИН ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ член ВЛКСМ с 1935 года формовщик литейного цеха завода имени Куйбышева—стахановец, норму выработки закрепил — 300 процентов. Учится на вечернем отделении ВКСХШ.

В этом шумном цехе рождаются чугунные детали сельскохозяйственных машин.

На формовочном станке в самом конце цеха работает стахановец, имя которого знает омский комсомол—Ваня Корякин. Его станок—железный столик с вращающейся крышкой и на первый взгляд работа Вани кажется несложной. Что может быть проще—взять заранее приготовленную форму, поставить ее на талер станка, заложить в средину формы поршенек, набросать земли, утрамбовать ее—и форма готова для литья. Но легкость эта кажущаяся, уж очень легки, рассчитаны взмахи Ваниных рук, обучен его глаз. Работа формовщика литейного цеха требует большой сноровки, опыта и знания материала.

Мы любуемся работой Вани Корякина—размеренность и целесообразность его движений почти музыкальны. Ване, видимо, также приятно видеть, что работа его вызывает восхищение. Он не смотрит на нас, но держит темпы работы так, как бы спрашивает нас этим: хорошо ли получается? Умеете ли вы так?

Вторично мы встречаемся с Ваней в комсомольском комитете завода, здесь же он рассказывает нам о себе:

„—Ведь это давнее прошлое... Я не хочу о нем скрывать. Был беспризорником. Старшие из беспризорников научили воровать, курить, играть в карты, пить вино.

Каждый по своему уходит в беспризорную жизнь.—У меня был не родной отец—алкоголик. Часто бил мать и меня, выгонял нас из дому. В такие дни я по обыкновению уходил ночевать к кому нибудь из товарищей, а то и просто на улицу. Вообще улица была для меня милее дома. Так тринадцатилетним мальчишкой подружился я с Ванькой Пташкиным, по кличке „Сыч“; Этот парень был много старше меня,—высокий, здоровенный, неуклюжий, с бычьей шеей, выпуклыми глазами и очень злой. Беспризорники его боялись. Меня, как ловкого и подвижного мальчишку, Пташкин учил воровскому ремеслу.

Однажды поздней ночью я уже спал. К нам в избу вошел отец, пьяный и буйный. Я испугался, спросонья, на скорую руку оделся и выбежал на улицу. Куда шел—не знал, не отдавал себе в этом отчета. На улице встретил веселого Пташкина. Он мне дал закурить и ласково сказал:

—Поедем, Ванюша, в Туркестан, там вольготнее нашему брату живется, Со мной не пропадешь!—Я колебался, но вскоре подумал:—„хуже не будет“—и рискнул:—„Еду“.

В эту-же ночь я с пьяным Пташкиным приехал по городской железнодорожной ветке на вокзал. Возле вокзала на освещенной площадке и больших лестницах толкались пассажиры с вещами. „Сыч“ не зевал. Вскоре у одной дамы нехватило чемодана. Засвистели милицейские свистки, нас не заметили.

Вскоре на первый путь к перрону подошел почтовый поезд. Мы с другой стороны станции, через составы поездов, забрались под вагон и спрятались в пыльном ящике. Поезд тронулся. В Новосибирске нас разбудил смазчик, ткнув под бока большим ключом. Так исколесили мы с Сычем не мало. Зябли, голодали, воровали.

Через год я приехал снова в Омск. Узнал, что мои мать и отец в Челябинске. Квартиры не было, решил поехать к ним. В Челябинске развертывалось строительство гиганта, тракторного завода, требовалось много рабочей силы. Я решил поступить учеником на кирпичный завод. Работали я и мои товарищи лениво, недобросовестно, прогуливали, с работы самовольно уходили. После трех предупреждений мастера меня выгнали с завода.

К этому времени отец мой сильно запил и бросил мать, я вместе с матерью переехал обратно в Омск. Опять встреча с товарищами, снова беспризорная воровская жизнь. Летом 1933 года я случайно встретил Сыча, приехавшего из „путешествия" по городам Средней Азии. Пташкин как будто переменился, он мне говорил, что надо покончить беспризорничество, начать трудовую жизнь, мы уже не маленькие. И вот мы с ним вместе решили подать заявление в ФЗУ Сибсельмаша. Пришли в дирекцию. Высокий широкоплечий директор с улыбкой посмотрел на нас, на меня, худенького, щупленького мальчишку, и здорового Пташкина и сказал:

—Тебя, Корякин, возьмем на учебу, будешь учиться на формовщика, а ты, Пташкин, сильный парень, из тебя кузнец хороший выйдет.

Поздней осенью начались занятия в ФЗУ. Очень трудно было первые дни сидеть за партой и слушать лекции преподавателей. Никак из головы у нас не выпадали мысли о беспризорной жизни. Несмотря на это, я на уроках вел себя, как подобает хорошему ученику, да и учеба мне давалась. Другое дело Пташкин. Вызовет его преподаватель к доске, парень слова ответить не может, пот градом с него валит. Пташкин был страшный лентяй.

Стипендию нам платили небольшую. В нашем общежитии, где мы жили, в большинстве своем помещались беспризорники, такие ребята, как я и Пташкин. Ребята воровали друг у друга все, что попадет под руку. Иногда дело доходило до смешного: у одного ученика во время сна из под подушки брюки стащили.

Помню, после урока математики, во время перемены, ко мне подошел Пташкин и спросил:

—Деньги хочешь?

Я понял, куда звал меня Пташкин, но у меня нехватило силы воли и мужества отказаться от его предложения. Мы пошли с ним, в этот же день украли два пальто и продали на базаре в Куломзино. Едем обратно. Пташкин здесь же в вагоне полез в карман к одному военному и был пойман. У него отобрали все документы и деньги, вырученные от продажи этих пальто, арестовали его, а вскоре осудили и увезли в колонию трудновоспитуемых ребят.

Через год я окончил ФЗУ, и меня, как лучшего ученика, премировали путевкой на месяц в Чернолучинский дом отдыха. Месяц в доме отдыха пролетел незаметно. Я купался, загорал, здоровел. В своей палате организовал музыкальный кружок, с которым два раза выступал на вечере художественной самодеятельности, организованном силами отдыхающих Из отпуска приехал окрепшим и поступил работать на завод формовщиком.

И здесь в последний раз случилось то, о чем я сейчас вспоминаю с болью: я снял с вешалки пальто одной работницы и спрятал. Рабочие узнали об этом и требовали моего увольнения с завода, но в защиту меня стал комсомолец Ковалев, который внес предложение: передать дело в товарищеский суд. Меня судили. До суда и на суде я много пережил: я почувствовал стыд впервые за все время. После того, как выступили рабочие, я набрался мужества, признал свою виновность и дал твердое обещание:

—Это в последний раз, больше я не вор.

Суд вынес мне общественное порицание и предупредил меня. Рабочие цеха все-таки косо поглядывали на меня. После суда ко мне подошел комсорг цеха, Виктор Подкорытов, и сказал:

—Если бросишь воровать, будешь честным, хорошим работником, завоюешь доверие своей работой и поведением, мы можем принять тебя в комсомол, понял? Но знай, звание комсомольца—великая честь. Ее нужно заслужить делом.

На меня эти простые слова подействовали сильно, я почувствовал в них заботу о себе, стал интересоваться жизнью комсомольской организации цеха, посещать открытые комсомольские собрания, и даже выступать на них. Через несколько месяцев я подал заявление в комсомол. Меня не сразу утвердило комсомольское собрание. Комсомольцы обсудили меня по косточкам и потом приняли. Я стал комсомольцем. Начальник цеха, совместно с секретарем комитета комсомола, меня, как сильно нуждающегося в квартире, перевел в комсомольское общежитие завода. Теперь я—другой человек, об этом вы знаете, я благодарен всей душой комсомолу—это самая родная мне семья".

Бывший беспризорник, вор и хулиган Ваня Корякин, окруженный заботой заводского комсомола, стал знатным человеком, стахановцем, инициатором стахановского движения в своем цехе.

Ваня Корякин—хороший общественник, дисциплинированный комсомолец лучший стахановец цеха, норма его выработки—314 проц. Кроме того, сейчас он—студент вечернего комвуза. Учится прекрасно. Зимнюю сессию сдал на „хорошо".

КАНДИДАТ НА УЧЕНУЮ СТЕПЕНЬ

ПЕРЕЛЬМАН ЕЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА—год рождения 1910. Дочь машиниста, член ВЛКСМ с 1927 года. Ассистент кафедры физиологии при Омском медицинском институте. Имеет 6 научных работ, защитила диссертацию и утверждена Наркомздравом в степени кандидата наук. Два года руководит комсомольской политшколой. Избрана в состав комсомольского комитета института.

Пасмурным осенним днем 1918 года погружалась в теплушку поезда, уходившего на Щегловск, семья машиниста Гурова, бежавшего от колчаковской расправы.

В памяти восьмилетней Лизы остались окрики колчаковцев, пришедших ночью за отцом. Лиза помнит—люди кричали и требовали от отца, чтобы он повел состав с боеприпасами, но машинист Гуров категорически отказался. И за эту жуткую ночь многое поняла девочка в сложной механике классовой борьбы. Весь мир раскололся на двое. С одной стороны были колчаковцы, угрожающие отцу расправой, с другой стороны—был отец, его товарищи: машинист Фролов, столяр Пронин, она—Лиза и все ее близкие.

Тяжелым кошмаром всплывает в памяти Лизы несколько суток, проведенных в переполненной теплушке. Ярко горела „буржуйка", плакали ребята, монотонный стук колес навязывал невеселые мысли.

Первый раз в жизни из шумного рабочего поселка девочка попала в деревню. Поразила тишина и медленность деревенской жизни Щегловска, тяжело давила нужда. Одиннадцатилетняя Лиза, кроме учебы в школе, вела все несложное хозяйство у сестры, с которой она жила.

Недолго прожил отец после бегства в Щегловск.

В поисках заработка осиротевшая семья снова переезжает в Омск. И здесь в школе по-новому перестроилась жизнь Лизы Гуровой. На четвертой парте, рядом с Лизой, сидел Ваня Жигалов, пионер отряда завода имени Рудзутак... Ваня много говорил Лизе, с которой подружился, о жизни отряда. По дороге домой из школы в ясный морозный день Ваня особенно увлекательно рассказывал:

— У нас в отряде лыжный поход будет, и всех нас снимут на фотокарточку, а еще знаешь, Лиза, какая у нас газета? Если бы ты ее видела! А главное, сами ребята пишут!

— Меня примут в отряд? — несмело спросила Лиза.

— Примут, пойдем сейчас со мной на сбор, запишешься. Ваня схватил Лизу за руку и ребята весело побежали к заводу.

С этого дня Лиза зажила новой, интересной жизнью.

Лиза быстро освоилась с коллективом и незаметно для себя и для ребят стала лучшей помощницей пионервожатой, душой каждого начинания отряда. По ночам Лиза писала номера стенгазет, которые почему то всегда надо было выпускать срочно, умела быстро подготовить инсценировку, в которой сама принимала участие. Единственная печаль была у Лизы: пионерка-активистка, которая во всем была примером для ребят, никак не могла научиться ходить в ногу. Это доставляло ей много неприятностей.

— „Надо уметь, раз все умеют"—упрямо повторяла себе Лиза, пока не постигла этого искусства. В этом „надо" сказалась основная черта характера Лизы—упорство и настойчивость.

Школа и отряд отнимали у Лизы целый день. Организация Ленинска вскоре узнала, оценила и полюбила живую, светловолосую пионерку.

Помнит Лиза, как было поручено ей приветствовать от пионеров Ленинска немецкую рабочую делегацию, приезжавшую в Омск в 1926 году.

Все казалось Лизе в этот день необычным. И площадь у клуба Лобкова, и трибуна на ней, и колонны рабочих казались в этот день особенными. С необычным волнением взошла на трибуну. Мысль, что сейчас она передаст пионерский привет немецким рабочим, слушавшим ее, стоящим тут, рядом, на площади, глубоко волновала. Плавно начатая речь прервалась нахлынувшими откуда-то слезами, дружными аплодисментами, криками „Рот фронт", пением „Интернационала" и звуками оркестра.

■ ■ ■

Незаметно промчались четыре года.

Кандидат комсомола Лиза Гурова, отлично закончив девятилетку, поступила в Омский медицинский институт.

■ ■ ■

Исключительная трудоспособность, умение найти главное в работе, настойчиво добиваться осуществления задуманного, дали Лизе возможность еще студенткой написать первую научную работу, будучи на практике в Сосновском зерносовхозе: „Психотехнические наблюдения над трактористами Борисовского зерносовхоза".

Закончив институт, Лиза остается аспирантом кафедры гигиены и труда. Для диссертации была избрана тема «Условия труда омских текстильщиков".

Рабочие суконной фабрики хорошо помнят врача медицинского пункта Елизавету Васильевну, всегда чуткую и внимательную к их нуждам. Не прекращая работы в институте, Елизавета Васильевна долго и настойчиво изучала условия работы работниц Омской суконной фабрики, собрала богатейший статистический материал и одновременно настойчиво добивалась устранения выявленных недостатков.

■ ■ ■

Поднять калорийность обедов и улучшить условия труда оказалось делом не легким. Все начинания советского врача-общественника наталкивались на ожесточенное сопротивление бывшего директора суконной фабрики Горшкова и бывшего председателя фабзавкома Стрелкина.

И здесь большую роль сыграла бдительность дочери машиниста, которую не могли запугать ни громкие фразы председателя завкома о трудностях и подрыве авторитета советской власти точными анализами обедов, ни унтерпришибеевские окрики Горшкова: «Мы вам не мешаем лечить ангину и лечите себе».

Лиза понимала, что, прикрываясь трудностями, некоторые людишки, нечистые на руку, уродуют жизнь рабочих и она не ошиблась.

Чувствуя свою абсолютную правоту, Лиза рассказала обо всех безобразиях на фабрике приехавшему в 1933 году в Омск тов. **Эйхе**. Он внимательно выслушал Лизу и помог ей ликвидировать безобразия на фабрике. Директор фабрики Горшков и председатель завкома Стрелкин были сняты с работы, вместе с заведывающим отделом рабочего снабжения.

Успешно защитив диссертацию и став кандидатом на получение ученого звания, Лиза продолжает свою научную работу, ни на один день не прекращая своей работы на производстве. И где бы не работала комсомолка Лиза Перельман, везде она умеет применить свои знания для улучшения условий труда и поднятия его производительности.

При Омской дороге существует психо-физическая лаборатория транспорта. Лаборатория жила спокойной, болотной жизнью, совершенно оторванной от транспорта, его жизни и работы. Но стоило появиться Елизавете Васильевне и дело коренным образом меняется.

Первая тема, которую взялась разработать Елизавета Васильевна—„Условия и режим труда диспетчеров на Омской дороге», потребовала от нее большой исследовательской работы на местах.

Увидев, что диспетчерские комнаты неприспособлены для приема радиограмм, Елизавета Васильевна поставила вопрос о необходимости драпировать комнаты диспетчеров мягкими тканями. Но ткани в нужном количестве не было и Елизавета Васильевна изобретает „звукофильтр", прибор для уменьшения реверберации.

Только твердость воли комсомолки могла разбить все преграды равнодушия, косности и неприкрытой подлости чуждых нам людей, начиная от диспетчера Гизбрахта, в прошлом кулака, выгнанного впоследствие с транспорта, и кончая Левчуком, который пытался присвоить себе изобретение Лизы.

Сейчас аспирант Лиза Перельман работает при кафедре физиологии Медицинского института под руководством профессора Журавлева и усиленно готовится к докторской диссертации, которую она наметила защищать через три—четыре года.

Для научных исследований ежедневно приходят в лабораторию Лизы студенты, которым она передает свои знания, а они, в свою очередь, платят ей большой теплой дружбой.

ПОЛЯ КИЧИКОВА

ПОЛЯ КИЧИКОВА, член ВЛКСМ с 1932 года, стахановка, с'емщица Тюменской спичечной фабрики „Пламя"; дает 230 ящиков спичек вместо 150 (союзный рекорд— 236 ящиков), группорг комсомольской группы цеха.

От дома Поли Кичиковой до фабрики „Пламя“ недалеко и минут через пятнадцать она уже озабоченно вслушивается в ритм движения спичечных автоматов.

Вечер. Поля работает в третьей смене.

Обойдя автоматы комсомолок своей группы и убедившись, что машины работают исправно, Поля заглянула в передел, где изготовляют спичечную соломку. Запас был достаточный.

Вскоре в автоматный цех целой гурьбой вошли подружки Поли—комсомолки Белоусова, Девяткова, Зубова. Мороз ярко разрумянил их щеки. Они окружили Полю, закидали вопросами, рассказами обо всех событиях дня. Девушки любят Полю. Всегда спокойная, с чуть насмешливыми, серыми глазами, решительная, серьезная, она умеет и пошалить, и поработать.

Работницы хорошо помнят, когда три года назад Поля впервые переступила порог фабрики и просто рассказала, что кроме деревни, где она выросла, ничего не видала. Смущенно поделилась она с ними своей мечтой—стать квалифицированной работницей.

Чернорабочая Поля вступила в ряды ударников, стала посещать комсомольские собрания. Умная, живая девушка, одна из первых она подхватывала начинания комсомольского комитета.

Вскоре она подала заявление о приеме в комсомол. Полю приняли. С тех пор она—одна из активных и дисциплинированных комсомолок.

Кичикова страстно хотела стать автоматчицей и осуществить желание ей помогала подруга—автоматчица Бузолина, которая работала на автомате „Новый тимплекс“. Как только у Поли выдавалась свободная минутка, она прибегала к Бузолиной и та учила ее управлению машиной.

В комсомольском комитете заметили любознательность молодой комсомолки, ее тягу к учебе и когда на фабрике организовался технический кружок, комитет Полю послал учиться.

С первых дней она с головой окунулась в учебу. Посещая технический кружок, одновременно пополняла свой общеобразовательный и политический уровень. Дома, на маленьком столике, появились «Вопросы ленинизма», «История партии». С увлечением были прочитаны книги «Кому на Руси жить хорошо»—Некрасова, «Разгром»—Фадеева, «Большой конвейер»—Ильина и другие.

Через год комсомольцы выбрали настойчивую в работе девушку,—групповым организатором. Поля успевала бывать на собраниях, «нажимала» на техническую учебу, читала книги, газеты, работала в группе. Ей было приятно чувствовать ответственность и важность порученного ей дела. Группа Поли по праву считается лучшей на фабрике. Ни одна из комсомольской группы Поли не затягивает уплату членских взносов в комсомол, все аккуратно посещают политшколу. Комсомолка Белоусова—неплохой пионервожатый, Девяткова—учится на инструктора противохимической обороны.

В стране заблестели первые искры стахановского движения. Поля к тому времени уже сдала технический экзамен на «отлично» и работала автоматчицей.

С увлечением читала Поля газетные заметки и статьи о рекордах Стаханова, Бусыгина, Сметанина. Рекорды инициаторов новой неслыханной производительности труда вызывали страстное желание быть стахановкой.

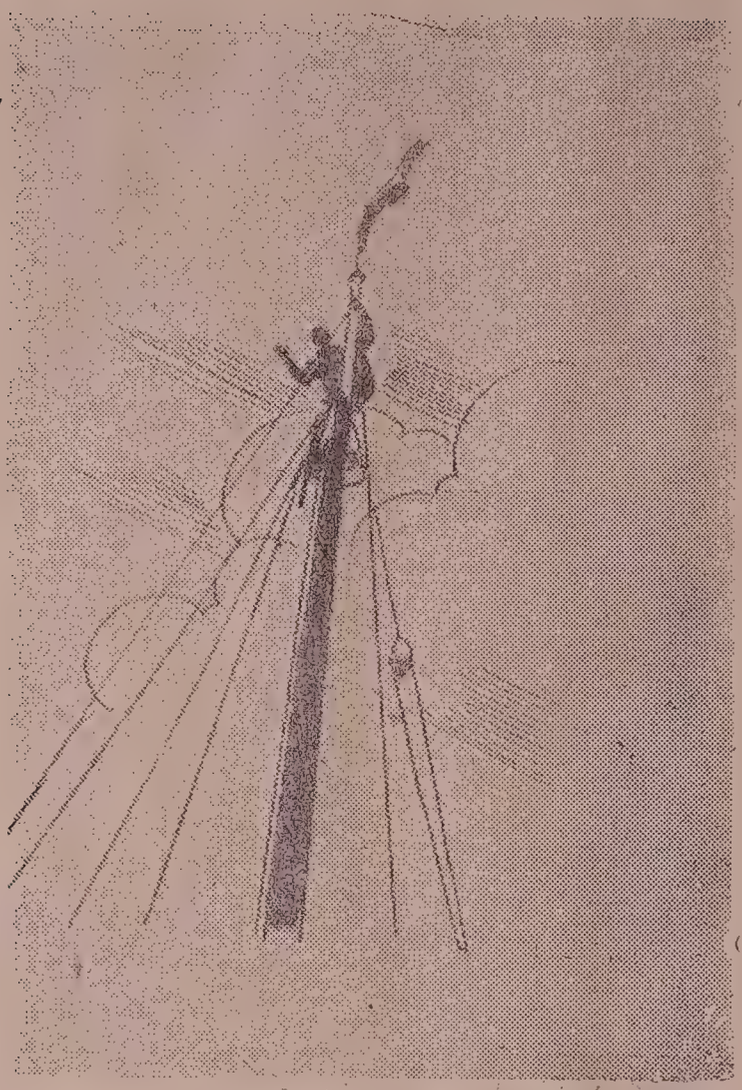
Вскоре Поля по своей инициативе перешла на работу с увеличенным числом оборотов автомата и когда впервые выработала 200 ящиков спичек за смену, вместо ста по норме, она пришла к своим комсомолкам и первым им сказала:

— Девчата, кажется, я—стахановка!

Увлеченные примером Поли, члены ее группы—Белоусова, Девяткова, Зубова усилили борьбу за перевыполнение дневных норм и также завоевали почетное звание стахановок.

Сейчас Поля дает 230 ящиков спичек в смену, эта ее выработка приближается к союзному рекорду, который равен 236 ящикам в смену. К X с'езду комсомола комсомолка Кичикова готовится перекрыть всесоюзный рекорд выработки спичек.

НА ШЛЮПКАХ В ЗАПОЛЯРЬЕ



Флажок во время бури был сорван ветром. Быстро забравшись на мачту, Смирнов установил его вновь.

Оборудованные всем необходимым, проверенные в каждом миллиметре, качаются шлюпки на Иртыше.

Готовы вздуться прочные паруса, набухнуть ветром, смелостью, упорством, послушные расчету командира, воле людей, отправляющихся в замечательно-смелый и ответственный поход на север.

300 заявлений разобраны приемочной комиссией шлюпочного похода. 300 молодых писали в редакцию газеты „Молодой большевик": „Хочу быть участником похода, трудностей не боюсь и знаю, что они будут. Сил и здоровья хватит. Мужества также».

Сила, здоровье, мужество—вот чем богата наша молодежь.

300 заявлений и 32 участника похода. Из 300 заявивших о своем мужестве были отобраны 32 лучших.

— Кто эти люди?

Вот комсомолец **Вышеславский**—рабочий Омской ТЭЦ, электромонтер, ударник, отличный физкультурник, „легкий кавалерист".

Комсомолец, член партии **Нахаев**—студент III курса Омского ветинститута, сын рабочего, ударник, премированный 8 раз, член пленума горкома комсомола, физкультурник.

Харчук—студент водного техникума, ударник учебы, общественник, физкультурник, здоровяк, гармонист и веселяка.

Комсомолец **Жмаев**—техник Омской ТЭЦ, общественник, физкультурник.

Комсомолка **Вера Крылова**—работница хлебозавода, ударница, общественница, физкультурница.

Это рядовые из коллектива участников похода, каждый из них будет иметь сложные обязанности во всех областях многообразной деятельности коллектива в пути. Среди тридцати двух: художники, певцы, журналист, фотограф, гармонист, врач, оленевод, зоолог, токарь, слесарь, электромонтер...

«Омск—Новый Порт»—написано на безкозырках участников похода. Омск—Новый Порт—этот путь—путь отважных, путь мужественных, дисциплинированных, преданных великим идеям партии.

Широк горизонт северной Оби: широк горизонт мужества советской молодежи. Велики возможности в нашей стране для проявления смелости, отваги, героизма.

■ ■ ■

12 июня 1935 года. На берегу Оми у лодочной станции Оргбюро ВЦСПС—огромная масса народа. Трудящиеся Омска пришли проводить в путь участников шлюпочного похода—Омск—Новый Порт.

На реке Омь лодки, байдарки, яхты. Духовой оркестр, вместе с сотнями голосов, исполняет марш „Веселых ребят":

«Шагай вперед, комсомольское племя,

Шути и пой, чтоб улыбки цвели,

Хорошо спать на свежем воздухе. Утром просыпаешься бодрым, свежим, отдохнувшим.

Мы покоряем пространство и время
Мы молодые хозяева земли"...

Матери и отцы, братья и сестры, жены, дети жмут руки участникам похода, отплывающим покорить и время и пространства рек севера нашей области. Под звуки пролетарского гимна заместитель председателя Оргбюро ВЦСПС Омской области тов. Шахнович открывает митинг. Напутственное слово предоставляется председателю Областного совета физкультуры, тов. Кошелеву.

Привет участникам шлюпочного похода от имени Оргбюро ЦК ВЛКСМ передает тов. Аксенов.

Ответное слово от участников шлюпочного похода держит комиссар похода тов. Ковалев.

— Разрешите заверить от имени всей команды похода всех трудящихся Омска и области в том, что возложенные на нас задачи мы выполним с честью. Да здравствует комсомол! Да здравствует коммунистическая партия! Да здравствует товарищ Сталин!

Митинг об'является закрытым.

Минута молчания. Взоры присутствующих прикованы к участникам похода. Командир похода т. Симонов дает команду:

— Весла... на воду!

— Есть, весла на воду!..

4 шлюпки отчалили от берега.

Вот и широкие просторы Иртыша. Тридцать два весла, как одно врезаются в волны.

Товарищи в синих матросках скрываются за горизонтом суровых вод Иртыша.

Курс Норд!

Счастливый путь!

Счастливого возвращения, товарищи!

... Позади—тысячи километров. И вот заключительный, самый трудный переход пути.

17 июля в Сале-Харде (заполярный город нашей области) стояли на редкость теплые, ясные дни.

— Эх и погодка, только бы плыть по Обской губе—рассуждали шлюпочники. Но в условиях заполярья прекрасная погода может моментально смениться бурей, ураганом и ненастьем.

Так и вышло. К вечеру с севера появилась туча. Еще мгновенье и над городом раздался громовой раскат. Не прошло и пяти минут, как на улицах Сале-Харда появились лужи и бурные потоки грязной воды.

13 июля. К утру ветер немного притих, но солнце то и дело пряталось в тучи, не предвещавшие ничего хорошего. Проводы затянулись.

... Заканчивались последние приготовления. Решили взять из Сале-Харда только необходимое: бушлаты, теплые фуфайки, тельняшки, рабочие костюмы, полотенце, мыло, зубной порошок, зубные щетки.

Работа по проверке груза и состояния шлюпок и снастей, погрузка и распределение вещей по шлюпкам несколько раз прерывалась сильными дождями. К 2-м часам шлюпки были готовы к отплытию.

— По шлюпкам!

— Отва-алива-ай!

По порядку номеров первая, вторая, третья, четвертая шлюпки отходят от берега.

Провожают: молодежь, пионеры, комсомольцы, студенты, русские, ненцы, хантэ, зыряне.

— Счастливого пути!

— Благополучно достигнуть Нового Порта!

По сильным порывам ветра чувствовалось приближение бури. На реке Полуй поднялись крутые волны. Ветер прижимал шлюпки к левому берегу. От пристани отошли недалеко. Слышен взволнованный говор провожающих.

Впереди двигалась вторая шлюпка, за ней ныряла третья, четвертая. Первая флагманская удержалась на середине Полуя, но и ее тоже тащило к берегу.

На вахте.

Около консервного завода из-за Ангальского мыса еще сильней рванул ветер. Волны хлещут через борт, люди в шлюпках все смокли. Полуй взбесился. Два катера с провожающими шлюпочников работниками окружкома комсомола еле справлялись с бурей. Волны приподнимали нос катера метра на два, а потом с силой опускали его вниз. Винт отказался работать и катер почти не двигался вперед, болтаясь на волнах. Движение шлюпок было настолько стремительным и кучным, что командиры шлюпок не решались на ходу сдать паруса.

Один был выход—соглашаться с дрейфом и постепенно подойти к берегу, да так подойти, чтобы не налететь на камень или бревно.

Командиры умело вели шлюпки. То стравливали паруса, т. е. уменьшали ветроспловую площадь, то набирали ветер, чтобы преодолеть надвигающиеся волны, которые, набегая друг на друга, дыбились вверх, то и дело забрасывая в шлюпки свои холодные космы

Шлюпки выбрасывало на берег. Раздается резкая команда;

— На фалах! Фаловые быстро метнулись в нос, броском опустили паруса, погрузив их в воду...

Исключительную находчивость, смелость и самообладание проявил командир четвертой шлюпки коммунист тов. Копотилов. Его шлюпку сильно тряхнуло. В пяти метрах от берега она потерпела аварию; лопнули фалы, повредило ванты, смело в комок паруса, сбросило их в воду. Шлюпке грозила опасность—лечь вверх дном.

Копотилов не растерялся.

— Весла на воду,—как обычно спокойно, но твердо приказал он команде.

— Есть весла на воду...

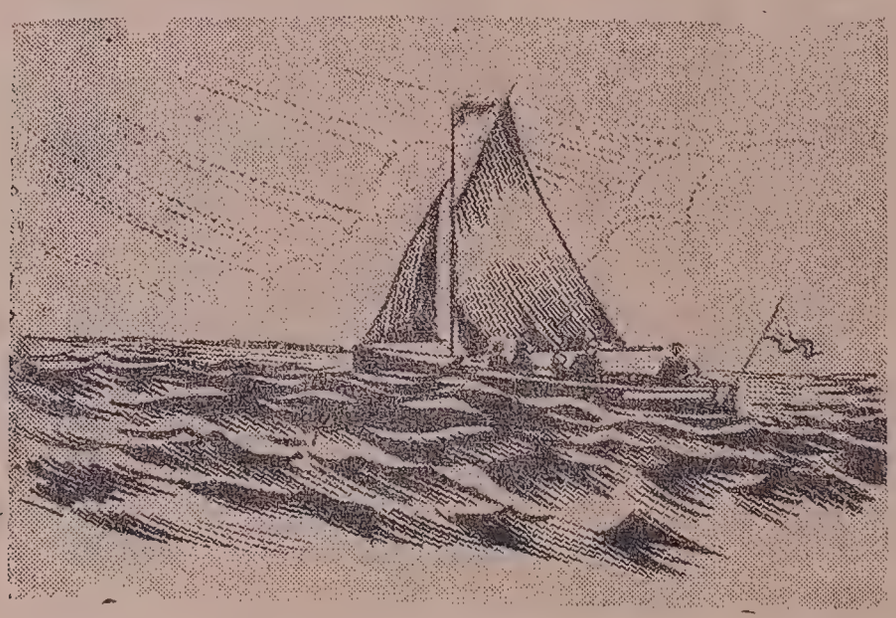
Еще один удар волны и руль был выбит из гнезда крепления.

Шлюпка без руля не послушная, шальная—она становится вдоль волны. Это быстро учел Копотилов и приказал гребцам покрепче грести и держаться на волну, а сам держа в правой руке руль, опустился в воду, чтобы исправить поломку находу.

Первая шлюпка на веслах шла к заветреннему берегу Ангальского мыса.

Команды второй и третьей, шлюпок уложив намеченные паруса, пытались на веслах выйти на середину реки, но сильный ветер и прибойная волна прижимали к берегу.

Выбрав удобный момент, команды нажали на весла, выскочили на средину Полуя и пошли за флагманской шлюпкой. Только динамовская шлюпка продолжала держаться на волне у берега. Командир Копотилов ремонтировал



Динамовская шлюпка оттолкнулась от берега и остановилась, поджидая остальных.

Лодочка хантэ направилась к лагерю шлюпочников.

руль. Левой рукой он держался за корму, а правой в воде закреплял руль. Когда руль был прикреплен, выжимаясь на руках, Копотилов поднялся из воды и сел на корму, дрожа от холода.

■ ■ ■

От Сале-харда прошли 8 километров и пришвартовались к Ангальскому мысу. К берегу шли тихим ходом, боялись наскочить на подводные камни.

— Подтаб-а-а-а-ань!—Кричали командиры шлюпок.

Высокий, окаймленный мелким лесом мыс задерживал ветер, умеряя шторм. Мыс был ласков и гостеприимен. Полуй кончался, а дальше снова неспокойная, шальная Обь. Она разлилась здесь на семь—восемь километров в ширину.

Было ясно, что при норд-осте выйти в Обь нельзя...

Команда отдыхала, поджидая динамовскую шлюпку.

Прищуриваясь, закрывая руками лица от огня, кто сидя, а кто и лежа устроились на камнях у костра,—сушились. Козырев, Семенов, Шевченко разулись и развесили обувь у огня.

Первый заговорил Паша Шевченко.

— Как то неудобно, отошли восемь километров от Сале-Харда и...

— И лапти сушить,—вмешался в разговор комсорг похода Гоша Нахаев.

— Мы не трусы,—иронически заметил Анатолий Борисенко.

— Да, мы не трусы,—серьезно ответил комиссар похода Ковалев. Вода шуток не любит, так же как и мы не любим лихачества. А на счет лаптей вот что: мы лапти сушим для того, чтобы хорошо обсушиться, набраться побольше сил и, выбрав удобный момент, двинуться вперед и... победить.

На берег выскочили динамовцы.

Мокрый и посиневший к костру подошел командир шлюпки Копотилов. Он смеялся, рассказывая о том, как исправлял руль в воде и как шлюпка ныряла в волнах Полуя.

Вскоре на берегу были натянуты палатки. Из мягкой травы были сооружены постели, усталая команда расположилась спать. Долго не давало заснуть журчанье ручья, пробегавшего под камнями. Было около 11 часов ночи, но светло как днем. Хороша заполярная ночь!

Привалившись к большому камню, обняв чумичку (поварежку) заснул повар Вася Шадрин. Во сне он бормочет: „Все ли наелись?“ „Не скипятить ли еще чайку?“ Заядлый охотник Чеботарев подходит к костру, он мокр и грустен; кто-то спрашивает:

— А где же ваши трофеи?

Чеботарев молчит. Ему не хочется говорить „о трофеях", но его выдает маленький недобитый куличок, который высовывает свою длинную шею из охотничьей сумки и, к удивлению всех, разражается громким криком:

— Ку-ик, ку-ик.

Куличку ответили оглушительным хохотом.

К 12 часам ночи все спали. Только вахтенные ходили вокруг костра.

■ ■ ■

Ждали, когда спадет ветер. Но и в пять часов утра ветер не спадал. Обь по-прежнему волновалась. Посовещались. Решили не ждать и переваливать через Обь.

До левого берега семь километров.

Выйти на парусах опасно. Командир похода Симонов приказывает:

— Рубить рангоуты (т. е. освободить шлюпки от мачт).

— Есть рубить рангоуты.

Через пять-шесть минут четыре шлюпки, точно птицы с обрезанными крыльями, неуклюже покачивались на волнах.

Было холодное утро. Это особенно чувствовалось, когда отошли от костра к реке. Перед отходом в Обь все переоделись в ватные брюки и теплые фуфайки.

— По шлю-ю-пка-м! Без суеты, и без промедления заняли свои места на шлюпках. Снова команда:

— Отваливай!

Первой отошла флагманская шлюпка.

— Будем делать перевалку через Обь, семь километров, на левый берег, будьте осторожны и внимательны,—приказал командир.

— Есть быть внимательными и осторожными!—Пошли друг за другом на расстоянии 5-8 метров. Эту дистанцию шлюпки поддерживали на первом километре, пока шли заветренной стороной по небольшим волнам.

На второй шлюпке у участника похода Руденко ломается весло. Запасного нет. Один боец вышел из строя. Ход шлюпки замедлился, ее сильнее стало бросать по волнам, она плохо слушается руля. Командир шлюпки Миша Прядихин нервничает:

— Нужно просить весло с третьей шлюпки.

Передают просьбу семафором. На третьей шлюпке заметили, командир шлюпки тов. Жмаев прочитал:

— О-д-о-л-ж-и-т-е н-а-м в-е-с-л-о.

На третьей шлюпке запасных весел есть два. Но как передать?

Ждать опасно. Сильные волны опрокинут шлюпку, а не передать весла—второй шлюпке угрожает опасность. Решили держаться на волне и ждать. Когда подходила волна, делали один гребок и ждали следующей.

Вот накатывается огромная волна. Это девятый вал, он шумит и, ударясь о шлюпку, ухает.

Вторую «потерпевшую» шлюпку особенно трепало на волнах. Казалось, что вот вот опрокинет ее и .. Но она шла, ныряя, скрываясь в волнах и снова забираясь на гребень, высоко оголяя свое дно, похожее на облезший зоб петуха. Наконец, она осторожно пришвартовалась к третьей шлюпке. Весло передано. Ребята повеселели—пошли быстрее.

На этой перевалке участники похода впервые почувствовали тяжесть морской болезни. Головная боль, тошнота мешали бороться с разбушевавшейся стихией. О трудностях, которые перенесли в этот момент шлюпочники, можно судить по тому, что на перевалку в 7 километров было затрачено 6 часов 45 минут, на каждый километр тратили почти час, каждый метр отвоевывали приступом, штурмом.

Устали порядком. Вот и берег. Измученные морской качкой, вышли из шлюпок. Встречали шлюпочников тучи комаров.

■ ■ ■

В Обской губе холодный северо-западный ветер.

— Вот она, губа то какая,—говорили ребята.—К ней в гости приехали, а она к берегу не подпускает.—К 11 часам утра 22 июля подойти к берегу удалось.

В пышном тундровом мху тонут ноги. Через две-три минуты каждый обутый в ботинки, у пяток почувствовал север.

До Нового Порта оставалось 100 с небольшим километров.

Впереди 65-километровая перевалка в бухту Находка. Там, за широким простором Обской губы—Новый Порт.

Шутки, смех.

— Еще два-три натиска и... Новый Порт...—рассуждали между собой ребята. Но тревожил северо-западный ветер и появление темных штормовых туч. Ведь в Обской губе не мало погибло пароходов, рыбниц, моторных лодок, захваченных штормом. Их выбрасывало на мель и разбивало о салмы (подводные движущиеся пески).

Комиссар похода Ковалев, созвав на совещание парторгов шлюпок, сказал:

— Нас многие стращали штормами Обской губы, трудностями, они говорили: «Куда вы? В губу? На этих шлюпках? Это вам не Иртыш». Конечно, Обская губа—не Иртыш, но мы по ее дельте и по самой губе прошли уже более сотни километров. Шли при трудных условиях. Не раз мы встречались со шквалистым ветром, но паники не было. Запомните, что трудности еще впереди, метеорологические условия не в нашу пользу. Видите, с северо-запада на нас ползут тучи. Можно стать на якорь и ожидать у моря погоды. Выжидать погоду мы не можем. Коммунисты и комсомольцы в этом переходе должны особенно показать свою дисциплинированность, хладнокровие, находчивость, настойчивость. Кроме того, сейчас уже трудно ждать хорошей погоды, никто не может сказать, будет ли она.

Надвигалась свинцовая туча. Но сильными порывами ветра тучу разорвало пополам и угнало обе половины в разные стороны.

Выглянуло солнце и показалось, что погода будет хорошей.

Командир похода в бинокль нащупал последний бакан. Было до него 17 километров. От бакана шлюпки пойдут к бухте „Находка".

Анатолий Борисенко, укрывшись тремя одеялами, торопился зарядить несколько фото-кассет.

Динамовская шлюпка, легкая, подвижная, оттолкнулась и остановилась метрах в 40 от берега, поджидая остальных.

Через пять минут и остальные шлюпки, развернув паруса, пошли полным ходом за динамовкой.

Ветер крепчал. Разыгрывалась волна. Сила ветра и величина волн росла с каждой минутой.

Скрылся береговой маяк. Вот и последний бакан. От бакана шлюпки с северо-востока берут курс на север.

Командир похода передает командирам шлюпок приказ:

— Не отста-ва-а-аать друг от друга...

От ударов шторма третья и первая шлюпки уклонялись от берега на восток. Вторая и флагманская держались в северном направлении к бухте.

Куда не взглянешь—неспокойное море. Разбросанные в разные стороны в 40-35 километрах от берега боролись шлюпки с дрейфом и сильными волнами.

Было 10 часов вечера. Берег не появлялся.

С севера показалась темная, как ночь, туча.

Предвидя опасность, Миша Жмаев приказал:

—Команда, взять рифы!

Саша Солодун, Вера Крылова, Анатолий Борисенко, Федотов и Чеботарев, балансируя, быстро брали рифы. Туча приблизилась. Потемнело. Ветер со свистом рванул паруса. Шлюпка хлебнула воды.

Миша Жмаев не растерялся. Набрав в парус ветра, он вывел шлюпку на ход. К шлюпке катилась огромная волна.

— По мес-т-ам!..

Волна ударилась о нос шлюпки и, окатив сидящих в ней, с шумом и пеной осталась позади. А потом такие волны через каждые полминуты накатывались на шлюпку. Прошел час. Волны не стихали. Никакого признака берега. Одни среди бушующего моря...

... Вторую шлюпку относило на запад. У Прядихина окоченела рука, но он ей крепко держит шкотину паруса.

Проходит час.

— Земля!..—кричит Харчук. В самом деле, на горизонте слабо обозначалась темная полоска земли.

... В час ночи участники похода готовились вступить на берег. Этого сделать не пришлось. Не доходя метров 100 до берега, услышали грохот воды. Это шумели непроходимые салмы.

Команда ровно сутки выдерживая натиск шторма, боролась за выход на берег.

После суточного скитания по волнам Обской губы, снова на земле. Берег бухты „Находка" украшен молодой травой и душистыми цветами. Здесь в разгаре весна, зеленая трава, цветут огоньки. За период похода не одну сотню раз приходилось подходить к берегам и еще не разу он так не привлекал, не очаровывал, как этот лохматый с карликовыми кустарниками тундровый берег.

— Натянуть палатки,—приказал боцман похода Конотилов.

Через несколько времени на небольшом холмике бухты „Находка" вырос полотняный городок.

— Обед готов. Об этом Вася громко известил ребят. На зов его никто не откликнулся. Измученные переходом, все спали мертвым сном. Вася подошел к костру, подбросил несколько палок в огонь и тоже улегся спать.

■ ■ ■

От бухты „Находка" вышли на маяк—перевалка девять километров.

Ветер не спадал. От маяка решили пойти берегом, прошли 8 километров, потом весла стали доставать мель... Отлив воды продолжался и шлюпки очутились между берегом и салмой на мели...

Дальше итти нельзя. Вода ушла. Оставалось ждать прилива воды. Или пойти бродом через салму.

— Попробуем перейти,—высказал свое мнение командир динамовской шлюпки Конотилов. С его мнением согласился комиссар похода Ковалев.

— Вот там меньше накручивает воду, туда держись!

Много было потрачено трудов, чтобы пройти мель.

Ночью подул холодный ветер. К утру на шлюпках и на парусах можно было обнаружить лед. Для того, чтобы обогреться, неоднократно брались за весла.

■ ■ ■

24 июля около 12 часов дня остановились на обед. Кипятили чай, из чаек приготовили жаркое и шашлыки.

После двух часов отдыха команда:

— По шлюпкам в последний переход!

Командир похода тов. Симонов, указывая в синюю даль, сказал:

— Вон, видите возвышенность? Там Новый Порт.

Кто-то нетерпеливо спросил:

— Сколько километров?

— Двадцать два.

Времени было около трех часов дня. Холодный, пасмурный ветер. Пришлось восемь километров до ближайшего маяка итти на веслах. Сильными гребками отличался этот путь. Ребята старались, хотелось скорее придти в Новый Порт.

От маяка пошли на парусах.

На горизонте появились две тоненькие, как соломинки, мачты. На шлюпках оживление:

— Есть Новый Порт!

Утро в бухте „Находка".

Легко и радостно льется песня по широким просторам Обской губы, та песня, с которой отплывали от Омска:

„Шагай вперед, комсомольское племя.
Шути и пой, чтоб улыбки цвели.
Мы покоряем пространство и время.
Мы молодые хозяева страны".

Вечерело. Над Новым Портом появилось солнце. Появилось оно в первый раз за четыре дня борьбы со стихией в Обской губе и ее протоках. Первый раз за эти четыре дня повстречались участники похода с теплоходом—„Микоян" (в дни шторма пароходы и катера оставались на якоре, не выходили в плавание).

В 12 часов ночи 24-го июля 1935 года участники комсомольского шлюпочного похода имени 15-летия Сибирского комсомола пришли к Новому Порту. И все тридцать два хором приветствовали финиш:

— Да здравствует Новый Порт!

С песнями вышли на берег Нового Порта. Теплоход «Микоян» вставал на рейд, приветствуя гудками отважных спортсменов...

■ ■ ■

ЕСТЬ НОВЫЙ ПОРТ!

Омск. **Обкому комсомола, редакции „Молодой большевик"**

Борт теплохода «Микоян» (по радио) Ваше задание выполнено. Охвачены глубокой радостью, 24 июля в 12 часов ночи в составе четырех шлюпок, прибыли к финишу—в Новый Порт.

Командир похода **Симонов.**

Комиссар похода **Ковалев.**

■ ■ ■

16 августа 1935 года. Пять часов вечера. Лодочная станция на Оми украшена флагами. От устья Оми до лодочной станции по обоим берегам тысячи трудящихся. Все с нетерпением ждут прибытия отважных героев физкультурников, участников славного похода Омск—Новый Порт.

К мосткам лодочной станции со знаменами и букетами цветов проходят лучшие ударники омских предприятий. Впереди всех идет делегация передового омского предприятия—суконной фабрики имени Кирова. Делегаты в подарок участникам похода несут большую модель парусной шлюпки.

В семь часов в устье Оми показался украшенный красными флажками катер. Бороздя лопастями винта воду, катер направляется к лодочной станции. Гул оркестров, крики «ура»...

Катер причаливает к мосткам, с борта несутся радостные слова приветствий.

На мостках представители Обкома партии, Облисполкома, Оргбюро ЦК ВЛКСМ, Оргбюро ВЦСПС, Областного совета физкультуры, редакций газет.

Командир похода т. **Симонов** сходит с палубы и отдает рапорт ответственному секретарю Облисполкома—председателю Областного совета физкультуры тов. **Кошелеву**. Участники похода сходят с палубы и строятся в одну линию. Представители областных организаций, предприятий, учебных заведений поздравляют их с успешным завершением похода, вручают букеты цветов. Цветов много, никогда Омск не видал их столько.

Заместитель председателя Оргбюро ВЦСПС тов. Шахнович открывает митинг.

Тов. Шунько, от имени всех встречающих, под звуки оркестра вручает букет цветов единственной из числа участников девушке Вере Крыловой. В воздухе появляются три самолета.

Митинг закончен. Шлюпочники стройной колонной идут по зыбкому бону водной станции, медленно поднимаются по лестнице, окруженные встречающими, родными, знакомыми, комсомольцами и молодежью.

Высоко над железным мостом парят самолеты, оттуда летит дождь листовок. Листовки, словно белые мотыльки, медленно опускаются вниз. На них написано: «Комсомольский привет участникам шлюпочного похода Омск—Новый Порт».

На берегу участников рассаживают в убранные цветами легковые автомашины. В сопровождении стройных колонн встречающих, автомашины медленно идут по городу.

■ ■ ■

Горя любовью и революционной преданностью к социалистической родине, партии большевиков и мудрому ее рулевому, товарищу Сталину, участники шлюпочного похода имени пятнадцатилетия Сибирского комсомола, 24 июля в 12 часов ночи, бодрыми и жизнерадостными, в составе 32 человек на четырех шлюпках достигли Нового Порта.

Вот имена этих отважных спортсменов, которые с гордостью заносит комсомол в свою летопись.

Симонов Ф. Ф.
командир похода.
Ковалев А. Ф.
комиссар похода.
Кудинов А. И.
Шушунов С. В.
Козырев И. С.
Семенов П. А.
Руденко П. Н.
Мелехин В. П.
Соловской В. В.
Девяткин П. С.
Солодун А. А.
Копотилов И. А.
Прядихин М. А.
Деев Н. Ф.
Абакумов С. В.
Смирнов А. И.
Жмаев М. А.
Крылова В. А.
Харчук Б. С.
Шевченко П. С.
Слесарев В. И.
Борисенко А. И.
Нахаев Г. Ф.
Андреев А. П.
Дмитриев П. Д.
Залмаев Е. А.
Федотов.
Вышеславский Д. А.
Дзюбенко
Непомнящий П. С.
Цимбалов М. В.
Шадрин В. К.

Их путь, это путь бескровной, но жестокой борьбы со стихией природы, путь закалки физической силы, стойкости, дисциплинированности и воли. 3300 километров, из них 300 километров в условиях морского плавания, по просторам Иртыша, Оби и Обской губы пройдены в 42 дня. В трудных условиях, при отсутствии ветра, 45 процентов всего пути шли на веслах, 35 процентов пути шли галсами.

Безусловно, пройденный путь не измеряется 3300 километрами, сделано много больше. Борясь с волнами, промокая до нитки от дождей, в окружении миллионов комаров, спортсмены учились преодолевать трудности и побеждать.

В этой борьбе участники похода показали физическую выносливость, силу, здоровье, не было ни одного случая заболевания, усталости, моральной неустойчивости, трусости и паники. Высокая сознательная дисциплина никогда не нарушалась участниками похода.

Участники похода никогда не забудут теплой встречи трудящихся, комсомольцев и физкультурников Тары, Усть-Ишима, Тобольска, Увата, Остяко-Вогульска, Березова, Сале-Харда и Нового Порта. Жителей Дальнего Севера и заполярья, хантэ и манси, той теплоты, с которой они встречали и провожали шлюпочников.

Промерзая от холода до костей, участники похода не знали случая остановок из-за этой причины. Шли под дождем, укрываясь брезентами, разводя на шлюпках дымокур для борьбы с комарами.

Неоднократно были захвачены сильными холодными ветрами и волнами, доходящими до 3-х метров. На Иртыше за Тобольском, в Оби, около Кондинска, Хаманельская перевалка, Обская губа, от Бара до бухты «Находка», преодолевая все трудности шли днем и ночью, питаясь на шлюпках в ходу.

Участники славного похода не забудут юных пионеров севера. Под дробь барабана, под звук сирены горна, с цветами в руках, с криками «счастливый путь вам, дорогие товарищи», в ветер, холод и дождь они встречали и провожали их. Спортсмены видели, как заботится о них партия, комсомол, все трудящиеся области. Это возлагало на них еще большую ответственность — оправдать доверие партии и комсомола.

Белье стирали сами.

На каждой остановке, будь это районное село, совхоз, колхозная деревня или пионерский лагерь, команда, организованная в бригады, проводила большую массово-политическую работу.

Медики Солодун, Девяткин и Слесарев осматривали квартиры, проводили беседы. Ими осмотрено и обслужено медицинской помощью 350 человек. Ветеринар Гоша Нахаев и зоотехник Анатолий Борисенко обходили конюшни, скотные дворы, оказывали ветеринарную и зоотехническую помощь колхозам, проводили беседы с телятницами, конюхами, ветеринарными работниками, определяли с помощью микроскопа болезни, устанавливали карантины.

Вера Крылова и самый молодой из команды Женя Залмаев, окруженные пионерами, разучивали марш «Веселых ребят» под гармошку Бориса Харчука. Общее оживление села дополнялось резким звоном колокольчиков и топанием копыт быстро мчащихся лошадей. Это товарищ Семенов проверял работу пожарных команд. Прядихин и Цимбалов проводили беседы с комсоргами о перестройке комсомольской работы на основе указаний XI-го пленума ЦК ВЛКСМ и доклада тов. Косарева. Проведено 38 массовых самодеятельных вечеров, продемонстрировано 32 физкультурных выступления. Выступления Васи Шадрина и Жени Залмаева вызвали восхищение присутствующих.

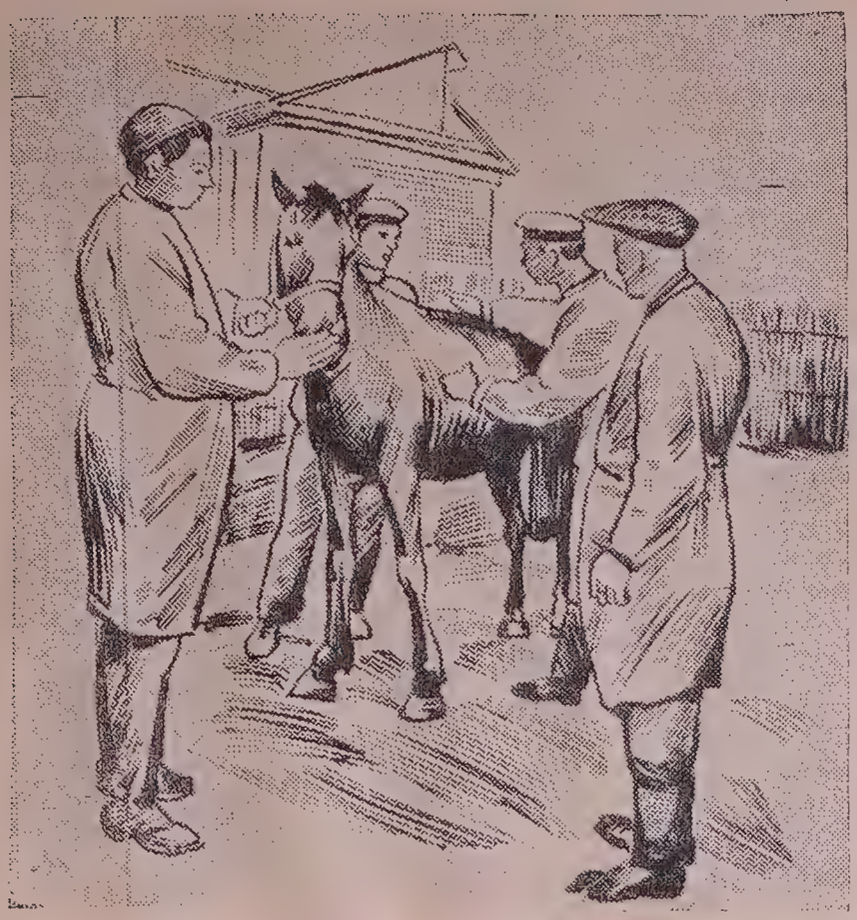
Чрезвычайно интересная по содержанию работа проходила на шлюпках. Вырывая буквально минуты свободного времени, не взирая на погоду, во время хода под парусами команда каждой шлюпки жила полной партийно-комсомольской жизнью. В одной шлюпке прорабатывали историю партии, в другой проводили совещание, в третьей—читали рассказы Зощенко, в четвертой—выпускали стенную газету. Это сменялось читкой газет, коллективным пением, рассказами, шутками, беседами, игрой на гармошке.

Партийная организация в лице парторга похода т. Ковалева, Кудинова, Прядихина, Копотилова и Нахаева, бывших парторгами шлюпок, сыграла решающую роль в успешном окончании похода. Не малую роль в походе сыграли боевые шлюпочные стенные газеты. На шлюпке № 1 (газета «Вперед», редактор Нахаев) выпущено 8 номеров, на шлюпке № 2 (газета «Фордевинд», редактор Шушунов) 11 номеров, на шлюпке № 4 (газета «На воде», редактор Шадрин) 5 номеров. Общепоходной многотиражки (редактор Кудинов) выпущено 10 номеров.

Из 32 участников—13 человек Прядихин, Шадрин, Дзюбенко и ряд других из'явили желание поехать работать на Север.

Запугивания, что участники похода не дойдут, утонут в Обской губе, разты вдребезги, шлюпочники доказали возможность прохождения на шлюпках в условиях не только Иртыша и Оби, но и в условиях Обской губы. Они шли не ради рекорда, не для личного удовольствия. Они шли, чтобы закалить свою волю и мужество, чтобы показать, как советская молодежь умеет побеждать, преодолевая трудности.

И они победили!



Студент Ветеринарного института, участник похода Гоша Нахаев и Соловских осматривают больную лошадь

УЧАСТНИКАМ ШЛЮПОЧНОГО ПОХОДА ОМСК—НОВЫЙ ПОРТ

Областной комитет от души приветствует участников славного комсомольского перехода Омск—Новый Порт и поздравляет с успешным его окончанием.

Обком ВКП(б) выражает надежду, что ваша отвага, мужество будут служить не только блестящим образцом для всей молодежи области в деле втягивания широких масс в овладение водным спортом, но и образцом волевых большевистских качеств в повседневной творческой производительной работе нашей великой социалистической родины.

Большевистский привет славным спортсменам!

Секретарь Областного комитета ВКП(б) БУЛАТОВ.

СО СЧАСТЛИВЫМ ВОЗВРАЩЕНИЕМ, ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Оргбюро ЦК ВЛКСМ Омской области горячо приветствует отважных участников комсомольско-молодежного шлюпочного похода.

Высокая дисциплинированность похода, ваше мужество и непреклонная воля к победе будут служить ярким примером для всех комсомольцев и молодежи Омской области.

Образцовое выполнение вами задания комсомола и всей общественности показывает, на что способны и как беззаветно преданы социалистической родине комсомольцы и советская молодежь, воспитывающаяся под руководством великой партии Ленина—Сталина.

Мы уверены, что шлюпочный поход Омск—Новый Порт будет большим толчком к широкому развертыванию военно-физкультурной, оборонной и краеведческой работы среди комсомольцев и молодежи.

Этот поход призывает комсомольцев и молодежь к созданию еще более ярких примеров во всей дальнейшей работе. Мы имеем все возможности для создания таких образцов и под руководством Обкома партии будем над этим работать.

Со счастливым возвращением, дорогие товарищи! С новыми силами за ударную работу на фронте труда, учебы и воспитания!

Да здравствует партия Ленина—Сталина, воспитавшая тысячи и миллионы молодых, мужественных и волевых сынов и дочерей великой социалистической родины!

Секретарь Оргбюро ЦК ВЛКСМ Омской области ВЛ. ШУНЬКО.

АВТОРЫ ОЧЕРКОВ, ПОМЕЩЕННЫХ В КНИГУ ПОЧЕТА:

М. Арефьев,
Т. Гончарова,
Е. Горелик,
Д. Горелкин,
И. Кудинов,
П. Кислицин,
М. Лачимов,
А. Окушко,
Я. Озолин,
Н. Сенько.

Художники—Н. Сазонов, И. Котовщиков.
Фото—Пинчук, Б. Шумаков, Союзфото.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 9
Да здравствует Сталин!
(выступление М. А. Селькова) 12
Два товарища 16
Счастливая доля 26
Возвращение 30
В борьбе за первенство 34
Комбайнер Цапенко 40
Успех 44
Крушение предельных норм 50
Девушка, побеждающая смерть 52
Вожатая 60
Спор продолжается 64
Стахановка 68
Машинист паровоза № 731-93 71
Вельта Сэккен и ее библиотека 74
Сын 76
Телятница Феклуша Милежик 79
Петр Сажин 83
Пропагандист 86
Воспитанный комсомолом 89
Кандидат на ученую степень 93
Поля Кичикова 97
На лыжах в Заполярье 100

Тех. редактор Б. Миркович. **Корректор Р. Дрокина.**
Ст. ф. 64x96/8. 7¼ п. л. по 72000 зн. в 1 п. л. Сдано в производство 1/II 1936 г. Подписано к печати 14/II 1936 г. Тираж 3.500. Цена 3 р. 50 к. Омск, Облгит № 76 от 5/II 1936 г. Омск. Т.-л. из-ва „Омская правда". Зак № 414.

Ц65у8

ЦЕНА 3 р. 50 к.

0-35